

КАЗАНСКИЙ ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ

КАЗАНСКАЯ НАУКА

№6 2018

Казань - 2018

УДК 08
ББК 72
К4 94

К4 94 Казанская наука. №6 2018г. – Казань: Изд-во Казанский Издательский Дом, 2018. – 118.

ISSN 2078-9955 (print)
ISSN 2078-9963 (online)

Журнал зарегистрирован в Управлении Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций ПИ № ФС77-59615.

Журнал размещен в открытом бесплатном доступе на сайте www.kazanscience.ru.

Журнал включен ВАК РФ в перечень научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Главный редактор А.Р. Шагимуллин

Редакционная коллегия

*Р.Ф. Бекметов – к.филол.н., доцент; В.В. Кондратьев – д.пед.н., профессор;
Н.С. Найденова – д.филол.н., доцент; А.М. Саяпова – д.филол.н., профессор;
Р.Р. Хуснуллина – д.филол.н., профессор.*

В журнале отражены материалы по теории и практике направлений науки, наиболее интенсивно развивающихся в настоящее время. Представлены труды ученых и специалистов вузов, институтов РАН, организаций, учреждений и предприятий, представителей органов власти.

Материалы журнала будут полезны преподавателям, научным работникам, специалистам научных предприятий, организаций и учреждений, а также аспирантам, магистрантам и студентам.

УДК 08
ББК 72

ISSN 2078-9955 (print)
ISSN 2078-9963 (online)

© Казанский Издательский Дом, 2018 г.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Н.С. Найденова, Л.С. Сорокина</i> ФИГУРЫ ПОВТОРА В ТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ПРОПОВЕДИ И ОСОБЕННОСТИ ИХ ПЕРЕДАЧИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ НА АНГЛИЙСКИЙ И ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫКИ	7
---	---

10.01.00 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Р.А. Айнутдинов, З.З. Гилазев</i> ЛИТЕРАТУРНЫЕ МУЗЕИ ЧИСТОПОЛЬСКОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА	12
<i>А.А. Гильманова, И.А. Маклаков, Н.В. Маклакова</i> ДЖ.ТОЛКИЕН: ОТ ВОЛШЕБНЫХ ИСТОРИЙ К ЖАНРУ ФЭНТЕЗИ	15
<i>Р.З. Дарзаманова</i> ОСОБЕННОСТИ ПОЗНАНИЯ ИНЫХ КУЛЬТУР НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ШВЕЙЦАРСКОГО ПИСАТЕЛЯ И ПУБЛИЦИСТА ХУГО ЛЁЧЕРА	18
<i>Р.В. Даутова</i> ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: КИНОПРОИЗВОДСТВО НА КАЗАНСКОЙ СТУДИИ ТЕЛЕВИДЕНИЯ (1960-1970-Е ГГ.)	21
<i>Н.В. Захарова</i> «ПРОБЛЕМНАЯ ПРОЗА» КАК НОВЫЙ ЖАНР В КИТАЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 20-Х ГГ. XX В.	24
<i>А.У. Киньябулатов, Ф.Р. Байтеряков, Р.З. Нуриманов, А.Д. Лифанова, Р.Р. Ибрагимова, Р.В. Исхаков, Р.Н. Зигитбаев, Б. Батсайхан, Д.А. Рахматуллина</i> СОЗДАНИЕ ПЕРВОЙ В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН КРАТКОЙ ПЕРСОНАЛЬНОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ О ЗАСЛУЖЕННОМ ВРАЧЕ РСФСР Н.Н. БАЙТЕРЯКОВЕ	27
<i>О.В. Лескова</i> ОБРАЗ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ГИМНАЗИИ В МЕМОУАРАХ П.В. ЗАСОДИМСКОГО (НА ПРИМЕРЕ ВОЛОГОДСКОЙ ГИМНАЗИИ 1856 – 1863 ГГ.)	30
<i>О.С. Туманова</i> ОБРАЗЫ «СТАРШЕЙ ЭДДЫ» В ПОЭМАХ А.Н. МАЙКОВА «БАЛЬДУР» И «БРИНГИЛЬДА»	34
<i>Лю Янькунь</i> «ДУМЫ ЦВЕТКА И МЕЧТЫ БАБОЧКИ»: ИСТОРИЯ ОДНОГО ЗАГЛАВИЯ (ПЕРВЫЙ ПЕРЕВОД ПОВЕСТИ «КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА» В КИТАЕ)	37

10.02.00 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>А.А. Бекетова, Е.Е. Сафронова</i> ЛИНГВОСТРАНОВЕДЕЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА КАК СПОСОБ ПОВЫШЕНИЯ МОТИВАЦИИ	40
<i>О.А. Бирюкова, Е.А. Давыдова, И.И. Каиштанова</i> РОЛЬ ФОНОВЫХ ЗНАНИЙ В ВОСПРИЯТИИ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ОНИМОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ	43
<i>А.М. Галимова, Ф.Д. Рассказов</i> СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ РАЗВИТИЯ МЕТОДИЧЕСКОЙ ГОТОВНОСТИ ПЕДАГОГА-ЛИНГВИСТА	47
<i>М.М. Гераськова, Е.В. Голован</i> ЯЗЫКОВАЯ ГИБРИДИЗАЦИЯ В ТЕКСТАХ МУЗЫКАЛЬНЫХ СУБКУЛЬТУР ПОЛЬШИ	50
<i>Ф.Ф. Гилемшин</i> ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ ЛЕКСИКА В ТАТАРСКОМ ПЕРЕВОДЕ СКАЗОК «ТЫСЯЧА И ОДНА НОЧЬ»	53
<i>О.В. Гончарова</i> СОЦИОФОНЕТИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ С ПОЗИЦИЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ	57
<i>Е.В. Григорьева, И.М. Солодкова</i> КОНЦЕПЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ И ПАРЕМИИ: ИЗОБРАЖЕНИЕ ЯЗЫКА	61

<i>К.П. Джирова, А.К. Карданова, Ю.В. Пасынкова, В.С. Петросян</i> СОМАТИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ ИДИОМЫ КАК ЭЛЕМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ЕЕ ОСНОВНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКИХ И РУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ, ВКЛЮЧАЮЩИХ СОМАТИЗМЫ «ЛИЦО», «РЫЛО», «DAS GESICHT», «DIE FRESSE»)	66
<i>Ю.Н. Драчева, Н.С. Дьякова</i> ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЯЗЫКОВОГО ОПЫТА СТУДЕНТОВ-ИНОСТРАНЦЕВ ПРИ ОБУЧЕНИИ РКИ	69
<i>Е.Н. Ильина, Л.В. Сабурова</i> "МИР НАСЕКОМЫХ" ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ДИАЛЕКТНОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ВОЛОГОДСКИХ ГОВОРОВ)	72
<i>О.Б. Карасик, О.В. Шалагина</i> ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ ПЕРСОНАЖЕЙ ПРОИЗВЕДЕНИЯ М. БОНДА «МЕДВЕЖОНОК ПО ИМЕНИ ПАДДИНГТОН»	75
<i>М.А. Кузина</i> ОККАЗИОНАЛЬНЫЕ МНОГОКОМПОНЕНТНЫЕ КОМПОЗИТЫ КАК ОСОБЕННОСТЬ ИДИОСТИЛЯ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ПИСАТЕЛЯ-МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИСТА	78
<i>Б.А. Мхитарьян</i> РАЗНОВИДНОСТИ МЕТАФОРЫ КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ ИРОНИЧЕСКОГО ЭФФЕКТА В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ РОМАНА Д. ГОЛСУОРСИ "САГА О ФОРСАЙТАХ"	81
<i>С.В. Николаева, К.И. Федорова</i> ИНТОНАЦИОННЫЙ АНАЛИЗ КАТЕГОРИИ ДЕСТРУКТИВНОСТИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ	84
<i>О.О. Петрова</i> СЕМАНТИКА, ГРАММАТИКА И ПРАГМАТИКА «ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ МЕСТОИМЕНЕЙ»	88
<i>Д.А. Романов</i> ОШИБКИ ПЕРЕВОДА С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ ЯЗЫК ИМЕННЫХ ГРУПП "PREMODIFIER(S) + HEAD NOUN"	91
<i>Н.С. Синицына</i> ИЗМЕНЕНИЕ СТЕПЕНИ КАТЕГОРИЧНОСТИ ВЫСКАЗЫВАНИЯ	94
<i>А.Е. Фалилеев</i> МЕТОДИЧЕСКАЯ РАЗРАБОТКА УПРАЖНЕНИЙ ПО ДОМАШНЕМУ ЧТЕНИЮ ПО ПРОФИЛЮ «ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК» ДЛЯ СТУДЕНТОВ-БАКАЛАВРОВ	98
<i>А.А. Фомин</i> ФРЕЙМОВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ТАКТИЛЬНО-ЗРИТЕЛЬНОЙ СИНЕСТЕЗИИ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНОВ Н. ГЕЙМАНА)	101
<i>Ж.Ю. Шацкая</i> ОБРАЗНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ КОНЦЕПТА «МОДА»	104
<i>Д.Б. Шебзухова</i> ВАЛЕНТНОСТЬ И СОЧЕТАЕМОСТЬ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ В МНОГОКОМПОНЕНТНЫХ АТРИБУТИВНЫХ КОМПЛЕКСАХ	107
АННОТАЦИИ	110

THE RELEASE MAINTENANCE

<i>N.S. Naydenova, L.S. Sorokina</i> FIGURES OF REPETITION AND THEIR TRANSLATION INTO ENGLISH AND FRENCH	7
--	---

10.01.00 – PHILOLOGICAL SCIENCES – LITERARY CRITICISM

<i>R.A. Aynutdinov, Z.Z. Gilazev</i> LITERARY MUSEUMS OF THE CHISTOPOLSK MUSEUM OF THE RESERVE	12
<i>A.A. Gilmanova, I.A. Maklakov, N.V. Maklakova</i> J. TOLKIEN: FROM FAIRY-TALES TO THE GENDER OF FANTASY	15
<i>R.Z. Darzamanova</i> THE PERCEPTION OF DIFFERENT CULTURES IN THE CONTEXT OF THE WORK OF SWISS AUTHOR HUGO LOETSCHER	18
<i>R.V. Dautova</i> PROVIDING INFORMATION ACTIVITIES: FILM PRODUCTION AT KAZAN STUDIO OF TELEVISION (1960-1970)	21
<i>N.V. Zakharova</i> "PROBLEMATIC PROSE" AS A NEW GENRE IN CHINESE LITERATURE IN THE EARLY TWENTIETH CENTURY	24
<i>A.U. Kinyabulatov, F.R. Bayteriakov, R.Z. Nurimanov, A.D. Lifanova, R.R. Ibragimova, R.V. Iskhakov, R.N. Zigitbaev, B. Batsaikhan, D.A. Rakhmatullina</i> CREATION OF THE FIRST IN THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN BY BRIEF PERSONAL ENCYCLOPEDIA ABOUT THE HONORABLE DOCTOR OF THE RSFSR N.N. BYTERYAKOV	27
<i>O.V. Leskova</i> THE IMAGE OF PROVINCIAL COLLEGE IN MEMOIRS P.V. ZASODIMSKY (ON THE EXAMPLE OF VOLOGDA COLLEGE, 1856 – 1863)	30
<i>O.S. Tumanova</i> IMAGES OF POETIC EDDA IN POEMS "BALDUR" AND "BRUNHILDA" BY A.N. MAYKOV	34
<i>Liu Yankun</i> FLOWER'S THOUGHTS AND BUTTERFLY'S DREAM: THE HISTORY OF ONE TITLE (THE FIRST TRANSLATION OF THE STORY "THE CAPTAIN'S DAUGHTER" IN CHINA)	37

10.02.00 - PHILOLOGICAL SCIENCES –LINGUISTICS

<i>A.A. Beketova, E.E. Safronova</i> THE ASPECT OF THE CULTURE-ORIENTED LINGUISTICS IN STUDYING A FOREIGN LANGUAGE AS A WAY TO INCREASE THE MOTIVATION LEVEL	40
<i>O.A. Biryukova, E.A. Davydova, I.I. Kashtanova</i> THE ROLE OF BACKGROUND KNOWLEDGE IN PERCEPTION AND INTERPRETATION OF PRECEDENT ONYMS IN A FICTIONAL TEXT	43
<i>A.M. Galimova, F.D. Rasskazov</i> THE CURRENT STATE OF DEVELOPMENT OF METHODOLOGICAL READINESS OF THE TEACHER-LINGUIST	47
<i>M.M. Geras'kova, E.V. Golovan</i> LANGUAGE HYBRIDIZATION IN TEXTS OF MUSICAL SUBCULTURES OF POLAND	50
<i>F.F. Gilemshin</i> THE EMOTIONAL LEXIS IN THE TATAR TRANSLATION OF THE FAIRY TALES "ONE THOUSAND AND ONE NIGHTS»	53
<i>O.V. Goncharova</i> SOCIOPHONETICS IN RUSSIAN LINGUISTICS	57
<i>E.V. Grigorieva, I.M. Solodkova</i> THE CONCEPT OF A PHRASEOLOGICAL UNIT AND PAREMIA: LANGUAGE IMAGE	61
<i>K.P. Djirova, A.K. Kardanova, Yu.V. Pasinkova, V.S. Petrosyan</i> SOMATIC COMPONENTS OF IDIOMS AS THE ELEMENT OF FORMING ITS BASIC CHARACTERISTICS (BASED ON GERMAN AND RUSSIAN PHRASEOLOGICAL UNITS THAT INCLUDE COMPONENTS «ЛИЦО», «ПЫЛО», «DAS GESICHT», «DIE FRESSE»)	66
<i>Yu.N. Dracheva, N.S. Dyakova</i> THE USE OF FOREIGN STUDENTS' LANGUAGE EXPERIENCE IN THE TRAINING OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE	69

<i>E.N. Ilyina, L.V. Saburova</i> "WORLD OF INSECTS" THROUGH THE PRISM OF DIALECT WORD FORMATION (ON MATERIAL OF THE VOLOGDA DIALECTS)	72
<i>O.B. Karasik, O.V. Shalagina</i> TRANSLATION PECULIARITIES OF CHARACTERS' SPEECH BEHAVIOR IN M. BOND'S "A BEAR CALLED PADDINGTON"	75
<i>M.A. Kuzina</i> LSI UNITS AS A TYPICAL FEATURE OF MULTICULTURAL LITERATURE	78
<i>B.A. Mkhitaryan</i> METAPHOR VARIETIES AS A MEANS OF CREATING AN IRONIC EFFECT IN TEXTS OF THE NOVEL BY J. GALSWORTHY "THE FORSYTES SAGA"	81
<i>S.V. Nickolayeva, K.I. Fedorova</i> INTONATION ANALYSIS OF THE DESTRUCTIVE CATEGORY IN POLITICAL DISCOURSE	84
<i>O.O. Petrova</i> SEMANTICS, GRAMMAR AND PRAGMATICS «NEGATIVE PRONOUNS»	88
<i>D.A. Romanov</i> CASES OF INCORRECT TRANSLATION OF NOMINAL PHRASES "PREMODIFIER(S) + HEAD NOUN" FROM ENGLISH INTO RUSSIAN	91
<i>N.S. Sinitsyna</i> MODIFICATION OF A STATEMENT'S CATEGORY DEGREE	94
<i>A.E. Falileev</i> THE METHODICAL DEVELOPMENT OF EXERCISES ON HOME-READING ON THE FOREIGN LANGUAGE PROFILE FOR STUDENTS-BACHELORS	98
<i>A.A. Fomin</i> FRAME ORGANIZATION OF TACTILE-VISUAL SYNAESTHESIA (BASED ON NOVELS BY N. GAIMAN)	101
<i>Zh.Yu. Shatskaya</i> SOCIAL MARKER OF CONCEPT «MODA»	104
<i>D.B. Shebzuhova</i> VALENCE AND COMBINABILITY OF LANGUAGE UNITS IN MULTICOMPONENT ATTRIBUTIVE COMPLEXES	107
ABSTRACTS	110

10.02.00

Н.С. Найденова д-р филол. наук, Л.С. Сорокина

Российский университет дружбы народов,
кафедра иностранных языков филологического факультета,
Москва, nns1306@mail.ru, lyudasoro@yandex.ru

ФИГУРЫ ПОВТОРА В ТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ПРОПОВЕДИ И ОСОБЕННОСТИ ИХ ПЕРЕДАЧИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ НА АНГЛИЙСКИЙ И ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫКИ

*Статья посвящена изучению фигур повтора, которые являются важной составляющей современной религиозной проповеди. Материалом исследования послужили книги Святейшего Патриарха Кирилла «Тайна покаяния. Великопостные проповеди» (во французском переводе *La Conversion au Royaume de Dieu*) и «Мысли на каждый день года» (в английском переводе *Patriarch Kirill in His Own Words*). В статье анализируются риторические приемы, задействованные при переводе текстов проповедей Святейшего Патриарха Кирилла.*

Ключевые слова: *проповедь, эпимона, пролепис, анадиплосис.*

В настоящее время вопрос о том, какой должна быть современная проповедь, волнует не только священнослужителей и верующих, но и людей, проявляющих интерес к ораторскому искусству. Если обратиться к Большой энциклопедии Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона, то проповедь характеризуется как «жанр религиозной пропаганды, публичная речь священнослужителя (проповедника) в храме, содержащая разъяснение положений вероучения, комментарии к Священному Писанию, рекомендации к соответствующему поведению и действиям» [6, с. 335].

Н.И. Барсов определяет проповедь как «открыто предлагаемое пред многими („и что слышал от меня при многих свидетелях, то передай верным людям, которые были бы способны и других научить“ – 2 Тим. 2:2) слово или учение о Христе, которое бывает или возвещением глагола Веры – Иисуса Христа, то есть предварительным кратким сообщением людям о неведомой им дотоле единой истинной религии, устрояющей в мире царствие Божие, царствие духа и истины, или изложением и объяснением самого Божественного учения Иисуса Христа, соединенное с наставлением и руководством людей в жизни, согласной с Его заповедями и учением. Первое – возвещение людям Иисуса Христа, как Спасителя мира, образует проповедь миссионерскую, огласительную, обращенную к неведущим дотоле Христа; второе – изложение и объяснение Его учения составляет проповедь внутреннюю, церковную, обращенную к чадам Церкви» [1, с. 2].

Филолог Ю.Ю. Кабанкова рассматривает проповедь как вид устной гомилетической речи, которая следует за богослужебным действием и неразрывно с ним связана, произносится в форме монолога и адресована собравшимся на богослужение [11, с. 182].

Таким образом, целью проповеди является разъяснение верующим учения Церкви и убеждение слушателей в его истинности. В античные времена проповедование являлось одним из основных направлений риторики. Искусство убеждающей речи (риторика) пересекалось с искусством проповедования (гомилетики). Тем не менее, главное отличие проповеди от других родов светского красноречия заключается в ее качествах и свойствах [4]. Г. Булгаков считает «риторство пастырское» существенным признаком церковной проповеди, а личный труд и способности проповедника — решающим фактором в его деятельности [8].

Епископ Феодосий Бельченко, говоря о типах проповеди, выделяет два основных ее вида: проповедь в виде «научения» и в виде подробного изложения и объяснения божественного учения. Первый вид образует проповедь миссионерскую, обращенную к миру, не знающему о Христе. Второй вид составляет проповедь внутреннюю, церковную. Эти два вида проповеди имеют единую цель — приведение людей ко спасению, к вечной и нетленной жизни (2 Тим. 1:10) [3].

Успех проповеди зависит не только от ее содержания и тематики, но и от личности проповедника. Н.И. Барсов полагает, что личность говорящего не меньше значит для убеждения слушающих, чем самое содержание слова и его форма [1]. Проповедь является не только отражением духовной составляющей проповедника, но и показывает его как личность всестороннюю, развивающуюся и современную.

Современные языковеды относят проповедь к речевому жанру. М.М. Бахтин определяет речевые жанры как «относительно устойчивые типы высказываний, выработанные сферой использования языка для определенной сферы общения, соединяющие в себе тематическое содержание, стиль и композиционное построение», и подразделяет все речевые жанры на первичные и вторичные [2]. В числе первичных речевых жанров религиозного дискурса Е.В. Бобырева выделяет псалмы, притчи и молитвы. К вторичным речевым жанрам относятся проповедь, исповедь, обращения, послания и др. [5].

Главная особенность проповеди как вторичного речевого жанра заключается в сочетании двух разных направлений — «духовного» и «земного». Например, основной чертой содержания проповедей главы Русской Православной Церкви является соединение двух аспектов, а именно актуальных проблем современности и соотношение их с евангельскими истинами.

Вопрос о стилевой принадлежности проповеди остается открытым. Он именуется исследователями в области языкознания по-разному: церковно-религиозный стиль [14], религиозно-проповеднический стиль [15], религиозно-культовый, церковно-богослужебный стиль [7], конфессиональный стиль (в украинистике) [18]. По мнению О.А. Крыловой, термин «церковно-религиозный стиль» представляется предпочтительным, поскольку «указывает одновременно и на сферу общественной деятельности, в которой он функционирует, и на религиозную форму общественного сознания, и на церковных деятелей как авторов соответствующих текстов, но не ограничивает его реализацию лишь жанром» [14].

Церковно-религиозный стиль представляет собой функциональную разновидность современного русского литературного языка, обслуживающую сферу церковно-религиозной общественной деятельности и соотносящуюся с религиозной формой общественного сознания. Данной стилевой разновидности присущ определенный набор лексических единиц и конструкций. Системность церковно-религиозного стиля отражается в следующих параметрах: а) содержательная сторона; б) коммуникативная цель; в) образ автора; г) характер адресата; д) система языковых средств и особенности их организации. Стиль характеризуется грамматическими ресурсами, которые включают в себя морфологические и синтаксические средства, обеспечивающие: 1) книжный характер стиля; 2) архаическую стилистическую окраску речи (архаические морфологические формы, устаревшее управление, инверсия согласуемого компонента в словосочетании); 3) создание экспрессивного эффекта [14].

Проповедь как речевой жанр характеризуется использованием широкого спектра фигур мысли. Выбор особенностей использования фигур повтора в тексте современной православной проповеди обусловлен связи тем, что они являются неотъемлемой частью любой ораторской речи, выполняя персуазивную функцию и повышая ее убедительность. Материалом исследования послужили книги Патриарха Кирилла «Тайна покаяния. Великопостные проповеди» (во французском переводе *La Conversion au Royaume de Dieu*) и «Патриарх Кирилл. Мысли на каждый день года» (в английском переводе *Patriarch Kirill in His Own Words*). Сопоставительный анализ оригинального и переводных текстов позволяет изучить природу фигур повтора и раскрыть особенности их передачи на других языках.

Функционирование фигур повтора в тексте современной проповеди

Древнейшим и простейшим способом усилить выразительность слова было повторить его дважды, подряд или почти подряд. Ораторы всех времен не только прибегали к использованию различных видов аргументации и топов, но и включали в свою речь фигуры мысли. Деятели слова, заинтересованные в том, чтобы их речь оказывала определенное впечатление на слушателей, стремились акцентировать внимание слушателей на определенных деталях, для этого они использовали фигуры повтора. Благодаря задействованию этих фигур в сознании адресата формировался и закреплялся устойчивый образ.

Одной из фигур повтора является пролепсис. Этот термин используется не только в лингвистике, но и в психологии. Так, например, психолог М. Коул называет данную фигуру культурным механизмом, который переносит «конец в начало». Ф. Уэбстер дает следующую характеристику данному термину: «Представление будущего действия или развития действия как уже существующего» [16]. Пролепсис является категорией эпикурейской философии и фигурой речи. Данное средство представляет собой одну из разновидностей повтора, суть которого заключается в том, что мысль автора раскрывается постепенно, путем введения в речь новых деталей. Первая часть конструкции включает *предвосхищающие* элементы, вторая – *предвосхищаемые*.

В выступлениях Патриарха Кирилла можно обнаружить примеры пролепсиса, коннекторами в котором выступают лексемы с абстрактной семантикой (вопрос, проблема), местоименные слова или абстрактные наименования (ценности, мудрость). Так, Святейший Патриарх, говоря о том, как можно преодолеть чувство неприязни друг к другу, использует **пролепсис с абстрактным наименованием**:

А есть еще одно совершенно **поразительное средство – сделать этому человеку добро**. Те, кому мы **делаем добро**, навсегда остаются в нашем сердце. Меняется отношение к человеку, если **вы делаете ему добро** [13, с. 37].

Another method is to do good to this man. When we do good things for people, they remain in our hearts forever [20, p. 31].

В русской версии предвосхищающим элементом является содержащее эпитет словосочетание *поразительное средство*, а в английской версии эту роль выполняют нейтральные лексемы (*another method*). Словосочетание *сделать этому человеку добро* (*to do good to this man*) становится предвосхищаемым элементом. Пролепсис задействуется вместе с еще одной фигурой повтора, а именно эпимоной, использование которой заключается в повторении одного или того же словосочетания с небольшими вариациями. В английской версии эпимона отсутствует, так как переводчики опускают вторую часть высказывания для того, чтобы избежать плеонастичности. С помощью эпимоны внимание читателей акцентируется на понятии *добро*. Значение словосочетания *делать добро* рассматривается с позиции человека, которому сделали добро, и с точки зрения человека, который совершает хорошие поступки. Таким образом, ключевое понятие рассматривается наиболее подробно и с разных ракурсов, что делает идею понятной и аргументированной. Пролепсис нужен для того, чтобы увлечь читателей и обратить их внимание на конкретный предмет, а эпимона — для того, чтобы детально его рассмотреть.

Пример пролепсиса также можно наблюдать в следующем высказывании:

Двери покаяния открываются перед каждым человеком **при соблюдении совершенно конкретных условий**. Конечно, **способность к искреннему и сердечному покаянию** — это дар Божий, но каждый должен стремиться стяжать этот дар в себе. А обретается этот Божий дар нашими усилиями через прощение своих ближних, всех, кто нас обидел, через испрашивание прощения у тех, кого мы обидели сами, через утверждение в себе чувства ненависти ко греху, через неприятие греховного образа жизни, через страх Божий.

Но есть еще одно условие искреннего и сердечного покаяния и вместе с тем самостоятельное, очень важное измерение духовной жизни человека — **это осознание своей греховности** [12, с. 91].

La conversion est à la portée de toute personne. Bien sûr, **la capacité à se repentir sincèrement, du fond du cœur**, est un don de Dieu, mais il est accessible à tout homme. Nous pouvons l'acquérir en pardonnant à nos prochains, à tous ceux qui nous ont fait du tort, en demandant pardon à ceux que nous avons offensés, en cultivant la haine pour le péché et la crainte de Dieu.

La reconnaissance de son péché est la condition préalable de la véritable conversion du cœur; c'est aussi une dimension fondamentale de la vie spirituelle [19, p. 99].

В данном примере пролепсис функционирует за счет введения двух предвосхищающих элементов: *конкретные условия* и *еще одно условие*. Во французском тексте пролепсис отсутствует: первый предвосхищающий элемент *конкретные условия* опущен, а второй используется в функции предиката.

С одной стороны, пролепсис выполняет в тексте интригующе-актуализирующую функцию, нацеленную на возбуждение интереса и активизацию внимания адресата сообщения [9, с. 62], с другой — помогает сделать акцент на определенных понятиях, которые фигурируют в тексте. При этом французский текст оказывается лишенным предвосхищающих элементов, но в то же время более эксплицитным.

Одной из самых распространенных фигур повтора является анадиплосис. Данная фигура реализуется путем повтора одной или нескольких лексических единиц таким образом, что последнее слово или фраза первой части отрезка речи повторяется в начале следующей части. Тем самым они связываются в единое целое. Например, в следующем отрывке можно наблюдать данную фигуру:

Господу было угодно, чтобы все мироздание основывалось на законе **гармонии**. А **гармония** — это сочетание элементов, даже разнородных, в некое единое целое, которое несет в себе подлинную, Божественную красоту [13, с. 28].

It was pleasing to God to build the whole universe upon the law of **harmony**. **Harmony** unites even diverse elements to make of them a single whole, which is marked with divine beauty [20, p. 23].

Используя анадиплосис, Святейший Патриарх акцентирует внимание читателей на доминантной лексеме высказывания, раскрывая значение и смысл понятия *гармония*, которое является важным элементом христианской веры.

Пример анадиплосиса также можно наблюдать в следующем высказывании:

А когда получаем просимое от Господа, то нужно обращаться к Нему с благодарностью, при этом благодарить за содеянные милости лучше простыми человеческими словами, которые приходят нам на ум, говорить как умеем, лишь бы от чистого сердца и с крепкой **верой**. **Эта вера**, это доверие к Богу является неперменным условием молитвы [12, с.63].

Et quand nous avons obtenu de Dieu ce que nous lui demandions, il ne faut pas oublier de le remercier, d'une manière simple, spontanée, avec les premières paroles qui nous viennent à l'esprit. Ce qui est important, c'est que cela soit fait avec un cœur pur et avec une **foi solide**. **La foi** et la confiance en Dieu sont les fondements de la prière [19, p. 148].

В данном примере используется анадиплосис, с помощью которого акцентируется понятие *веры*. В связи с тем, что структура французского и русского предложения неодинакова, переводчики прибегли к грамматической трансформации, а именно к членению предложения. Данный прием позволяет в более лаконичной, статной манере передать идею автора.

Таким образом, проповедь как особый жанр церковно-религиозного стиля выходит за границы церковных стен и становится объектом интереса, не только верующих, но и специалистов в области языкознания. В настоящее время проповеди Святейшего Патриарха Кирилла являются образцами того, как должна выглядеть речь современного проповедника, который хочет заинтересовать слушателей, поддержать их внимание и заставить их участвовать в беседе, которая касается сложных религиозных понятий. Фигуры мысли являются неотъемлемой частью выступлений Святейшего Патриарха Кирилла. Исследователи в области языкознания особо выделяют в их числе фигуры повтора, так как именно они способствуют формированию и закреплению в сознании адресата устойчивых образов. К данным фигурам относятся пролепсис, эпимона, анадиплосис и др. Например, пролепсис используется для того, чтобы постепенно раскрывать смысл используемых автором понятий путем введения в речь новых деталей. Следовательно, использование данной фигуры позволяет заинтересовать читателя и в течение долгого времени удерживать его внимание. Анадиплосис также часто

фигурирует в текстах проповеди, данная фигура служит для того, чтобы выделить ключевые понятия и подчеркнуть их значимость. Каждая фигура, используемая Святейшим Патриархом Кириллом, служит определенным средством воздействия на аудиторию.

Фигуры повтора находят различное отражение в переводе трудов Святейшего Патриарха Кирилла по-разному, а в ряде случаев оказываются утрачены. Иногда для того, чтобы задействовать ту или иную фигуру, переводчики прибегают к различным языковым трансформациям, в результате чего основной посыл проповеди оказывается точно и ясно передан на иностранном языке с учетом его структурных особенностей.

Список литературы

1. Барсов Н.И. История первобытной христианской проповеди (до IV века). СПб.: Либрокон, 1885. — 406 с.
2. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества. М.: «Искусство», 1986. — С.250—296.
3. Бильченко, Феодосий, Епископ. Гомилетика. Теория церковной проповеди: Автореферат дис. ... магистра богословия. М.: 2004. — 185 с.
4. Блаженный Августин, епископ Иппонский. Христианская наука, или Основания священной герменевтики и церковного красноречия. СПб.: Аксионэстин, 2004. — 355 с.
5. Бобырева Е.В. Религиозный дискурс: ценности, жанры, стратегии (на материале православного вероучения). Волгоград: Перемена, 2007. — 375 с.
6. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Большая энциклопедия: В 62 томах. М.: ТЕРА, 2006. Т. 39. — 592 с.
7. Бугаева И.В. Стилистические особенности и жанры религиозной сферы // Стилистика текста. Н. Новгород: Нижегородский гос. лингвистич. ун-т, 2009. — С. 85—87.
8. Булгаков Г. Теория православно-христианской пастырской проповеди: (Этика гомилии): Очерк систематического курса. Курск: Епархиальная тип., 1916. — 168 с.
9. Граудина Л. К., Ширяев Е. Н. Культура русской речи. М.: Издательская группа НОРМА—ИНФРА М, 1999. — 560 с.
10. Зуев М.Б. Лингвориторика интертекста в переводном американском проповедническом дискурсе как метафизическом дискурсе успеха: Дисс. ... канд. филол. наук. Сочи, 2009. — 242 с.
11. Кабанкова Ю.Ю. Патриарх Кирилл: образ ратора — анализ публичных речей // Риторика Патриарха. М.: Русистика, 2017. — С. 177—251.
12. Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси. Тайна покаяния. Великопостные проповеди. М.: Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2012. — 494 с.
13. Кирилл, Патриарх. Мысли на каждый день года. М.: Общецерковная аспирантура и докторантура им. Святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, 2017. — 279 с.
14. Крылова О.А. Церковно-религиозный стиль // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М.: «Флинта-Наука», 2003. — С.612—616.
15. Крысин Л.П. Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М.: Языки славянской культуры, 2004. — 888 с.
16. Мещеряков Б.Г., Зинченко В.П. Большой психологический словарь. М.: «Олма-Пресс», 2003. — 415 с.
17. Тарасов М.И. Фигуры мысли в текстах Патриарха Кирилла о Русском мире // Риторика патриарха. М.: Русистика, 2017. — С. 93—176.
18. Шевченко Л.Л. Конфессиональный стиль // Українська мова: енциклопедія. Киев, 2000. — С. 252—253.
19. Patriarche Cyrille. La conversion au Royaume de Dieu. Épinay-sous-Sénart: Édition Sainte-Geneviève, 2014. — 284 p.
20. Patriarch Kirill in His Own Words. NY.: St Vladimir's Seminary Press, 2016. — 255 p.

10.01.00 - ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ - ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

10.01.02

Р.А. Айнутдинов¹ канд. истор. наук, З.З. Гилязов² канд. филол. наук

¹ Институт Татарской энциклопедии и регионоведения
Академии наук Республики Татарстан,
Центр регионоведения и социокультурных исследований,
Казань, r-anttd@mail.ru

² Институт Татарской энциклопедии и регионоведения
Академии наук Республики Татарстан,
Центр изучения татарской диаспоры,
Казань, gzz@mail.ru

ЛИТЕРАТУРНЫЕ МУЗЕИ ЧИСТОПОЛЬСКОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА

Статья посвящена литературным музеям Чистопольского историко-архитектурного и литературного музея-заповедника. Выявлены история их становления и материалы, которые в них хранятся. Подчеркнуты особенности, которые позволяют дополнить историю русской и татарской литературы Татарстана.

Ключевые слова: *Чистопольский государственный историко-архитектурный и литературный музей-заповедник, литературный музей, Б.Пастернак, Г.Исхаки, Л.Леонов, Чистополь.*

Чистопольский государственный историко-архитектурный и литературный музей-заповедник образован 11 июня 2014 г. постановлением Кабинета Министров Республики Татарстан в границах исторического центра г. Чистополь (171,46 га.). В 2015 г. утверждены границы охранный зоны музея-заповедника, которые совпадают с границами Достопримечательного места «Исторический центр Чистополя» включенного в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации. В состав музея-заповедника входят Мемориальный музей Бориса Пастернака, Музей истории города, Литературно-мемориальный музей «Дом учителя», Историко-мемориальный и этнографический комплекс Г. Исхаки (с. Кутлушкино Чистопольского района РТ), музейный сувенирный салон, музейно-выставочный комплекс, в данной статье мы уделим внимание литературным музеям.

Во время Великой Отечественной войны тыловой город Чистополь Татарской АССР приютил многих деятелей культуры и искусства СССР. Сюда были эвакуированы или неоднократно приезжали к эвакуированным семьям писатели Борис Пастернак, Леонид Леонов, Анна Ахматова, Константин Тренёв, Николай Асеев, Михаил Исаковский, Константин Федин, Мария Петровых, Виктор Боков, Александр Гладков, Александр Твардовский, Александр Фадеев, Василий Гроссман, Петр Павленко, Степан Щипачев, Евгений Долматовский, Лев Ошанин, Алексей Сурков, Илья Сельвинский и др. Многие из них посещали писательские собрания, литературные и музыкальные вечера, творческие встречи, проходившие в Дом учителя, он был своеобразным культурным центром тылового Чистополя и собирал всех писателей (и живших в городе, и приезжавших с фронта), так как там находилось отделение Союза советских писателей. В чистопольском Доме учителя в члены Союза писателей были приняты Виктор Боков, Александр Гладков, Лев Ошанин и Мария Петровых. На сцене актового зала Дома учителя неоднократно ставили пьесы, написанные в Чистополе в годы Великой Отечественной войны. В 2009 г. был открыт Мемориальный комплекс «Дом учителя». В 2009-2014 в составе «Музейного объединения

г. Чистополя», с 2014 г. в составе «Чистопольского государственного историко-архитектурного и литературного музея-заповедника», переименован в Литературно-мемориальный музей «Дом учителя». В музее действует выставка «Стал Чистополь обителью для муз...», посвящённая эвакуированным советским писателям. В экспозиции представлены письма, книги, фотографии, мемориальные вещи, принадлежавшие писателям Л.М.Леонову, М.В.Исаковскому, К.А.Треневу, К.А.Федину, А.Т.Твардовскому, Е.А.Долматовскому. В фондах музея-заповедника хранится фонд Г.С.Муханова, в котором содержатся оригиналы и копии писем чистопольского периода, фотографии разных лет эвакуированных в Чистополь писателей, а также публицистические материалы о них, воспоминания членов их семей, переписка писателей с Г.С.Мухановым (В.Ф.Боков, Н.В.Чертова, З.Н.Александрова, М.А.Зенкевич и др.). Музей-заповедник располагает мемориальным фондом документов, фотографий, личных вещей, принадлежавших писателям, эвакуированным в Чистополь: Н.Н.Асееву, В.С.Гроссману, И.Л.Сельвинскому, К.А.и Л.М.Тренёвым. Также имеется архив писателя Шамбадала (оригиналы переводов и фельетонов чистопольского периода, оригиналы фотографий разных лет, шаржей, личные вещи) [4, 5].

Литературно-мемориальный музей «Дом учителя» позволяет глубже понять не только творчество писателей живших в Чистополе в период Второй мировой войны, но и их окружение, выявлению взаимосвязей, систематизированию жизненного и творческого пути писателей.

Музей «Дом учителя» помогает составить общее представление о литературной жизни уездного города, экспозиция мемориального музея Б.Л.Пастернака дает сведения о лауреате Нобелевской премии по литературе 1958 года. В соответствии с приказом Министерства культуры ТАССР от 12 февраля 1990 г. в Чистополе был основан Мемориальный музей Б.Л.Пастернака, на правах филиала Государственного объединенного музея ТАССР. В доме Вавиловых (по адресу ул. Володарского, 75), где снимал комнату известный писатель (с 18 октября 1941 г. по 23 июня 1943 г.). В Чистополе Б.Л.Пастернаком переведены «Ромео и Джульетта», «Антоний и Клеопатра» У. Шекспира, стихи и поэмы польского поэта Ю.Словацкого, начал писать ряд оригинальных произведений, в частности роман «Доктор Живаго», поэма «Зарево» (не окончена), пьеса «На этом свете» (не окончена), несколько стихотворений. С 2007 г. музей стал муниципальным. Долгое время музей вынужден был существовать в тесном помещении: занимал две двухкомнатные квартиры общей площадью 111 кв.м. В 2010 г. в связи с отселением жильцов дома все здание было передано музею. В 2012 г. после ремонтно-реставрационных работ музей получил новые экспозиционные площади, зал для проведения мероприятий и временных выставок, кабинеты сотрудников. В музее воссоздана обстановка мемориальных комнат, действует экспозиция, посвященная жизни и творчеству Бориса Леонидовича. В музее представлены документальные источники: фотографии, письма, страницы воспоминаний, дневниковые записи. Особую ценность представляют мемориальные предметы и прижизненные издания произведений Б.Л. Пастернака [1, 3]. Экспозиция музея отражает суть вещей, демонстрирует их многозначность, контрастность, а иногда и внутренние противоречия. Порою экспонаты намного ярче проявляют себя в сравнении с некоторыми сочинениями автора, акцентируют внимания на ключевых положениях, помогая расширить литературоведческий анализ текстов писателя.

В состав Чистопольского музея-заповедника входит также историко-мемориальный и этнографический комплекс Гаяза Исхаки в родном селе Кутлушкино Чистопольского района РТ [2]. Из-за того, что дом, в котором писатель родился и вырос, не сохранился. Первая экспозиция, рассказывающая о творчестве писателя, была создана Я.Валиевой в 1993 г. в сельском доме культуры. Начальным экспонатом музея стал привезенный из Стамбула (Турция) известным литературоведом И.Нуруллиным горсть земли с могилы Г.Исхаки. Музей был организован в соответствии с распоряжением Кабинета Министров РТ от 27 мая 1997 г., открыт 30 июня 1999 г. как филиал Государственного объединённого музея РТ., разместился на территории бывшей усадьбы купца Сайфутдина, мужа родной сестры

Г.Исхаки – Фаридыбану. В этом доме Г.Исхаки неоднократно бывал, приезжая на родину. От усадьбы сохранился двухэтажный кирпичный дом, представляющий собой характерный памятник жилой архитектуры рубежа XIX–XX вв. Архитектурно-планировочное решение ансамбля усадьбы воссоздано по описанию племянницы Г.Исхаки – С.Шариповой. В экспозиции музея 2 основных раздела: историко-этнографический, воссоздающий интерьер купеческой лавки, и биографический, посвященный жизни и творческой деятельности писателя. В числе наиболее ценных экспонатов – письма, документы, фотографии, прижизненные издания сочинений писателя.

Литературные музеи Чистопольского музея-заповедника документируют историю русской и татарской литературы XX века, путем собрания, хранения, изучения и демонстрации произведений литературы. Наиболее ценными экспонатами музеев этой группы являются рукописи, автографы и книги. Кроме того документы, изобразительные материалы, личные вещи и в целом воссоздание атмосферы окружающей писателя помогают проследить жизненный путь писателя, раскрыть творческую мастерскую писателя, расширить наши представления об историческом и историко-культурном контексте литературного процесса.

Список литературы

1. Музей, которого могло не быть : [музей Бориса Пастернака в Чистополе] // Республика Татарстан. – 2017. – 27 апр.
2. *Мунирова Н.* В музее Гаяза Исхаки // Бугульминская газета. – 2008. – 21 мая.
3. Провинциальные страницы Бориса Пастернака. – Казань: Познание, 2015. – 66 с.
4. Чистополь литературный: энциклопедия. – Казань: Заман, 2017. – 559 с.
5. Чистопольские страницы: Стихи, рассказы, повести, дневники, письма, воспоминания. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1987. – 352 с.

10.01.03

**А.А. Гильманова¹ канд. филол. наук, И.А. Маклаков² канд. филол. наук,
Н.В. Маклакова¹ канд. педагог. наук**

¹Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Институт международных отношений, истории и востоковедения,
кафедра иностранных языков для социально-гуманитарного направления,
Казань, alfiagilm@mail.ru, natalim.16@mail.ru

²Казанский филиал Российской международной академии туризма,
кафедра обще-гуманитарных и естественнонаучных дисциплин
Казань, 1derer@mail.ru

ДЖ.ТОЛКИЕН: ОТ ВОЛШЕБНЫХ ИСТОРИЙ К ЖАНРУ ФЭНТЕЗИ

Работа посвящена творчеству одного из самых известных сегодня писателей, Дж.Толкина, который не только создал целый ряд чрезвычайно популярных произведений, но и заложил в них основы жанра фэнтези, которые и исследуют авторы данной статьи. На основе тщательного анализа теоретических работ и художественных текстов писателя, раскрываются те базовые характеристики, структурные компоненты фэнтезийного жанра, которые разработал и реализовал Толкиен в своем творчестве и которые, так или иначе, проявляются в произведениях его последователей.

Ключевые слова: жанр фэнтези, жанровые особенности, мифологические корни, традиции эпоса, мотивы рыцарского романа.

Культурное наследие каждого народа предполагает наличие знаковых фигур, творчество которых не только оставило свой след в отечественной литературе и искусстве, но переросло национальные рамки и стало неотъемлемой частью мирового художественного процесса. Именно к таким культовым писателям можно отнести Дж. Толкиена, выдающегося теоретика и творца современного жанра фэнтези. Фэнтези принято относить к так называемой спекулятивной фантастике, объединяя этим термином ее с научной фантастикой. Однако в произведениях в жанре фэнтези не используются научные темы, они основаны на историях о существах и событиях, которые не существуют в нашей жизни. Фэнтези вносит в наш мир иррациональное начало, противопоставляет обычному миру мир вымышленный, в котором происходят необычные события. Среди пионеров этого жанра особое место занимает Дж. Толкиен, который не только создал модель произведения в жанре фэнтези, но и теоретически обосновал свой подход.

Следует отметить, что творчество этого писателя настолько многопланово и разнообразно, что привлекает внимание исследователей не только из различных литературоведческих школ, но и из других областей знания. Все это, по нашему мнению, является следствием того, что в мировой литературе нет аналогов творчеству Толкиена, поэтому до сих пор не прекращается поиск адекватных средств анализа его литературного феномена. Современная «толкиениана» представлена, психоаналитическим [12], историографическим [9], лингвистическим [8, 9] и религиоведческим подходами [1, 7]. Собственно литературоведческое изучение наследия писателя также неоднородно. Мы видим здесь попытки осмыслить литературный метод Толкиена прочитав его книги как философские аллегории, определить их религиозные корни и т.д. [10, 11].

Очевидно, возникает потребность преодоления одномерности, одноаспектности исследований, посвященных, как правило, какой-либо одной стороне проблемы. Необходимо качественное переосмысление накопленного материала в рамках комплексного подхода, не нарушающего целостность произведения и позволяющего проанализировать специфику фэнтези как литературного жанра.

На наш взгляд, исследователь творчества писателя следует, в первую очередь, учитывать позицию самого автора, которую он весьма недвусмысленно изложил в лекции «О волшебных историях», ставшей основой одноименного эссе [3]. В этой работе Толкиен изложил свое понимание жанра волшебных историй. Отличительная черта подлинных волшебных историй, по Токиену, заключается в том, что они представляются абсолютно реальными, так как описывают внутренне последовательный и рациональный мир, просто живущий по правилам, отличным от тех, по которым живем мы. Чтобы понять и принять этот мир, нам нужна фантазия (*fantasy*), или воображение. Фантазия, по мнению писателя, это естественная человеческая способность, которая ни в коем случае не противостоит рациональному началу. Творческая фантазия основывается на четком понимании того, что мир таков каков он есть. Фантазия признает этот факт, но не ограничивается им. Фантазия творит вторичный мир по образу и подобию первичного. При этом мы творим, потому что и нас сотворили по образу и подобию Создателя, который создал первичный мир. Человек же с помощью фантазии творит вторичный мир. Однако этот вторичный мир должен обладать внутренней логикой реальности, которой нелегко добиться. Немногим удастся эта магия, но когда и если она удастся, то мы имеем дело с истинным произведением искусства. Чем четче и яснее рациональное восприятие мира, тем глубже его может сделать воображение. Толкиен видит психологическую функцию воображения в том, что оно «перезапускает» наше хронически деформированное восприятие жизни, возвращая четкость видения и позволяя по-новому взглянуть на окружающий мир. При этом Толкиен подчеркивает, что волшебные истории позволяют читателю проанализировать свой собственный мир с позиций другого, волшебного мира.

Еще одной отличительной чертой волшебных историй Толкиен считает то, что они помогают читателю уйти от механической цивилизации, вернуться к естественности, поэзии и сказке. Где невозможное возможно, где человек может летать, менять свою форму и биться с драконами. Особое внимание писатель уделяет внезапной положительной развязке как необходимой характеристике волшебных историй. Если трагедия – это типическая особенность драмы, то счастливая развязка – это характерная черта волшебных историй. Он убежден, что благодаря ей происходит моральное или эмоциональное очищение читателя. Подлинная волшебная история должна нести радость.

Произведения такого рода, считает Толкиен, ни в коей мере не предназначены специально для детской аудитории: такой взгляд есть плод недоразумения, результат неверного литературоведческого толкования. Целью волшебной истории является создание вымышленного Вторичного Мира, способного удовлетворить «исконные человеческие желания». Триединная функция *fairy-story*: исцеление, спасение, утешение – восходит к основным постулатам христианства. Писатель становится со-творцом и творит свой мир по образу и подобию реального.

Следует отметить, что писатель не только теоретически осмыслил суть волшебных историй, он воплотил свои идеи на практике, создав свою модель волшебной сказки, положив начало новому жанру, который мы сегодня называем фэнтези. Следовательно, анализ произведений Толкиена, в первую очередь, его эпопею «Властелин Колец» [4] в соотнесенности с «Сильмариллионом» [5] и «Хоббитом» [6], позволит выявить типичные характеристики этого жанра.

Каковы же структурные компоненты нового жанра и почему именно их реализует Толкиен в своем творчестве? Здесь, вне всякого сомнения, сказалось влияние литературно-лингвистических пристрастий автора, которые формировались на протяжении всей его жизни. Дж. Р. Р. Толкиен принадлежит к достаточно малочисленной группе авторов, чей жизненный опыт и, в первую очередь, профессиональные занятия напрямую связаны с писательской деятельностью и, более того, послужили толчком к ее началу. Древние языки и мифология становятся и профессией и увлечением всей жизни писателя. Именно это увлечение стало первопричиной и движущей силой его творчества.

Наш анализ текста «Властелина Колец» в его соотнесенности с «Сильмариллионом» и «Хоббитом» показал, что, создавая собственный мир, его модель, символический образ, свою волшебную историю, фэнтези, как реальность, параллельную обыденному бытию человека, уводя его от механической действительности и возвращая ему цельность сознания, Толкиен использует хорошо знакомые ему выразительные средства, восходящие к древним литературным корням: мифу, эпосу и рыцарскому роману. Писатель активно разрабатывает мифологические темы, сюжеты, мотивы, символы и образы, конструируя свой миф о собственном мире, основываясь на базовых принципах и функциях мифологии. На этом фундаменте Толкиен выстраивает свой эпос, проводя его по традиционному пути от архаики к героике, широко и плодотворно используя типические элементы древнего эпоса, помогая читателю глубже проникнуть в свой философский замысел – описание противостояния Добра и Зла. При этом сюжетная структура произведения строится на архетипическом мотиве “квеста”, опасного путешествия, который лежит в основе средневекового рыцарского романа. У Толкиена он начинается как авантюра и перерастает в нравственный поиск, который венчает Священная война против сил зла.

Список литературы

1. Колдекот С. Тайное пламя- Духовные взгляды Толкина.- М.: Библейско - богословский институт св. апостола Андрея, 2008. — 224 с
2. Лихачева С. Б. Аллитерационная поэзия в творчестве Д. Р. Р. Толкина: автореф. дисс. ...канд. филол. наук. – М., 1999. – 22 с.
3. Толкин Дж. Р. Р. О волшебных сказках // Утопия и утопическое мышление. – М.: Прогресс, 1991. – С. 277 – 300.
4. Толкин Дж. Р. Р. Властелин Колец: Трилогия – М.: ЭКСМО, 2002. – 992 с.
5. Толкин Дж. Р. Р. Сильмариллион. – М.: Изд-во Власова, 1992. – 275 с.
6. Толкин Дж. Р. Р. Хоббит, или Туда и Обратно. – СПб.: Амфора, 2002. – 335 с.
7. Федоров П. Письмо участникам диспута. // Палантир. – 2000. - №22. – С. 10-20
8. Хукер М. Толкин еще ждет своего русского переводчика. // Палантир, 1999. - № 27. – С. 17 – 19.
9. Чистяков П. Произведения Толкина: священные тексты или псевдоисторические хроники? // Палантир. – 2001. - № 25. – С. 4 - 6.
10. Штейнман М.А. Хронотоп коммуникации: Дж.Р.Р. Толкиен и К.С. Льюис. - Москва , Изд-ство: Союзник, 2011.- 55 с.
11. Fuller E. The Lord of the Hobbits. // Tolkien and the critics. – London, 1968. – P. 31-45.
12. O’Neil T. R. The individuated hobbit. – Boston, 1979. – 200 p.

*10.01.10***Р.З. Дарзаманова канд. филол. наук**

Казанский национальный исследовательский технологический университет («КНИТУ»),
факультет социотехнических систем,
кафедра ИЯПК (иностранных языков в профессиональной коммуникации)
Казань, rezedad@inbox.ru

ОСОБЕННОСТИ ПОЗНАНИЯ ИНЫХ КУЛЬТУР НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ШВЕЙЦАРСКОГО ПИСАТЕЛЯ И ПУБЛИЦИСТА ХУГО ЛЁЧЕРА

В данной статье рассматривается литературное и публицистическое наследие швейцарского немецкоязычного автора Х. Лёчера с точки зрения познания иных культур. Установлено, что творчество Х. Лёчера претерпело изменения: от обращения к отдельно взятой культуре в начале творческого пути до идей мультикультурализма и транскультурной картины мира в поздних произведениях автора.

Ключевые слова: *швейцарская немецкоязычная журналистика, швейцарская немецкоязычная литература, межкультурные связи, мультикультурализм, транскультура.*

Тема межкультурных связей является одной из основных в творчестве Х.Лёчера. Публицистика автора — это путешествие по всему миру: в «Осени в Большом Апельсине» мы в Америке, в «Мире Чудес» - в Бразилии, с «Неуязвимым», «Документами Неуязвимого» и «Глазами Мандарина» - путешествуем уже по всей планете. Однако это не приключенческие истории. Х. Лёчер, посещая незнакомые ему страны, учился постигать чужую культуру сам и, впоследствии, учил этому своего читателя.

Х. Лёчер признаётся в своей эволюции восприятия чужих, особенно экзотических культур в эссе о Латинской Америке, изданных в период 70-х гг. и включенных позже в состав «условно романа» «Неуязвимый». Он раскладывает процесс восприятия чужого, незнакомого на фрагменты: сначала европеец восхищен своеобразием незнакомой страны, не способен критически оценить реалии. Затем он получает «прививку», перенасыщаясь экзотикой, готов к анализу [2, с. 121].

Р. Сабалиус выделяет следующие фазы восприятия чужой культуры: открытие для себя незнакомой культуры и формировании первых впечатлений (на этой же стадии формируется симпатия или неприятие). Симпатия/антипатия есть следствие внутренних установок. В случае антипатии процесс знакомства с иной культурой и её идентификации заканчивается, не успев начаться. Только после длительного контакта с незнакомой культурой можно говорить о второй фазе процесса, когда начинается собственно идентификация [5, с. 122 – 127].

Х. Лёчер находит возможность аутентичного восприятия незнакомого, когда предлагает, ненадолго забывая о своём, понять чужое. Автор считает, что самое важное при восприятии другого человека – абстрагироваться от собственной личности и воспринимать её как повод для того, чтобы лучше понять другого. Среди антропологов бытует мнение: «чтобы изучить свой собственный мир, нужно полностью погрузиться в чужой». Г. Гачев, обращаясь к вопросу межкультурных коммуникаций, приходит к выводу, что при ознакомлении с другими культурами интересным представляется так называемый принцип «презумпции непонимания», или «презумпции незнания». Лучше предположить, что об исследуемом объекте вам ничего не известно, и добыть о нём новое объективное знание, чем под существующий стереотип (не всегда адекватно отражающий действительность) подгонять факты [1, с. 45 – 46].

Публицистика Х. Лёчера позволяет сделать вывод, что он также пропагандирует подход к незнакомому с «позиции незнания». Он считает, что понимание другой культуры вовсе не означает потерю собственной идентичности. Наоборот, собственное «Я» обогащается при помощи чужого. «Nur der gewinnt sich, der sich verliert» (Только тот себя находит, кто себя теряет), цитирует Х. Лёчер Библию во время своих лекций в 1993 г. на теологическом факультете Цюрихского университета [2, с. 123].

Насколько чужая культура помогает в самопознании и является почвой для саморазвития, Х. Лёчер иллюстрирует на своём примере, ведь именно в Бразилии ему пришла идея «открытия» своей родины - эссе, где индейцы плывут по Рейну в поисках «Золотой Швейцарии». «Открытие обязательно означает и познание себя», скажет Х. Лёчер впоследствии в своей работе «Das Entdecken erfinden» (Обнаружить открытие) [2, с. 124].

Эта точка зрения схожа с утверждением антрополога Дж. Клиффорда, который полагал, что при контакте с другими культурами речь должна идти о диалоге *культурной* фигуры Коренного жителя и *мультикультурной* фигуры Путешественника [4, с. 24]. В случае, если подобное взаимодействие происходит, то возможно не только восприятие и понимание иного, не только диалог и сосуществование культур, но и внедрение одной в другую, и образование совершенно иной, транскультурной реальности нового времени, считает Х. Лёчер.

Желание Х. Лёчера видеть мир гибридным, единым целым, не только меж-, но и, прежде всего, транскультурным родилось в Бразилии с её смесью из самых различных народов и народностей, рас, языков и верований. В эссе «Белые мечты чёрного человека» (1984) Х. Лёчер приходит к выводу, что его выводы об «этнической демократии» бразильского общества были поспешны и частично ошибочны. Но, тем не менее, это общество уникально [3, с. 123].

Подобную этническую демократию Х. Лёчер провозглашает при помощи репортажей в «Осени в Большом Апельсине», в частности, на примере растений. Семена распространялись не только ветром, но и по почте. Деревья, кустарники и цветы транспортировали. Даже сорняки были неместными. Пересаженные, эмигранты, переселенцы» [3, с. 128]. Эти «приезжие» формируют новую картину земли, на которой растут, меняют представление о ней, являются его неотъемлемой частью. Так же, как и население Бразилии, которое послужило Х. Лёчеру толчком к его мечте о мире «этнического братства».

Х. Лёчер понимает сложность существования в рамках чужой культуры, сосуществования культур, и, тем более, создания из них новой мультикультурности. Те же самые растения-эмигранты в «Осени» «придерживались времён года в их родных краях. Таким образом, они цвели, когда в Большом Апельсине была осень, и опадали, когда Лос-Анджелес праздновал весну» [3, с. 129]. С другой стороны, именно эта их особенность и определяла внешний вид города, благодаря им эта осень была «такой зелёной, как ни одна другая» [там же].

Но возможности восприятия не безграничны. Современный мир наступает на человека огромным выбором возможностей общения, контактов, виртуальных коммуникаций. Возможность потери ориентации в бесчисленном множестве информационных возможностей огромна, показывает Х. Лёчер на примере компьютерной игры из условно-романа «Глаза Мандарина» «Шанхай»: Север, Юг, Запад, Восток расположены совершенно произвольно по отношению друг к другу. Но когда удаётся расчистить центр, там появляется китайский дракон, символизирующий новую надежду [3, с. 129].

Это «расчищение центра» может означать сохранение чистоты восприятия, живости ума. Х. Лёчер предлагает активно воспринимать чужое и незнакомое, не противиться ему, хоть и признавая необходимость определённой фильтрации. В условно-романе «Документы Неуязвимого» одноимённый герой объясняет ребёнку: «Он ещё не научился с абсолютной уверенностью отличать Своё от Чужого. Потому что существует Чужое, которое представляет опасность, и ему, конечно, следует сопротивляться; но существует также Чужое, которое необходимо для существования Своего, и тогда это Чужое не нужно отталкивать, напротив, нужно его воспринимать, ведь может статься, что когда-нибудь мы сможем жить только благодаря наличию этого, когда-то Чужого, в нас» [3, с. 133].

Глобализация творческого мира Х. Лёчера подвергалась трансформации. Если в «Осени в Большом Апельсине» и «Мире Чудес» мы глубоко изучаем и знакомимся с отдельно взятыми культурами (США и Бразилия), то в «Неуязвимом» автор приглашает нас в путешествие по очень разным традициям и культурам. Тогда как в ранней публицистике Х. Лёчера давление глобализации ещё не так велико, то в «Глазах Мандарина» культуры сменяют друг друга через каждые несколько страниц, причём не одна из них не выглядит самостоятельной, гомогенной, закрытой. Х. Лёчер стремится к формированию у своего читателя интеркультурного сознания. Познание иных культур по Х. Лёчеру – сложный и трудоёмкий процесс, где нужно забывать о своих предрассудках, требовать от себя не только осознания других культурных ценностей и их понимания, но и их признания наравне со своей культурой. Транскультурность для Х. Лёчера – это глобальное мировидение, динамичный процесс проникновения «в тело» другой культуры, взаимовнедрения, взаимообогащения культур. Это не означает потери собственной идентичности, напротив, для автора это создание транскультурной реальности – возможность формирования принципиально нового, обогащённого, постоянно развивающегося «Я». Античный афоризм «Ex Pluribus Unum» (Из единства – множество) является творческим и жизненным девизом Х. Лёчера. [3, с.154].

Список литературы

1. Гачев, Г. Д. Национальные образы мира / Г. Д. Гачев. - М., 1988. - С. 45-46.
2. Дарзаманова Р.З. Многополярный образ мира в публицистике Хуго Лёчера: Диссертация кандидата филологических наук: Казанский государственный университет, Казань, 2010 – 182 с.
3. Дарзаманова Р.З. Многополярный образ мира в публицистических и литературных произведениях Хуго Лёчера: монография [текст] / Р.З. Дарзаманова. – Казань: КНИТУ, 2016 – 194 с.
4. Clifford, James. Routes. Travel and Translation in the Late Twentieth Century / J. Clifford. – Cambridge: Harvard University press, 1997. - P. 24.
5. Sabalius, Romey. Eine postkoloniale Perspektive – Brasilien als Beispiel / R. Sabalius // In alle Richtungen gehen. Reden und Aufsätze über Hugo Loetscher., hrsg. von Jeroen Dewulf. – Zürich.: Diogenes, 2005, S. 122 – 137.

10.01.10

Р.В. Даутова д-р истор. наук

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Высшая школа журналистики и медиакоммуникаций,
кафедра телевидения и телепроизводства,
Казань, RVagiz@yandex.ru

**ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ:
КИНОПРОИЗВОДСТВО НА КАЗАНСКОЙ СТУДИИ ТЕЛЕВИДЕНИЯ
(1960-1970-Е ГГ.)**

В статье анализируется роль кинопроизводства в обеспечении и управлении информационной деятельностью в Казанской студии телевидения в 1960-1970-е гг. Автор приводит примеры крупных документальных телефильмов, созданных на Государственном телевидении ТАССР, а затем получивших всесоюзное признание в процессе тиражирования. Выявлены особенности кинотворчества на региональном телевидении в советский период.

Ключевые слова: *информационная деятельность, республиканское телевидение, телефильм, документальный фильм, всесоюзное тиражирование.*

Развитие телефильма, как формы телевизионной публицистики, имело важное значение в истории российского телевидения. По сути, телефильмы стали отправной точкой становления и развития кинопроизводства в республиканских студиях. Государственный комитет по телевидению и радиовещанию СССР уделял этому вопросу большое внимание, так как развитие кинопроизводства позволяло осуществлять обеспечение и управление информационной деятельностью в телецентрах, преодолеть их разобщенность и улучшать профессиональный уровень местных телепрограмм. Процесс тиражирования начался в период «хрущевской оттепели», а к началу 1980-х производство телефильмов стало самостоятельным направлением местного и центрального телевидения.

По воспоминаниям старейшего редактора кинокомплекса Казанской студии телевидения Р.Рубцовой, почти десятилетие шли споры: «...чем киноредакции заниматься: телефильмами, киноочерками, концертными программами, ежедневной кинопродукцией?»[2] Сначала с помощью сотрудников киноредакции удовлетворялась острая потребность в телехронике, киновставках для передач, особенно для выпусков новостей. Но уже в начале 1960-х годов телережиссеры Татарии стали мечтать о съемке полноценных фильмов на киноплёнке.

Первые фильмы студии телевидения – полуторачасовая лента «Хочу верить» (режиссер И.Прошкуратов, оператор И.Шамсутдинов), 20-минутные «Цветы черемухи» на татарском языке (режиссер Р.Сакаев, оператор И.Шамсутдинов), полнометражный «Беренче театр» («Первый театр») (режиссер Р.Сакаев, оператор А.Привин)[3]. Это были игровые картины с участием артистов казанских театров.

Полнометражный художественный фильм «Хочу верить» снимали почти 8 месяцев, в работе участвовала вся студия. Так как дело было новым, то интерес к нему испытывали все сотрудники телевидения. Работа над фильмом потребовала большой затраты сил и энергии, были отвлечены от своей основной работы режиссеры и другие работники, израсходовано киноплёнки в размере двухгодового фонда. Сказывались отсутствие опыта организации подобных съемок, слабая киносъёмочная база.

«Несомненно, этот фильм – явление, достойное внимания, свидетельство возросшей творческой силы коллектива» – так оценили ленту «Хочу верить» в ОК КПСС ТАССР[10]. К сожалению, казанскую киноленту не допустили к всесоюзному тиражированию, хотя, по мнению специалистов, она была на голову выше одноименного фильма, снятого украинскими кинематографистами. В настоящее время сохранилось лишь несколько частей ленты «Хочу верить».

О росте профессионализма телевизионных режиссеров дает представление и второй фильм, снятый на Казанской студии телевидения, – «Беренче театр». Это была первая экранизация татарской драматургической классики. Роли исполняли ведущие артисты Татарского Государственного театра имени Г.Камала. Впервые уличные сцены снимались вне студийного павильона.

Казанские телевизионные «киношники» считали, что подход к кинотворчеству для телеэкрана, как к второсортному, несправедлив[9]: они повышали требования к качеству сценария, говорили о необходимости сценарного «портфеля».

Один за другим принимаются к всесоюзному тиражированию фильмы, созданные на Казанской студии телевидения («Рассказ о народном комиссаре», «Покорители девона», «Возрождение легенды» и другие). Большим профессиональным достижением стало то, что Казанской студии предложили принять участие в нашумевшем всесоюзном документальном цикле «Летопись полувека». И Татарское телевидение включается в этот исторический марафон: в двух из первых семи программ показываются фильм «Легендарный начдив» (о боях в 1918 году Железной дивизии В.Азина в районе Средней Волги) и литературно-музыкальная композиция «Год рождения – двадцатый», посвященная образованию Татарской автономной республики [1].

В 1966 году создается первая историческая картина о выдающемся татарском революционере Муланнуре Вахитове – «Рассказ о народном комиссаре» (режиссер и автор сценария И.Утяганов)[5]. Лента участвовала в региональном фестивале местных студий телевидения и получила диплом «За лучший исторический фильм», была отмечена жюри как интересная работа на I фестивале телевизионных фильмов в Киеве. Были сняты, тиражированы и показаны по ЦТ фильмы «Бригады КамАЗа», «Музыка Назиба Жиганова», «Пуск» – о химиках Нижнекамска и т.д.

Следующим этапом было создание 5-серийной историко-документальной ленты «Советский Татарстан», посвященной юбилею Татарской республики. Надо отметить, что Москва не верила в реальность осуществления этого проекта[6]: кинокомплекс с современным оборудованием в Казани тогда только строился, студия располагала старым оборудованием и «дедовскими» средствами озвучивания пленки. В Татарию из Гостелерадио СССР срочно выехала комиссия, которая, тщательно изучив положение дел на месте, дала заключение: Казанская студия не сможет осилить работу над многосерийным фильмом.

И все-таки казанцы взялись за эту работу. Именно во время работы над этим телефильмом на студии телевидения была создана Главная редакция фильмопроизводства, которую возглавил И. Ихсанов. Участие принимали практически все редакции. Над фильмом работали редакторы И.Ихсанов, А.Карасик, Л.Мосягина, Ж.Миндубаев, режиссеры В.Беспалов, А. Карасик, Э.Утяганов, Х.Фахрутдинов, операторы В.Абрамов, В.Миронов, А.Привин, Э.Шамсутдинов, Э.Юмакулов. Руководил проектом из Москвы известный режиссёр и сценарист документального кино И.Беляев.

Фильм «Советский Татарстан» отразил основные события, значительные победы Татарии на всех этапах строительства республики. Лента была показана в дни, когда республика отмечала свое 50-летие. «Телефильм полифоничен в хорошем смысле слова, – писал центральный журнал «Советское радио и телевидение». – Создателям его не только удалось «подать» историю, но и воплотить на экране образ сегодняшнего Татарстана»[4]. Показана предыстория республики – тяжкая, трагическая судьба народа в дореволюционное время. Используются редчайшие кадры кинохроники, уникальные документы. Этот фильм можно назвать победой казанских телевизионщиков над обстоятельствами.

С 1971 года по 1978 родилась целая серия документальных фильмов о жизни большой стройки на Каме. Они были приняты во Всесоюзный обменный фонд и неоднократно показывались по I программе ЦТ и местному каналу. Назовем хотя бы несколько из них: «КамАЗ начинается» (1971), «Бригады КамАЗа» (1972), «КамАЗ. Год испытаний» (1973 – 1974), «Коммунисты КамАЗа» (1975). «КамАЗ на конвейере» (1976), «КамАЗ. Рождение династий» (1977), «КамАЗ. Эксперимент без потерь» (цвет., 1978)[8]. В процессе работы над

лентами впервые был использован метод наблюдения, позволивший запечатлеть все важные этапы стройки.

«КамАЗ для нас – экзамен. Здесь проверяются наши журналистские качества», – говорил на партийном собрании Казанской студии телевидения 29 января 1975 года Ф.Г.Надыров, председатель Комитета по телевидению и радиовещанию ТАССР (1962–1982 гг.)[7]. Основным вопросом повестки дня этого специального собрания было обсуждение задач, которые стояли перед студией телевидения, по освещению хода строительства Камского автозавода. Приведем хотя бы некоторые творческие и организационные вопросы, которые поднимались на собрании: некачественная киноплёнка и срывы съемки из-за автомашин, необходимость корпункта в Набережных Челнах, недостаточность публицистики и необходимость киноочерков о героях КамАЗа.

Таким образом, КамАЗ стал экспериментальной площадкой, на которой совершенствовалось мастерство казанских документалистов, а фильмы, созданные сотрудниками Казанской студии телевидения, вошли в историю России, как кинолетопись уникальной стройки. Эти примеры являются яркими свидетельствами той большой роли, какую играла кинопроизводство в обеспечении и управлении информационной деятельностью в Казанской студии телевидения.

Список литературы

1. НА РТ, Ф. Р-4493, оп.2, д.220.
2. Рубцова Р.А. Мое основное занятие / Р.А. Рубцова // Советское радио и телевидение.– 1970. – № 2. – С. 11–12.
3. Рубцова Р.А. Кинохроника и видеохроника – конкуренты или союзники / Р.А. Рубцова, В.И. Беспалов //– Перспективы развития современного общества. Материалы Всероссийской научной конференции. – Казань: Изд-во КГТУ, – С.179–186.
4. Советский Татарстан // Советское радио и телевидение. – 1970. – № 4.– С. 23–25.
5. Уроки профессии: Идмас Утяганов // Казань. – 2001. – № 9–10.
6. ЦГА ИПД РТ, Ф. 848, оп.1, д.2, л.52–59.
7. ЦГА ИПД РТ, Ф.848, оп.1, д.7.
8. ЦГА ИПД РТ, Ф.15, оп.8, д. 841а.
9. ЦГА ИПД РТ, Ф.15, оп.45, д.228, л.12.
10. ЦГА ИПД РТ, Ф.15, оп.45, д.228, л. 104.

10.01.03

Н.В. Захарова канд. филол. наук

Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН
Отдел литератур стран Азии и Африки
Москва, radaeva2002@gmail.com

«ПРОБЛЕМНАЯ ПРОЗА» КАК НОВЫЙ ЖАНР В КИТАЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 20-Х ГГ. XX В.

В статье дан анализ новому для китайской литературы жанру «проблемной прозы», к которому обратились молодые литераторы, воодушевленные движением «4-го мая» 1919 года - движением за новую культуру и литературу. Основными авторами «проблемной прозы» стали Бин Синь, Юй Дафу, Ван Тунчжао.

Ключевые слова: *литература Китая, «проблемная проза», литературные течения, реализм, символизм.*

К началу XX в. в китайской литературе уменьшается количество романов, составляющих основной пласт прозаической литературы в XVII-XIX вв., и на первое место выходят повесть (*чжуннянь сяошо*), рассказ (*дуаньнянь сяошо*) и эссе (*саньвэнь*). Это явление можно охарактеризовать словами Ю.Н. Тынянова: «В литературе существуют явления разных пластов. В этом смысле нет полной смены одного литературного течения другим. Но эта смена есть в другом смысле – сменяются главенствующие течения, главенствующие жанры» [4, с.77]. Одним из новых жанров, пришедшим на смену «многоглавым романам («чжанхуэй сяошо») и получившим популярность в период после движения «4-го мая» 1919 г. и до начала буржуазно-демократической революции 1925-1927 г., стал жанр «проблемной прозы».

Первым, кто в китайское литературоведение ввел термин «проблемная проза» («вэньти сяошо») стал писатель и литературный критик Чжоу Цзожэнь, когда в апреле 1918 г. в лекции «Японская проза за последние тридцать лет» («Жибэнь цзинь саньши нянь сяошо чжи фада»), он дал высокую оценку японским «проблемным рассказам». Через два года в статье «Гендерные проблемы китайской прозы» («Чжунго сяошо ли дэ нань нью вэньти») он пишет: «"Проблемная проза" – продукт народной литературы современной эпохи <...>, "проблемная проза" находится в процессе формирования, но в ней заложена мораль будущего <...>. «Проблемная проза» не могла родиться в условиях традиционной Китая, она – результат пробуждения современного мышления» [цит. по 3, с. 30.]. Более того, появление в современной литературе Китая «проблемных рассказов» явилось следствием осознания китайскими писателями возросшей роли литературы в решении социальных проблем, что было логичным результатом движения «4-го мая» 1919 г. Писатели стали создавать не только новые по форме произведения, но и ставить в них новые вопросы; теперь их волновали мировоззренческие и нравственные проблемы, они призывали к пересмотру и отказу от традиционного конфуцианского взгляда на гендерные проблемы, говорили о необходимости реформы образования.

Среди авторов «проблемной прозы» следует назвать Бин Синь (1900-1999), Юй Дафу (1896-1945), Ван Тунчжао (1898-1957).

Наиболее органично обращение к «проблемной прозе» проявилось в творчестве Бин Синь. Рассказ «В одиночестве я безутешен» был создан писательницей непосредственно после событий «4-го мая 1919 г.» и отражает проблему преодолений конфуцианских устоев, актуальной для китайской молодежи в новых социальных условиях. В центре повествования – конфликт отцов – представителей правящей верхушки общества, и детей – студентов, которые осмелились нарушить важнейшую заповедь конфуцианства – послушание родителям. Однако детям не хватает мужества быть последовательными до конца: вне семьи,

в студенческой среде они могут подняться на бунт, но смелость покидает их, когда приходится держать ответ перед родителями (1, с.15). В рассказе конфликт ограничивается рамками семьи, однако в нем находят отражение социальные проблемы, типичные для Китая этого времени.

В следующем рассказе Бин Синь - «Сверхчеловек» («Чажэнь») (1921), затронуты нравственные проблемы. Главный герой, Хэ Бинь, «не только не поддерживает никаких отношений с людьми, но и не любит вообще ничего живого» [1, с. 36]. Мнительный и замкнутый, он сторонится окружающих и пытается найти способ разрешения всех своих проблем в философии Ницше. Столкнувшись с жестокой реальностью и не найдя в себе сил для борьбы, Хэ Бинь замыкается в своем внутреннем мире. Его духовное преображение происходит после того, как он, услышав плач ребенка в соседней комнате, он вспоминает о матери – единственном человеке, который способен указать ему путь к спасению от отчуждения и жестокости. Хэ Бинь, считает себя одним из последователей Ницше, «сверхчеловеком», чуждым любым людским слабостям. Интересно отметить, что Бин Синь подобно многим литераторам начала XX в., например, Лу Синю, Юй Дафу, некоторым членам литературного общества «Творчество», пережила увлечение идеями немецкого философа, хотя далеко не все принимала в его учении. Скорее всего, ее привлекала идея сильной романтической личности, в этом она видела вызов конфуцианской морали, а гуманной направленностью своих рассказов она отвергала суть античеловеческой философии «сильных людей».

Тематически и композиционно многие произведения Бин Синь этого периода близки сочинениям Юй Дафу, хотя в них нет прямого сюжетного заимствования. Можно провести параллель между рассказом Бин Синь «Сверхчеловек» и повестью Юй Дафу «Омут». Однако герой «Омута», китайский студент, приехавший на учебу в Японию, ищет спасения от жестокости мира не в материнской любви, а в любви к женщине (5). Как и многие другие ранние произведения Юй Дафу, «Омут» написан в автобиографической манере, непривычной для китайской классической литературы. Герой рассказа погружен в собственные переживания, повествование выдержано в духе европейского сентиментализма. Тем не менее, автор сумел поднять многие вопросы, волновавшие молодое поколение соотечественников: протест против конфуцианской морали, преодоление чувства национальной ущемленности, испытываемое китайской молодежью, оказавшейся в Японии либо в европейских странах, право на любовь по собственному выбору.

В отличие от Бин Синь и Юй Дафу, Ван Тунчжао делает главным героем рассказа «Улыбка» («Вэй сяо») (1922), не студента, а нищего подростка, идущего на воровство, чтобы не умереть от голода. Его нравственное перерождение начинается после того, как он видит добрую улыбку на лице женщины-арестантки. На протяжении всего рассказа описание жизни героя в тюрьме постоянно перемежается его воспоминаниями о том, что происходило в его жизни до того, как он был схвачен полицейскими. Ван Тунчжао показывает, как меняется психология его героя, он по-новому начинает оценивать и свой поступок, и все происходящее вокруг него (2). Ван Тунчжао так же как и Бин Синь, считает, что доброта и любовь окружающих способны возродить в человеке его природную чистоту, побороть те негативные качества, которые проявляются в человеке при его столкновении с социальной несправедливостью. Однако, отличие от рассказа Бин Синь, созданного в реалистической манере, Ван Тунчжао отдает дань увлечению символизмом. В рассказе противопоставлены два концепта – «любовь» («ай») и «злость» («чоу»). Если для Хэ Биня из «Сверхчеловека» Бин Синь «любовь» («ай») - это проявление чувств к близким людям и, в первую очередь, к матери, то герой «Улыбки» соотносит любовь с красотой («мэй»), которую он видит и в материальном и в духовном проявлениях. Для него красота - мэй - это и доброта старика из детских воспоминаний, и теплота спальни в доме хозяина лавчонки, куда он забирается, снежной ночью окоченевший от мороза, и улыбка на лице заключенной женщины. Эта красота преображает и подавляет «злость-грязь» («чоу»), проявляющуюся и его грязной одежде, и в камере, куда его заключают и, шире, в той жизни, на которую его обрекла социальная несправедливость.

Особенность рассказов и повестей этого периода, относящихся к «проблемной прозе», в том, что их авторы впервые сделали объектом своего внимания неприглядную действительность современного им китайского общества. Герои этих произведений представляют разные социальные слои, они в разной степени страдают, столкнувшись с жестокостью окружающего их мира, и находят разные способы противостоять ей. Аудитория читателей произведений «проблемной прозы» была еще слишком мала, она ограничивалась образованной частью китайского общества, т.е. в двадцатые годы, как и в начале XX в. по-прежнему не выходила за рамки десяти процентов от всего населения страны. Авторы этой прозы, в основном, начинающие писатели, обозначали проблемы, но не могли предложить их решения, что вполне объяснимо ограниченностью их жизненного опыта. К середине двадцатых годов объем «проблемной прозы» в общем корпусе художественных произведений постепенно уменьшалось, что было вызвано, в первую очередь, переменами в жизни Китая: началась буржуазно-демократическая революция. К тому же писатели понимали необходимость перехода от констатации социальных проблем к поискам путей их решения, чувствовали, что нельзя останавливаться в узком кругу тем, интересующих только небольшую часть населения страны.

Список литературы

1. Бин Синь. Избранные рассказы и эссе (冰心小说散文选集). – Пекин: Издательство Жэньминь вэньсюэ чубаньшэ, 1954.- 165 с.
2. Ван Тунчжао. Улыбка (王统照. 微笑). [Электронный ресурс].URL: http://www.chinadmd.com/file/xzzuppcui6uwewtwuwweaoaie3opxaivupwox6s_1.html. Дата обращения: 01.06. 2018.
3. Вэнь Жумэй. Трансформации реализма в новой литературе (温儒敏. 新文学现实主义的流变). Пекин: изд-во Пекинского университета, 1988.- 268 с.
4. Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. – 576 с.
5. Юй Дафу. Омут (郁达夫. 沉沦). [Электронный ресурс]. URL: http://yuedu.163.com/source/20d433646ffc44c2a095b7a90d334c95_4 (дата обращения: 27.05.2018).

10.01.00

А.У. Киньябулатов канд. мед. наук, **Ф.Р. Байтеряков**, **Р.З. Нуриманов**, **А.Д. Лифанова**,
Р.Р. Ибрагимова, **Р.В. Исхаков**, **Р.Н. Зигитбаев**, **Б. Батсайхан**, **Д.А. Рахматуллина**

Башкирский государственный медицинский университет,
факультет медико-профилактический с отделением микробиологии, кафедра общественного
здоровья и организации здравоохранения с курсом ИДПО,
Уфа, azatur3@yandex.ru

СОЗДАНИЕ ПЕРВОЙ В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН КРАТКОЙ ПЕРСОНАЛЬНОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ О ЗАСЛУЖЕННОМ ВРАЧЕ РСФСР Н.Н. БАЙТЕРЯКОВЕ

Биография Н.Н. Байтерякова — заслуженного врача РСФСР, полковника медицинской службы, участника четырёх войн, кавалера четырех орденов, организатора здравоохранения, кардиохирургии и нейрохирургии в Республике Башкортостан стала основой для создания первой биографической энциклопедии о враче.

Ключевые слова: энциклопедии, справочники, персональная энциклопедия, врач, хирургия, организатор здравоохранения.

Издательство «Медицина» (г. Москва) на протяжении 1967—1990 гг. выпустило в свет научно-популярную серию книг биографической тематики «Выдающиеся деятели отечественной медицины и здравоохранения», состоящей из 91 книги. Книги одного формата объёмом от 40 страниц (Циклик А. М. В. Д. Шервинский. — М.: Медицина, 1972.) до 176 страниц (Збарский И. Б., Николаев П. Ф., Б. И. Збарский (1885—1954). Тираж каждого издания составлял в среднем 15—20—30 тысяч экземпляров. Издательство «Большая медицинская энциклопедия» не выпускало персональных энциклопедий. Согласно ГОСТу Р 7.0.14-2011 СИБИД.

Справочные издания. Основные виды, структура и издательско-полиграфическое оформление (НАЦИОНАЛЬНЫЙ СТАНДАРТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ), который подготовлен Федеральным государственным бюджетным учреждением науки "Российская книжная палата" (РКП), что все справочное издание - издание, содержащее краткие сведения научного или прикладного характера, расположенные в порядке, удобном для их быстрого отыскания, не предназначенное для сплошного чтения (пункт 4.1.).

Основными видами справочных изданий являются: энциклопедии; языковые словари; справочники. Для создания единого свода сконцентрированных современных знаний лучше всего использовать энциклопедии, которые готовятся более длительное время, чем все остальные издания.

Энциклопедия - это не только справочное издание, содержащее в обобщенном виде основные сведения по одной или всем отраслям знаний и практической деятельности, изложенные в виде статей, расположенных в алфавитном или систематическом порядке (пункт 5.1.), но и быстрая краткая информация о понятии или персоналии с учётом современных научных взглядов. К сожалению многие обучающие использует в своей учебной деятельности Википедию, которая изобилует неточностями и фактическими ошибками по разделу здравоохранение и медицина. Википедией лучше всего пользоваться специалистам, имеющим высшее образование, как одной из форм поиска информации (компаса, вектора направления исследования).

Различают следующие основные виды энциклопедий: по целевому назначению:

1) научная энциклопедия - энциклопедия, которая предназначена специалистам и отличается глубиной представления данной области знания;

- 2) научно-популярная энциклопедия - энциклопедия, которая предназначена читателю-неспециалисту и освещает какую-либо область знания достаточно полно и всесторонне;
- 3) популярная энциклопедия - энциклопедия, которая содержит широкий круг сведений, необходимых в повседневной жизни или для проведения досуга.

По характеру информации выделяют:

- 1) универсальная энциклопедия - энциклопедия, охватывающая все области знания;
- 2) специализированная энциклопедия - энциклопедия, посвященная отдельной области знания, которые м.б.:
 - а) отраслевыми, представляющими свод сведений по какой-либо отрасли науки, культуры, производства или практической деятельности;
 - б) тематическими, содержащими свод сведений по какой-либо теме;
 - в) персональными, представляющими сведения о жизни и деятельности какой-либо выдающейся личности.

Во всех энциклопедиях используется алфавитный порядок представления статей, т.к. он очень удобен для их поиска читателем. По полноте охвата информации энциклопедии могут быть полными (большими) и краткими (малыми). Занимаясь региональной энциклопедистикой с 1999 года нами стал производиться набор сведений, материала и документов о врачах и медицинских работниках, связанные с Республикой Башкортостан (уроженцы, преподаватели и студенты Башкирского государственного медицинского института /университета, врачи и медицинские работники, проработавшие более 10 лет в медицинских и фармацевтических организациях и др.), таким образом создавалась база персональных данных, которая почти за 20 лет составила более 10 тысяч персоналий.

В 2009 году в издательстве «Диалог» (г.Уфа) выпущен первый в Республике Башкортостан биографический энциклопедический справочник «Медики Республики Башкортостан» (376 страниц). Принцип построения был алфавитный, внутри каждого литеры выделялись 5 подгрупп: 1) доктора наук и профессора; 2) кандидаты наук; 3) заслуженные врачи РСФСР/РФ; 4) заслуженные врачи БАССР/РБ; 5) отличники здравоохранения СССР, РБ, орденосцы, земские врачи и врачи, сделавшие значительный вклад в здравоохранения (но не имеющие соответствующих регалий, но известные в республике и за её пределами). Энциклопедическая статья была структурной единицей основного текста энциклопедии, которое содержало заглавное слово и пояснительный текст, а также был использован аппарат издания.

В течение 20 лет проходил сбор архивного материала о заслуженном враче РСФСР, полковнике медицинской службы, участнике четырёх войн, кавалере четырех орденов, организаторе здравоохранения, кардиохирургии и нейрохирургии в Республике Башкортостан Нурэльгаяне Нуриахмедовиче Байтерякове [2], при помощи его дочери — заслуженном работнике культуры РСФСР Диноре Гаяновне Байтеряковой и внучки Гюльнары Юрьевны Мыздриковой, постоянно проживающих в г. Москва [3]. Основным принципом при создании энциклопедий должно быть соотношение понятийных и персональных статей (в классических изданиях советского периода 75 % на 25 %, в редких случаях 70% на 30 %). В персональных энциклопедиях допускается 50 % на 50%, но принципиально не должно персоналий быть больше, чем понятийные статьи.

Один из основных вопросов при написании персональной энциклопедии должен быть вопрос: «На какую целевую аудиторию рассчитано издание?», тем более, что необходимо учитывать постоянное изменение окружающей действительности. Данное издание рассчитано на студентов и молодых врачей, чтобы в доступной форме раскрыть читателю сведения из различных областей хирургии, терапии, общественного здоровья, спорта и физической культуры и т.д. Особое внимание было уделено узкоспециализированным терминам с учетом структурирования системы знаний у обучающихся, чтобы прояснить, а не усложнить понимание. Термины, имеющие неоднозначное мнение различных учёных и требующие дополнительное исследования были минимизированы. В качестве издательства было выбрано ПК «Прокопий» (г.Уфа), с которым на протяжении с 2002 года издано более

20 изданий соответствующих такому изданию, как «Выдающиеся деятели отечественной медицины и здравоохранения» (Москва), под названием «Жизнь замечательных людей Башкортостана» (Уфа).

Первая в Республике Башкортостан краткая персональная энциклопедия о заслуженном враче РСФСР Н.Н. Байтерякове была оформлена как 2-х полостная печать объемом почти 300 страниц с использованием более 100 фотографий, таблиц и др. [3]. В состав аппарата энциклопедии входят: сопроводительная статья (предисловие); список сокращений и условных обозначений; система ссылок; содержание. Дополнительно аппарат энциклопедии содержит пристатейные и прикнижный библиографические списки.

Выводы:

1) Подготовка и издание первой в Республике Башкортостан краткой персональной энциклопедии о заслуженном враче РСФСР Н.Н. Байтерякове заняло почти 20 лет.

2) Создание электронной версии краткой персональной энциклопедии о выдающихся деятелей системы здравоохранения и научной медицины должны стать наиболее перспективными в ближайшем будущем, т.к. фундаментальные знания крайне необходимы на современном переходном этапе у обучающихся.

Список литературы

1. Киньябулатов А.У. Медики Республики Башкортостан (Биографический энциклопедический справочник). Уфа, 2009, 378 с.
2. Зыятдинов К.Ш., Киньябулатов А.У., Загидуллин Ш.З., Шарафутдинова Н.Х., Аминов Т.З. Выпускник медицинского факультета Императорского казанского университета, организатор здравоохранения Башкирской АССР, заслуженный врач РСФСР Н.Н. Байтеряков / Казанский медицинский журнал. 2012. Том 93, № 2. - С.404-405.
3. Материалы I Международной научно-практической конференции по истории медицины, физической культуры и спорта, посвященной 120-летию со дня рождения заслуженного врача РСФСР Н.-Г.Н.Байтерякова и 80-летию со дня рождения профессора М.Б.Мирского. Уфа, БГМУ-УГАТУ-Академия ВЭГУ, 2011 — 214 с.

10.01.00

О.В. Лескова

БУК Вологодской области «Вологодский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник»,
Вологда, opovarova40@gmail.com

ОБРАЗ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ГИМНАЗИИ В МЕМУАРАХ П.В. ЗАСОДИМСКОГО (НА ПРИМЕРЕ ВОЛОГОДСКОЙ ГИМНАЗИИ 1856 – 1863 ГГ.)

В работе представлены результаты исследования образа провинциальной гимназии в мемуарах вологодского писателя и публициста П.В. Засодимского. В своих воспоминаниях Засодимский посвящает отдельную главу описанию учебного процесса и знакомству читателя с персонами преподавателей губернской гимназии 1856-1863 гг. Мемуары Засодимского являются «опосредованными мемуарами», созданными на основе аналитического взгляда в прошлое через призму настоящего.

Ключевые слова: мемуары, образ.

Личность публициста и прозаика Павла Владимировича Засодимского в сознании читателя, в первую очередь, связана с его романом о жизни русского крестьянства «Хроники села Смурина» (В. В. Гура [1], Г. Ивановский [4], Е. А. Рогалина [6]). Это произведение, которое в советские годы вызывало общественный резонанс и являлось рупором остросоциальных проблем, однако не являлось примером удачного в художественном отношении текста. В начале XXI века Т. Л. Шишигина [7, 8] посвятила ряд исследований святочным рассказам автора. Стоит отметить, что творчество вологодского автора изучалось фрагментарно и поверхностно. О мемуарах Засодимского в целом и об образе провинциальной гимназии как неотъемлемой части становления личности в частности ранее не говорилось в исследованиях по литературе. Эпоха, описанная в мемуарах, – эпоха «великих реформ» Александра II. Преобразования затронули многие сферы общественной жизни, в частности, произошли изменения в системе образования. Более известна реформа высшего образования, подкреплённая университетским уставом 1863 года, однако несколькими годами ранее в классическом гимназическом образовании также созрели предпосылки для перемен. Изменения, коснувшиеся гимназий, были закреплены в уставе гимназий и прогимназий 1864 года. Обучение П.В. Засодимского приходится на период внедрения новшеств в гимназическую систему образования. Одной из главных тем для разговора с читателем становится переход от старого педагогического уклада к новому.

Мемуары П. В. Засодимского состоят из двух частей, озаглавленных «Мои скитальчества» [2] и «Из воспоминаний» [3]. Обе части вышли в свет в типографии Т-ва Сытина в Москве в 1908 году. В заглавии мемуаров слово «скитальчества» присутствует неслучайно. Для автора – это не столько перемещение в пространстве, сколько поиски внутреннего «я». При этом само пространство, безусловно, занимает одно из главных мест в системе художественных координат его мемуаров.

Яркой точкой мемуарного пространства является вологодская гимназия, которая находилась в 1860-70-е гг. в самом центре Вологды – современное здание второго корпуса ВоГУ на пересечении улиц Зосимовская и Ленина – бывш. Кирилловская и Галкинская. Здесь, в дворянском пансионе при вологодской гимназии, автор-повествователь провёл 7 лет своей уже довольно сознательной жизни. П.В. Засодимский приехал в Вологду в 1856 году в возрасте 12 лет и оставался здесь до 1863 года. От повествователя читатель узнает о деталях учебного процесса, о сложностях отношений со сверстниками, о характерах преподавателей, о педагогических ситуациях и их разрешении через призму ученического взгляда на образование.

Глава «В гимназии» занимает заметное место в части «Из воспоминаний» и иллюстрирует уклад жизни в провинциальном учебном заведении в середине – третьей четверти XIX века. В самом начале автор-повествователь словно окидывает взглядом экскурсовода здание дворянского пансиона, находящегося при гимназии, и саму гимназию, детально рассматривая фасад и окрестности, временами сменяя описание историческими отступлениями, а также вспоминая слухи и легенды, связанные с этим пространством. Наряду с этим воспоминания как жанр помогают Засодимскому субъективно оценить события, а автор-рассказчик, чья фигура является объединяющей для произведения, ведет активный диалог с читателем. Вот что пишет Засодимский в своих заметках о местности, где располагалась вологодская гимназия: «Строители гимназии, говорят, хотели первоначально придать зданию вид буквы П, но, по недостатку денежных средств или по чему-нибудь иному, не достроили третьей стороны здания, и поэтому вместо П получилась несколько неправильная буква Г. Одной стороной гимназия наша выходила на улицу, а фасадом – на площадь, так называемый "плац-парад", или "парадное место", где происходили солдатская ученья и куда заходили иногда соблазненные зеленой муравой лошади и коровы. На противоположной стороне площади, <...> стоял (да стоит и поныне) губернаторский дом и рядом с ним духовная семинария. С третьей стороны площади некогда находилась гауптвахта, но в 60-х годах она за ненадобностью была уничтожена, и на ее месте воздвигнут деревянный сарай для городского театра. Высота здания, большие окна и фасад с колоннами придавали нашей гимназии весьма внушительный вид. При гимназии находился довольно большой, густой сад, бывший во владении директора, который, впрочем, им почти не пользовался» [3, с. 61]. Для читателя вырисовывается не просто статичная картина пространства под определенным углом, но и целая панорама центра губернской столицы, наполненная жизнью: «При гимназии находился довольно большой, густой сад, бывший во владении директора, который, впрочем, им почти не пользовался. В пользовании же пансионеров находился двор, усыпанный песком и окаймленный с трех сторон аллеями тощих березок, не дававших ни малейшей тени. В аллеях стояло несколько скамеек. На этом дворе в летнюю пору пансионеры играли в мяч, в лапту, в городки, свайку и т. под.» [3, с. 45].

Помимо внешнего вида здания гимназии и описания прилегающей к пансиону территории автор-повествователь в самом начале гимназической главы обращает внимание на уклад школьной жизни середины XIX века и даёт ему положительную оценку несмотря на довольно суровые условия содержания воспитанников: «Ни калош ни более теплого одеянья зимой не полагалось. Нас во многих отношениях вели по-спартански. Отмечаю эту черту старых школьных порядков, как заслуживающую одобрения, по моему мнению» [3, с. 45]. Особое внимание уделяется внешнему виду воспитанников гимназии, подробно расписана гимназическая одежда и парадный костюм: «Здесь кстати заметить, что пансионеры дома носили куртки с красными воротниками, а при выходе из гимназии надевали однобортный мундир с красным стоячим воротником, с золотым позументом и с красными же обшлагами рукавов. Фуражка с красным околышем и синева-серого цвета шинель, "подбитая ветром", довершали наш костюм» [3, с. 45]. Словно мимоходом составитель мемуаров знакомит читателя со словарём гимназиста и названиями воспитанников вне гимназии: в тексте появляются «красноперые окуни» (так называли уличные мальчишки гимназистов за красные обшлага рукавов и красный воротник), «гулянье» (отдых после завтрака перед уроками), «малая перемена» (пятиминутная пауза между двумя уроками, длившимися с девяти до половины двенадцатого), «большая перемена» (полчаса отдыха до полудня), «занятия» (подготовка домашнего задания с пяти до восьми вечера), «гладиаторские игры» (жестокие драки во время вечернего «гулянья» с восьми до девяти, которые часто охотно поддерживались гувернёрами и заканчивались разбитыми носами и синяками), «кумушка» (тот, кто рассказывал о воспитании в гимназии родным или знакомым из города), «маменькин сынок» (тот, к кому часто приезжали на свидания родственники – матери или сёстры).

Значительное место в описании гимназического уклада жизни занимают подробные портреты преподавателей и гувернёров. Часто описания сопровождаются биографией, которую воспитанники узнавали от третьих лиц или в кулуарах гимназии. При этом галерея преподавателей чётко делится на две педагогические школы – старую и новую. Автор-повествователь показывает эволюцию гимназического образования конца 50 – начала 60-х гг. XIX века от схоластической до либеральной. При этом в тексте мемуаров неоднократно появляется мысль о том, что старая школа во многом превосходила школу нового уклада: «Но теперь, через 50-летний промежуток времени, оглядываясь назад и всматриваясь попристальнее в способ задавания "от сих и до сих", я, быть может, к большому удивлению читателя, нахожу, что в этом приеме, осмеянном, поруганном и отвергнутом современной педагогией, была и хорошая сторона, за которую можно было бы отдать все фребелевские затеи, все эти "палочки" и "кубики", придуманные как бы специально для идиотов. Тот старый способ преподавания ("от сих и до сих") представлял широкое поле для нашей самостоятельности, для самостоятельной работы мысли» [3, с. 59]. Противопоставляются и сравниваются не только способы преподавания, но и в целом отношение к гимназической жизни учителей и учеников, распорядок дня гимназистов старого и нового уклада жизни. На смену «суровой спартанской обстановке» приходят папиросы и «картёжная игра», чаепития в пансионском гардеробе, шалости на виду у преподавателей и по отношению к ним. Внешний вид гимназистов тоже претерпевает изменения: появляется мода на отпущенные волосы, расстёгнутые куртки, вместо «гладиаторских боев» в обучение внедряются занятия танцами. Меняются учебники и книги, которые читают воспитанники: Вальтера Скотта, Марлинского, Погорельского, Лажечникова и Загоскина меняют Некрасов, Гончаров, Щедрин, Тургенев. Вместо «Журнала для детей» Чистякова всё чаще предпочитают с трудом добываемые «Современник» и «Русское Слово». Жестокость преподавателей-схоластов постепенно исчезает и сменяется на доброту и компетентность преподавателей-разночинцев. За время обучения Засодимского в гимназии сменилось три директора, и при каждом устанавливались свои правила. При последнем – либеральном Ив. Ив. Красове, «очень полном мужчине, пожилых лет и мягкого, нерешительного характера», усилилась реакция на старые порядки, и в итоге «благородный пансион» при вологодской гимназии был закрыт в июне 1864 года.

Образ провинциальной гимназии 50-60-х гг. XIX века представлен у Засодимского с чувством глубокой и теплой ностальгии. Автор мемуаров «Из воспоминаний» и «Мои скитальчества», прожив на вологодской земле детские и юношеские годы, считает себя её частью, идентифицирует себя с этой территорией, в частности, с полузакрытым миром вологодской гимназии.

Однако даже при таком отношении автора к гимназическому периоду доминирующим в воспоминаниях Засодимского является мотив скитальчества, традиционный для русской литературы. Герой воспоминаний представлен страдающим от перемены мест, сложно переживающим расставание с предыдущей локацией художественного мира. Мотив скитальчества становится для повествования одним из главных мотивов и ведет за собой сюжет.

В воспоминаниях подробно описываются переезды – и семьи, и героя. При этом читатель мемуаров понимает, где находится герой – часто появляются известные топографические реалии Вологды и губернии, и каждая из этих реалий становится своеобразной квинтэссенцией жизненного уклада провинции. В облике центра Вологды автор видит искренность и чистоту традиций, он пишет о личностях в большинстве случаев с особой мягкостью и теплотой. Герой воспоминаний рисует целостную картину культурной жизни губернского центра, иллюстрирует учебу дворянских детей, подчеркивая значимость патриархальной мысли для подросткового развития. Описания вологодской гимназии наполнены историческими анекдотами и местными легендами и преданиями. Значительную часть повествования о гимназии автор отводит сопоставлению старого и нового уклада в классическом среднем образовании.

Мемуары Засодимского являются «опосредованными мемуарами» [5, с. 201], которые «осмысливают прошлое с позиций новой эпохи», повествование неразрывно связано с аналитическим обращением к прошлому полувековой давности. Это своего рода взгляд в прошлое с позицией современного и взглядом в будущее.

Список литературы

1. Гура, В. В. Русские писатели в Вологодской области. – Вологда, 1951. – С. 87–100
2. Засодимский, П. В. Мои скитальчества. – Москва: Типография Т-ва И. Д. Сытина, 1908. – 254 с.
3. Засодимский, П. В. Из воспоминаний. – Москва: Типография Т-ва И. Д. Сытина, 1908. – 197 с.
4. Ивановский, Г., Фрумкин, Л. П. В. Засодимский на Новгородской земле. – Л., 1974
5. Мажарина, Ю.Н. Мемуары как вид публицистического творчества / Ю.Н. Мажарина // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. – 2001. – С. 199–206
6. Рогалина, Е.А., Шпаковская, Е.А. Засодимский П.В. // Русские писатели. 1900–1917 гг. Биографический словарь. – М., 1989. – Т. 1. – С. 327–330
7. Шишигина, Т. Л. «В метель и вьюгу» П. В. Засодимского как святочный рассказ / Т. Л. Шишигина // Беловский сборник. – Вып. 2. – Вологда, 2016. – С. 103–107
8. Шишигина, Т. Л. «Развивать гуманные чувства...» : изучение святочных рассказов П. В. Засодимского, А. В. Круглова, В. И. Белова. V–VI классы / Т. Л. Шишигина // Литература в школе. – 2017– № 9. – С. 26–30.

10.01.00

О.С. Туманова

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
филологический факультет, кафедра русской литературы,
Пермь, tumanova_os@mail.ru

ОБРАЗЫ «СТАРШЕЙ ЭДДЫ» В ПОЭМАХ А.Н. МАЙКОВА «БАЛЬДУР» И «БРИНГИЛЬДА»

Исследование посвящено рецепции русской поэзией 1870-1880 гг. образов архаической скандинавской культуры, их последующей адаптации и функционированию в качестве героев ролевой лирики, носителей «чужого слова». В работе рассматривается художественный диалог поэм А.Н. Майкова, условно объединяемых в «скандинавский диптих», с их литературным первоисточником – Старшей Эддой, поэтическим сборником древнеисландских песен о богах и героях.

Ключевые слова: мифологические образы; скандинавская мифология; мифотворчество; культурные контексты; женские образы.

Русская поэзия XIX века часто обращалась к самой северной из востребованных культурой мифологических систем – скандинавской. Отдельного осмысления требует незаслуженно обойдённый вниманием исследователей «скандинавский диптих» А.Н. Майкова – поэмы «Бальдур» (1870) и «Брингильда» (1888), которые являются творческим переосмыслением отдельных исландских саг и песен «Старшей Эдды».

А.Н. Майков ввёл в поэтический обиход практически весь скандинавский пантеон: Одина, Бальдера, Локи, валькирий, Фригг, а также эпического героя Сигурда – и тем самым определил направление дальнейшим интерпретациям образов скандинавских богов и героев. По всей вероятности, именно его поэмы стали основой для индивидуального мифотворчества на базе скандинавской мифологии в Серебряном веке.

Поэмы «Бальдур» и «Брингильда» создавались на пересечении сразу нескольких традиций русской литературы: архаико-эпической, оссианической и былинной. Избрание в качестве ролевых героев мифологических либо мифологизированных персонажей было связано с такими специфическими особенностями поэтической культуры, как автомифологизация и индивидуальное мифотворчество. Обращение А.Н. Майкова к «скандинавской теме» стимулировалось его непосредственными впечатлениями от коммуникации со шведами и норвежцами во время посещения Норвегии в середине 1860-х гг. Пребывание поэта в норвежском городе Арендале и чтение книг народного эпоса, в первую очередь, «Старшей Эдды» (или песенной Эдды), вдохновили его на поэму «Бальдур» [Гидони 1972: 117].

В период создания первой из «скандинавских» поэм, «Бальдур, или Песнь о солнце, по сказаниям Скандинавской Эдды» (1870), обращение к романтической традиции воспевания красот холодного Севера, скальдов и опустевших чертогов «внуков Одена», которую можно проследить в лирике Е.А. Баратынского, К.Н. Батюшкова и А.С. Пушкина, происходило реже в связи с актуализацией политической проблематики.

Поэма А.Н. Майкова построена по принципу «сказания в сказании», характерном для эддических песен и представляла логично построенную контаминацию нескольких песен «Старшей Эдды» о богах и героях: «Прорицание вёльвы», «Речи Гримнира», «Перебранка Локи», «Речи Сигрдривы» и «Песнь о Сигруде». Конунг, потерявший единственного сына и тяжело переживающий утрату, встречает бродячего «вещего старца» (в тексте отсутствует прямая номинация «скальд»; в более поздней поэме «Брингильда» вещий старец приобретёт имя Снорро, вызывающее прямые ассоциации с автором «Младшей Эдды»), который в утешение рассказывает историю о гибели Бальдура, сына Одина. Образ скальда в поэме

«Бальдур» организует рекурсивную композицию поэмы, его образ создаётся по древнескандинавскому канону, изображающему поэта как медиатора между мирами Асгарда и Мидгарда, открывающего смертным общность их судеб с богами-асами. Параллелизм сюжетных линий и смешение земного и божественного начал символичен: для скандинавской мифологии характерно «сознание общности судеб богов и людей в конфликте с силами, несущими упадок и окончательную гибель всему живому» [Гуревич 1975: 19]. Центральная тема обеих скандинавских поэм А.Н. Майкова совпадает с основной темой эддических песен, – «герой перед лицом судьбы» [Гуревич 1975: 19]: *«И боги / Сами ждут судьбы своей покорно»* [Майков 2004: 22 784]. Этим подчёркнута непрекращающаяся взаимосвязь (*«Девы битв, Валкирии, возводят / Павших в небо...»* («Бальдур»)) [Майков 2004: 22 786]) и родство двух этих миров перед лицом грядущей гибели – Рагнарёка: *«Он умрет – все в мире пошатнется, / И настанет общее крушение»* [Майков 2004: 22 788].

Будучи вдохновленной древнескандинавской эпической традицией, поэма попала под влияние и русского архаического эпоса. Образ «вещего старца» навеян фольклорной традицией; Бальдер, «добывающий» себе жену Нанну из «терема», стоящего в середине огненного кольца, конечно, вызывает ассоциации с Сигурдом и спящей валькирией, однако русскому читателю конца XIX века этот сюжет больше напоминал «королевича» из русских народных сказок; в центре мироздания поэт помещает не ясень, а дуб (в данном контексте вспомним замечание А.А. Афанасьева: «Предания о мировом древе славяне относили преимущественно к дубу. В их памяти сохранились сказания о дубах, которые существовали ещё до сотворения мира» [Афанасьев 1982: 214]); жена Одина Фригга имеет способность к оборотничеству: *«Фригга, вздев пернатую сорочку / Обернулась лебедью...»* [Майков А.Н., 2004: 22 795], что напоминает одновременно и царевен-лебедей из народных сказок, и валькирий из скандинавского эпоса. Автор русифицирует скандинавские мифологические образы, делая их близкими и понятными русскому читателю, не знакомому или имеющему весьма ограниченное знакомство с миром «Старшей Эдды».

Поэма «Брингильда» (1888) была написана практически в преддверии Серебряного Века. А.Н. Майков, дистанцировавшийся от общественно-политической жизни, ощущал культурный сдвиг в сознании читателей. ««Брингильда» соединила высокохудожественную интерпретацию одного из наиболее известных сюжетов Старшей Эдды и рельефность изображения «женщины в трагической, но вполне реальной ситуации» [Стеблин-Каменский 1967: 47]. Поэма «Брингильда» – это вариация на тему древнегерманской «Песни о Нибелунгах» (выросшей, в свою очередь, из сохранившейся во фрагментах древнескандинавской «Саги о Вёльсунгах» и уцелевших фрагментарно «Песен о Сигурде»). При этом А.Н. Майков, несмотря на значительно большую известность «Песни о Нибелунгах», следует именно древнеисландскому образцу, согласно которому Брингильда – королева-валькирия (*“Крошкой Валькирией” звали тогда уж меня, / После уж “Грозной Валькирией” прозвали...»*) [Майков 2004: 22 800], изначально предназначенная в жёны Сигурду, который из-за колдовства забыл невесту и женился на Гудрун.

С сюжетом «Саги о Вёльсунгах» Майков обращается свободно. В поэме отсутствует тема послушания валькирии и ослаблен мотив борьбы с судьбой: героиня сама запирается в замке на горе для того, чтобы облегчить выбор мужа: *«Только тот смелый, кто в замке добудет меня, – / Только один он и будет мне муж»* [Майков 2004: 22 805]. Степень влияния русской эпической традиции на текст поэмы очень мала, если не учитывать разговор пяти королей, напоминающий литературную адаптацию причитания по погибшим мужьям: (*«Знаю, голубонька! Тяжкое горе твое! / Светлый был свет на душе – темна ночь налегла!»*) [Майков 2004: 22 795]. Автор психологизирует образ персонажа Старшей Эдды. Брингильда из саг – своего рода персонаж-функция, лишённый предыстории, эпизод на пути становления эпического героя Сигурда.

Е.М. Мелетинский отмечал: «Собственно любовные мотивы играют в сагах незначительную роль» [Мелетинский 1983: 478]. Майков отступает от канона саги и изображает Брингильду как трагического персонажа, способного на глубокие и сильные чувства, эпическую героиню, равнозначную Сигурду (который в поэме возникает лишь в воспоминаниях пяти королев-плакальщиц), вынужденную существовать в мире «малых дел», принадлежать нелюбимому мужчине и участвовать в придворных интригах. Самоубийство Брингильды на погребальном костре Сигурда – не загадочный и необъяснённый поступок существа из иного мира (как в «Саге о Вёльсунгах»), а акт воссоединения влюблённых, надежда на обретение счастья: *«Не здешнее – счастье мое! / Счастье мое – и не здешняя мера ему, / Счастье мое без конца, без предела и – с ним!»* [Майков 2004: 22 810]. В поэме «Брингильда» Майков усиливает драматическое начало, гармонизирующее и очеловечивающее эпический пафос: монологи королев напоминают солилокви, а в «Примечаниях для чтения вслух» поэт сообщает: «...читайте как прозу, но выразительно, где требуется, и с ударением на тех слова в стихах, на которые следует по смыслу» [Майков 2004: 22 810].

Скандинавский диптих А.Н. Майкова, с одной стороны, может считаться своеобразным вариантом поэтического травелога, с другой стороны, является уникальной и не имеющей аналогов контаминацией сразу нескольких песен «Старшей Эдды» о богах и героях. «Скандинавская тема» была для А.Н. Майкова, без сомнений, этапной, значимой и художественно продуктивной, но при этом на разных отрезках времени решалась по-разному, во многом благодаря изменению принципов обращения с материалом. Этап создания «Бальдура» тесно связан с событиями биографии поэта. На этом этапе А.Н. Майков овладевает мастерством интерпретации образов чужой культуры и работает с готовым сюжетом, «переводя» его на язык русской поэтической традиции. Более поздний этап создания «Брингильды» ознаменован усилением драматического начала, углублением психологизма, интересом к внутренней жизни человека, стилизаторскими экспериментами в области художественной формы, которые органично коррелируют с зарождением неомифологизма и модернистскими поисками культурной самоидентификации рубежа XIX-XX вв.

Список литературы

1. *Афанасьев А.А.* Мировое древо: избранные статьи / под ред. В.П. Кирдан. М.: Современник, 1982. 464 с.
2. *Гидони А.Г.* Скандинавская тема в творчестве Майкова // Север. 1972. Вып. 2. С. 115–119.
3. *Гуревич А. Я.* «Эдда» и сага. М.: Наука, 1979. 192 с.
4. *Майков А.Н.* Русская поэзия XVII – XX веков. Электронная библиотека: Шедевры мировой культуры на CD. М.: ДиректМедиа Паблишинг, 2004. 47 156 с.
5. *Мелетинский Е.М.* Исландские саги. История всемирной литературы: В 8 т. / АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. М.: Наука, 1984. С. 476–478.
6. *Старшая Эдда* (вступ. статья А. Гуревича). М.: Художественная литература, 1975. 752 с.
7. *Стеблин-Каменский М.И.* Культура Исландии. Л.: Наука, 1967. 182 с.

10.01.01

Лю Янькунь

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
кафедра русской литературы,
Пермь, 15945607187@163.com

**«ДУМЫ ЦВЕТКА И МЕЧТЫ БАБОЧКИ»: ИСТОРИЯ ОДНОГО ЗАГЛАВИЯ
(ПЕРВЫЙ ПЕРЕВОД ПОВЕСТИ «КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА» В КИТАЕ)**

В статье рассматриваются некоторые особенности первого перевода на китайский язык повести А.С. Пушкина «Капитанской дочки», выполненного в 1903 г. Цзи Ихуэем. Анализ символического значения заглавия позволяет понять, в каком контексте воспринималось произведение китайскими интеллектуалами начала XX в., интерпретировавшими сюжетные ситуации и образы персонажей повести в соответствии с существовавшими в Китае художественными стереотипами.

Ключевые слова: русская литература, перевод, символика, Пушкин, китайская культура, Цзи Ихуэй, межкультурные контакты.

Имя великого русского писателя А.С. Пушкина китайские читатели услышали в 1900 г., когда известный шанхайский педагог, переводчик и религиозный деятель Линь Юэчжи (1836–1907) впервые упомянул его имя в книге «Исследования в области политики России» в качестве писателя, который не боялся власти и призывал к свободе и революции [7, 45]. В соответствии с существовавшей в Китае традицией русскому поэту было дано китайское имя Бо Шицзинь (伯士金 – Bo Shijin). Знакомство китайских читателей с его творчеством произошло в 1903 г., когда в Шанхае была опубликована повесть «Капитанская дочка», перевод которой был выполнен известным деятелем культуры Цзи Ихуэем (1875–1908). Хотя в дальнейшем появились многочисленные новые переводы повести, в истории русско-китайских литературных связей первое издание сохранило историческое значение: оно открыло китайскому читателю русскую литературу, способствовало пониманию и принятию творчества Пушкина.

Первый перевод повести на китайский язык был «вторичным», т. е. выполненным с японского языка: перевод с русского на японский язык был сделан Такасу Дзискэ, а перевод на китайский язык был осуществлён Цзи Ихуэем [1, 284]. На обложке книги размещалось заглавие «История любви в России», а на титульном листе книги было указано имя автора – Бо Шицзинь (т. е. Пушкин) и предложен другой вариант названия – «Думы цветка и мечты бабочки, или Жизнь Ми Ши и Ма Ли» [2, 125].

Само по себе столь существенное изменение названия книги весьма интересно и требует особых пояснений. Причиной изменения пушкинского названия стало не только то, что Цзи Ихуэй учился в Японии и не знал русского языка [6, 31]. Конечно, он исходил из принципа максимального уважения к японскому тексту, являвшемуся для него оригиналом. Опубликованный в Японии в 1886 г. (за 17 лет до публикации китайского варианта!) перевод повести имел название «Сумису Мари-но дэн» («Жизнь Смита и Мари») и предварялся словами: «Любовная история в России». Текст Такасу Дзискэ следовал сложившимся в Японии к концу XIX в. канонам литературного перевода. Поскольку в Японии была популярна культура Великобритании, русские имена персонажей были заменены на английские: Маша Миронова получила имя «Мари»; Петр Гринев стал «Джоном Смитом», Швабрин – «Дантоном»; изменились и имена других персонажей. Таким образом, классическое произведение русской литературы в сознании японцев соотносилось с общеевропейским культурным контекстом, а его заголовок указывал на национальный характер сюжета («История любви в России»); название также содержало указание на то, что это «история любви» (пушкинский заголовок определял социальный статус главной героини).

Цзи Ихуэй предложил несколько иной вариант заголовка – «Думы цветка и мечты бабочки». С одной стороны, в этом названии можно увидеть следование японской традиции. А.И. Мамонов отмечает, что название такого типа соответствовало сформировавшимся в Японии принципам перевода произведений европейской литературы. Так, перевод романа Э. Бульвер-Литтона «Эрнст Малтроверс», выполненный Нива Дзюньитиро, получил название «Карю сюнва» («Весенние беседы о цветах сливы. Удивительные события в Западной Европе») [3, 286]. С другой стороны, выражения «думы цветка» и «мечты бабочки», как и вообще образы цветов и порхающих рядом бабочек, глубоко укоренены в *китайской* культуре: «цветок» символизирует молодость, красоту, весну, невинность, духовное совершенство, передаёт идею скоротечности жизни [5, 237]. Можно предположить, что «думы цветка» связаны с мыслями о парадоксальности жизни, неотвратимости перемен, необратимости увядания молодости и красоты [4; 231]. Китайским читателям был хорошо знаком сюжет о чудесном сне, который увидел герой средневековой новеллы Люй Дунбинь, уснувший на подушке даосского монаха: выдержав экзамен, он получил важное назначение и в итоге дослужился до должности премьер-министра, однако высокое положение и почести не принесли ему истинного счастья. Проснувшись, Люй понял пустоту повседневной жизни и мирской славе предпочёл путь отшельника, стремящегося постигнуть Великое Учение.

«Бабочки» в китайской культуре являются символом влюбленных; они также символизируют женскую красоту, семейное счастье, радость, изобилие, удачу; две бабочки, изображённые на картине, указывают на счастливую семейную пару, достигшую любви и гармонии. Упоминание «цветов» и «бабочек» ассоциировалось у китайских читателей с одним из наиболее известных в китайской культуре сюжетов о китайских Ромео и Джульетте – влюбленных друг в друга юноше Лян Шаньбо и девушке Чжу Интай (сокращённое название легенды «Лянчжу» объединяет фамилии героев). Прекрасная образованная девушка Чжу Интай и талантливый молодой учёный Лян Шаньбо влюбились друг в друга и поклялись в вечной верности, однако родители решили выдать Интай замуж за богатого человека. Узнав об этом, Лян Шаньбо умер от невыносимых переживаний, а Интай, получив известие о его смерти, в день своей свадьбы совершила самоубийство во имя любви. После смерти Чжу Интай и Лян Шаньбо превратились в прекрасных бабочек, а на их могиле выросли цветы.

В соответствие с китайской традицией Чжу Интай интерпретировалась как идеал верности; исследователи подчёркивали, что она была неординарной девушкой, поскольку стремилась к знаниям и получила образование; по сравнению со своим возлюбленным она оказывалась более активной, целенаправленной, сильной в духовном плане. Лян Шаньбо, помимо того, что также считался идеалом верности, интерпретировался в качестве человека, образцово служившего государю.

Используя название «Думы цветка и мечты бабочки», Цзи Ихуэй по сути поместил произведение Пушкина в контекст отношений Чжу Интай и Лян Шаньбо. Таким образом, Маша Миронова (получившая китайское имя Ма Ли) в сознании читателей изначально воспринималась как активная и любящая девушка, способная ради любви на смелые поступки, а Пётр Гринёв (получивший китайское имя Ми Ши) – как честный и принципиальный молодой человек, идущий на самопожертвование ради общественных целей (что соответствовало характеру пушкинских персонажей). Акцент на активность героев вытекал из политической ситуации, сложившейся в Китае в начале XX в., поскольку в это время формировалось революционно-освободительное движение, требовавшее от человека смелости и активности. Символическое название пушкинского произведения в переводе Цзи Ихуэя, не смотря на то, что оно не имело прямого основания в исходном тексте, не противоречило идее повести и ориентировало китайского читателя на восприятие «Капитанской дочки» в современном историко-культурном контексте.

Цзи Ихуэй был образованным человеком и вдумчивым переводчиком, обладавшим прекрасным чувством слова и хорошо представлявшим особенности китайской культуры. Он, конечно, хорошо осознавал ограниченные возможности собственного перевода и понимал, что культурное «посредничество» японского языка неизбежно приведёт к потере значительной части «русского» содержания, что текст не передаст особенности пушкинского стиля и языка персонажей. Целью перевода Цзи Ихуэя было знакомство китайских читателей с особенностями жизни русских людей, их системой ценностей; он хотел показать, что в России живут люди, похожие на жителей Поднебесной, чувства и проблемы которых сходны с чувствами и проблемами китайских людей.

С момента издания «История любви в России» прошло более века. Сегодня на китайском языке опубликовано много произведений Пушкина, однако, когда мы обращаемся к истории восприятия его творчества, то понимаем, что это был сложный процесс. Перевод Цзи Ихуэя помог китайской интеллигенции понять особенности русского самосознания. «Капитанская дочка» стала для китайского общества событием огромного значения, с которого началось постижение русской культуры.

Список литературы

1. Гурвич И. «Капитанская дочка» в Японии // Известия книжных магазинов т-ва М.О. Вольф по литературе, наукам и библиографии. 1911. № 11. С. 283–286.
2. Мамонов А.И. Пушкин в Японии. М.: Наука, 1984. 328 с.
3. Мамонов А.И. Пушкинское наследие в Японии / А.И. Мамонов // Пушкин и мир Востока: [Сб. ст.] / сост. Е.П. Чельшев; общ. ред. Е.П. Чельшев. М.: Наука, 1999. С. 284–298.
4. Ромах Н.И., Толмачева У.К. Цветочная символика в изобразительном искусстве и литературе Китая // Аналитика культурологии: электронное научное издание. 2011. № 20. С. 230–235.
5. Толмачева У.К. Цветочная символика в повседневной и праздничной культуре Китая // Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина. 2011. № 20. С. 236–240.
6. Цзи Ихуэй. История любви в России. Шанхай: Цзо Синьшэ, 1903. – 67 с. [戢翼羣. 俄国情史. 上海: 作新社. 1903. 67 p.].
7. Чжан Тефу. А.С. Пушкин и Китай. Чанша: Юелу, 2000. 409 с.

10.02.00 - ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ЯЗЫКОЗНАНИЕ

10.02.00

А.А. Бекетова, Е.Е. Сафронова

Кубанский государственный медицинский университет,
стоматологический факультет, кафедра лингвистики,
Краснодар, ksma-lingua@mail.ru

**ЛИНГВОСТРАНОВЕДЕЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА
КАК СПОСОБ ПОВЫШЕНИЯ МОТИВАЦИИ**

В статье рассматривается лингвострановедческий аспект изучения иностранного языка как способ повышения мотивации, а также применение лингвострановедческого материала в качестве средства повышения мотивации студентов при изучении языка, что способствует подготовке высококвалифицированных специалистов, готовых к иноязычной коммуникации в любых формах.

Ключевые слова: лингвострановедение, лингвокультурология, мотивация, иностранный язык.

В методике современного преподавания в высших учебных заведениях иностранным языкам наряду со специальными дисциплинами отводится одно из ключевых мест в образовательном процессе. Обучение студентов иностранному языку, равно как и любой другой дисциплине широкой или узкой направленности невозможно без наличия достаточной мотивации учащихся.

Проблема повышения мотивации студентов к изучению иностранного языка и тесно связанная с ней проблема повышения качества знаний дисциплины «Иностранный язык» в неязыковом вузе в наши дни является как никогда актуальной. Несмотря на возросшую значимость иноязычного образования, на господствующие во всех сферах социальной жизни процессы глобализации и другие факторы, способствующие росту интереса к изучению иностранных языков, часто дисциплина «Иностранный язык», если ее усвоение не является неременной составляющей будущей профессии, становится «необязательной» для студентов. Поиск повышающих мотивацию приёмов и методов не прекращается в настоящее время как в среде преподавателей иностранного языка, так и учеными-методистами.

В данной статье мы рассматриваем возможность использования лингвострановедческого материала как средства повышения мотивации к изучению иностранного языка в неязыковом вузе, а также место лингвострановедческого аспекта в профессиональной подготовке будущих высококвалифицированных специалистов.

Интерес к иностранному языку предполагает не меньший интерес к культуре страны изучаемого языка, её истории и повседневности, традициям и обычаям. Из этого следует, что восприятие лингвострановедческого материала во многом определяется эстетическим потенциалом личности студента. Анализ произведений живописи, музыки и литературы страны изучаемого языка, рассмотрение внешних и внутренних культурно-исторических взаимоотношениях её населения является лучшим способом понимания культуры носителей языка, а также предоставляет студентам возможность приобщиться к интегративному началу мировой культуры.

Согласно исследованиям психологов А.К. Марковой, А.Б. Орлова, мотивационная сфера имеет в своем составе некоторый ряд побуждающих аспектов: идеалов и ценностных ориентации, потребностей и познавательных интересов. На основании этого мы приходим к выводу, что приобщение студентов к материалам культуры способствует пробуждению познавательной мотивации. В ходе этого процесса идет становление эстетических идеалов, эстетических эмоций, эстетических вкусов, эстетического сознания [3].

Традиционные методы обучения иностранному языку предполагают усвоение знаний в искусственных ситуациях, вследствие чего студент зачастую не видит связи изучаемого предмета с окружающей реальностью и со своей будущей деятельностью.

Использование лингвострановедческого аспекта в обучении иностранному языку особенно важно в условиях нелингвистического вуза, где само иноязычное общение совершенно не подкреплено языковой средой. Важнейшим мотивационным стимулом изучения иностранного языка является стремление к расширению своего общего кругозора. Лингвострановедческий аспект направлен на реализацию конечных целей обучения иностранному языку, а именно, на обучение общению. Подготовить же студентов к иноязычному общению, сформировать коммуникативную способность без привития им норм адекватного речевого поведения и в отрыве от этих знаний невозможно.

Фундаментальный вклад в разработку теоретических основ лингвострановедения в нашей стране внесли Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, а также исследователи липецкой школы во главе с Е.И. Пассовым. Цели обучения иностранному языку как средству межкультурного общения авторы видят в активизации сознательной и творческой деятельности на основе использования лингвострановедческого материала. Обучающиеся наряду с умением коммуницировать на иностранном языке, приобретают полезную информацию о культуре, менталитете этого народа, т.е. осуществляют познавательную деятельность.

Страноведческий материал играет важную роль в подготовке студентов к межкультурному общению и организации межкультурно-ориентированного обучения в вузе. В этой связи мотивы изучения страноведческого материала, определенная степень инициативности в овладении знаниями страноведческого характера и умениями их презентации в процессе обучения иностранному языку студентов оказывают большое влияние на эффективность формирования межкультурной компетентности.

Знание истории, географии, культуры страны изучаемого языка, обычаев ее людей, проникновение в их национальное самосознание, понимание их этнической структуры играет подчас решающую роль в характере общегуманитарных и деловых контактов представителей разных стран. Успешность профессиональной деятельности подчас также зависит от адекватности общения с иностранной средой. Такая дисциплина, как иностранный язык, предоставляет возможность оценивать мировую культуру, культурные ценности страны изучаемого языка.

В межкультурной компетентности формируется чувство толерантности при знакомстве с иноязычной культурой. В этой связи представляется особенно важной работа с молодежью, направленная на адекватное восприятие иноязычной культуры, преодоление стереотипов в интерпретации поведения другого человека и схематических правил общения, типичных для родной культуры.

Использование мультимедийного интегрированного блока, включающего произведения изобразительного искусства, архитектуры, поэзии и прозы выдающихся зарубежных авторов, позволяет дополнять изучаемый материал выразительностью наглядных форм, что в свою очередь активизирует интерпретационный потенциал студентов и расширяет сферу прилагаемых педагогических усилий.

Таким образом, ряд таких специфических особенностей лингвострановедения, как приоритет воспитательных задач, интегративный характер содержания, реализация личностного, деятельностного, исследовательского подходов в процессе обучения, внешняя привлекательность деятельности для обучающихся и широкий спектр методических приемов, используемых при изучении краеведения [2], делают его незаменимым средством повышения мотивации обучающихся к изучению иностранного языка. Включение лингвострановедческого компонента в процесс профессиональной подготовки будущих специалистов в максимальной степени позволяет реализовать ведущие тенденции развития отечественного образования, позволяя перейти от общего образования гражданина вообще, независимо от его места жительства, к образованию представителя конкретного территориального социокультурного сообщества и человека со всеми его индивидуальными особенностями и способностями [1]. Применение лингвострановедческого материала в качестве средства повышения мотивации студентов к изучению иностранного языка способствует подготовке высококвалифицированных специалистов, готовых к иноязычной коммуникации в любых её формах, что потенциально повышает их конкурентоспособность на рынке труда.

Список литературы

1. *Бахчиева О.А.* Педагогический потенциал краеведения в процессе формирования духовно-нравственных ценностей будущего специалиста. // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 6. С. 936-944.
2. *Лиханова В.В.* Образовательные возможности краеведения в процессе обучения иностранным языкам. // Вестник Бурятского государственного университета. 2010. № 1. с. 209-210
3. *Пассов Е.И.* Коммуникативное иноязычное образование: концепция развития индивидуальности в диалоге культур. Липецк: Изд-во ЛГПИ, 1999.

10.02.04

**О.А. Бирюкова канд. филол. наук, Е.А. Давыдова канд. филол. наук,
И.И. Каштанова канд. филол. наук**

Мордовский государственный педагогический институт имени М. Е. Евсевьева
факультет иностранных языков, кафедра лингвистики и перевода
Саранск, oksana-biryukova-777@mail.ru, davgrey@mail.ru, irikashtanova@mail.ru

РОЛЬ ФОНОВЫХ ЗНАНИЙ В ВОСПРИЯТИИ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ОНИМОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

В статье рассматривается значение фоновых знаний читателя в процессе интерпретации художественного текста. Прецедентные онимы определяются как знак присутствия в текстовом пространстве невербальной информации, требующей определенной мыслительной обработки. Результатом такой обработки можно считать извлечение смысла, заложенного в текст автором.

Ключевые слова: *фоновые знания, художественный текст, прецедентные онимы, восприятие текста, интерпретация текста, английский язык.*

Термин «фоновые знания» не нуждается в представлении. Тем не менее, отметим, что в словаре О. С. Ахмановой фоновое знание (англ. *background knowledge*) определяется как «обоюдное знание реалий говорящим и слушающим, являющееся основой языкового общения» [1, с. 498]. Это означает, что для успешной коммуникации все участники процесса должны обладать общими знаниями о мире, включая как научные, так и обыденные житейские знания, стереотипные суждения, индивидуально-личностные или коллективно принятые оценки событий, явлений, личностей. Фоновые знания выступают невербальным компонентом коммуникации, который в текстовом пространстве присутствует в виде особых вербальных знаков.

Знаком наличия затекстовой информации выступают, например, прецедентные имена собственные (прецедентные онимы). Подобный статус им присвоен в лингвистике постольку, поскольку они так или иначе связаны с прецедентным текстом или прецедентной ситуацией, т. е. отсылают слушающего или читающего к широко известному литературному или социокультурному контексту. Прецедентные феномены проанализированы и подробно описаны в работах И. В. Захаренко, В. В. Красных, Д. Б. Гудкова, Е. А. Нахимовой и других ученых.

Корпус прецедентных онимов достаточно разнообразен и многопланов. В него входят имена исторических личностей (правителей, полководцев и пр.), писателей, композиторов, художников, имена библейских, мифологических, фольклорных, литературных персонажей, названия музыкальных и художественных произведений, названия мест, где произошли известные политические, военные, культурные события. Уже из приведенного перечня становится ясно, что прецедентные онимы обладают важной особенностью: они способны вызывать устойчивые ассоциации, благодаря которым у говорящего или пишущего появляется возможность использовать эти имена для построения высказываний, имеющих определенную прагматическую направленность. В зависимости от условий коммуникации автор сообщения ожидает от реципиента эмоциональной, мыслительной, вербальной либо волевой реакции. Кроме того, введение в текстовое пространство прецедентных онимов в статусе тропов (метафор, антономасий, сравнений, перифраз) неизбежно связано с выполнением ими оценочной функции. Используя в своих целях ассоциативно-коннотативную составляющую прецедентных онимов, автор сообщения сравнивает описываемые факты, явления, события, лица и их действия с избранным «эталоном», обозначенным прецедентным именем, и квалифицирует их как отрицательные или положительные, вызывающие одобрение или

неодобрение, заслуживающие восхищения или порицания, провоцирующие улыбку, иронию, ненависть, сочувствие, ведущие к переосмыслению и переоценке. Подобная форма бытования прецедентных онимов в тексте – особый текстопостроительный прием, а «фактическое разнообразие художественных контекстов свидетельствует о действительно неограниченных экспрессивных возможностях» [2, с. 138] прецедентных имен собственных.

С другой стороны, присутствие в тексте прецедентных онимов требует от реципиента некоторых когнитивных и творческих усилий по освоению смысла текста: он должен быть готов адекватно декодировать заложенную с помощью имени информацию, которая вступает во взаимодействие с общей текстовой информацией. Не случайно в лингвистике в свое время была выдвинута гипотеза о том, что имя собственное есть «свернутый текст» (М. В. Горбаневский), и если в плане выражения мы имеем дело с одним вербальным знаком, то в плане содержания – это целый комплекс знаний о референте, неразрывно связанный с ассоциациями и коннотациями, которые сложились в языковом коллективе и которые разделяются всеми членами этого коллектива. Прецедентное имя позволяет в лаконичной форме выразить определенную идею, продвигаемую автором текста.

Одним из компонентов смысла текста является пресуппозиция, возникающая при чтении предшествующего текста или оказывающаяся за пределами текста и представляющая собой результат знания и опыта составителя текста. Пресуппозицию как предварительное знание (опыт) и принято называть фоновыми знаниями, знаниями невербализованными в тексте [3]. Таким образом, для реципиента фоновые знания становятся необходимым условием правильного понимания устного или письменного высказывания, содержащего прецедентный оним.

Для подтверждения данного тезиса обратимся к англоязычным художественным текстам. В романе Н. Марш «Смерть после бала» (*Death in a White Tie*) имеется эпизод, демонстрирующий важность фоновых знаний в коммуникации (в данном случае это коммуникация, осуществляемая представителями одной лингвокультуры).

Разговаривают два персонажа: Даймитри из фирмы «Шеперд Маркет», устроитель светских мероприятий, и его доверенный слуга. Речь идет об убийстве в доме, в котором Даймитри организовывал бал. Даймитри выражает сожаление по поводу смерти человека, бывшего всеобщим любимцем, и инструктирует слугу насчет сплетен и слухов. Персонаж произносит следующую фразу:

“In respect of malicious tittle-tattle,” said Dimitri virtuously, “our firm is in the well-known position of **Caesar’s wife**.” He glanced at his servant’s face. It wore a puzzled expression. “She did not appear in gossip columns,” explained Dimitri [11, с. 17]. – «Что касается всяких слухов, наша фирма находится в положении **жены Цезаря**. – Он взглянул на слугу и увидел на его лице озадаченное выражение. – Ее имя никогда не появлялось в отделе светской хроники, – пояснил Даймитри» [4, с. 74].

Крылатое выражение «жена Цезаря должна быть выше подозрений» приписывается Гаю Юлию Цезарю, который произнес эту фразу в ответ на вопрос о причине развода с Помпеей Суллой, его второй женой. Смысл выражения сводится к следующему: жена человека с высоким положением должна вести себя настолько безупречно, чтобы не давать повода не только для осуждения, но даже для подозрения в чем-либо неблагоприятном.

Очевидно, что в приведенном фрагменте из романа прагматическое намерение Даймитри не реализовалось в силу различий в фоновых знаниях беседующих. Отметим, что в традиционной модели социальных классов в британском обществе выделяют элиту, средний класс и рабочих. Классовая принадлежность определялась по роду занятий, материальному положению и образованию человека. Из примера видно, что уровень образования слуги (или скорее его необразованность) не позволяет ему понять, что имеет в виду его «босс», говоря о положении фирмы. Фраза Даймитри его не просто озадачила; без соответствующего пояснения она сделала затруднительным продолжение разговора.

Похожий эпизод описан в рассказе К. Мэнсфилд «Жизнь матушки Паркер» (*Life of Ma Parker*). Обратимся к тексту:

At sixteen she'd left Stratford and come up to London as kitchen-maid. Yes, she was born in **Stratford-on-Avon. Shakespeare**, sir? No, people were always arsking her about him. But she'd never heard his name until she saw it on the theatres [5, с. 76]. – Шестнадцати лет она приехала из Стратфорда в Лондон и устроилась работать судомойкой. Да, она родилась в **Стратфорде на Эйвоне. Шекспир**, сэр? Нет. Всегда ее спрашивают о нем, но она никогда о таком не слыхала, только видела это имя на стенах театров [6].

Матушка Паркер, героиня рассказа, – простая женщина, которая зарабатывала себе на жизнь уборкой квартир. Примечательно, что родом она из Стратфорда на Эйвоне, города, известного любому образованному человеку как место, где родился и вырос знаменитый английский драматург и поэт Уильям Шекспир. Вот почему ей часто задают вопрос о Шекспире (по-видимому, естественная реакция знающего человека). Однако ей это имя абсолютно ни о чем не говорит. Она даже не может понять, почему ей задают этот вопрос. И в этом отрывке мы видим, как влияет отсутствие фонового знания на результативность коммуникации (заданный вопрос каждый раз остается без ответа).

Подчеркнем, что в проанализированных фрагментах коммуникация осуществляется между представителями одной лингвокультурной общности (это жители одной страны, носители одного языка). И при этом разница в фоновых знаниях нарушает нормальный ход коммуникации и даже делает ее продолжение невозможным, поскольку упомянутый одним из собеседников известный персонаж или географический объект попросту не идентифицирован. В рамках одной культуры фоновые знания, или «готовые смыслы», которые предлагает культурно-языковая среда, варьируются, по мнению И. М. Шеиной, «в зависимости от социального статуса, личного опыта и других факторов» [9, с. 76], что подтверждается приведенными выше примерами.

Если же вопрос касается представителей разных культур и носителей разных языков, то ситуация еще более усугубляется, поскольку содержание фоновых знаний может различаться значительно и проявляется в появлении лакун, преодолеть которые возможно только при целенаправленном поиске соответствующей информации.

Чтение иноязычной художественной литературы является актом опосредованной межкультурной коммуникации. Сталкиваясь с именами собственными, читатель, для которого английский язык является изучаемым, может просто не знать каких-то фактов, событий, явлений, известных носителям языка, для которых, собственно, и было написано произведение. Интересен в этом плане рассказ У. Сарояна «Париж и Филадельфия» (*Paris and Philadelphia*), на страницах которого появляется имя *Leonard Lyons*. Трудности интерпретации обусловлены тем, что, во-первых, в нашем случае реципиентом текста является не носитель английского языка, во-вторых, фоновые знания У. Сарояна имели гораздо больше общего с фоновыми знаниями его читателей-современников, чем, скажем, с фоновыми знаниями читателей нашего времени (тем более читателей иностранцев), в-третьих, читатель-иностранец может вообще не понять, что перед ним не вымышленное лицо, а реально существовавший человек, выведенный в качестве персонажа на страницы рассказа.

Итак, заглянув в справочники и энциклопедии, узнаем, что Леонард Лайонс был американским газетным обозревателем в «Нью-Йорк Пост». Лайонс писал по 6 статей в неделю, по 1000 слов в день, охватывая такие сферы, как театр, кино, политика, а также забавные истории и новости [10]. Это имя появляется в тексте, например, в следующем эпизоде:

He went straight to **Leonard Lyons**, standing with a man and his wife who turned to be from Washington, the man being in the State Department. Immediately after introduction the actor began to tell anecdotes about himself which he had been saving up for over a month on the chance that he would see **Leonard Lyons** [7, с. 313]. – Первым делом он направился к **Леонарду Лайонсу**, который беседовал с каким-то господином и его супругой, приехавшими, как оказалось, из Вашингтона. После того, как все были друг другу представлены (господин оказался деятелем государственного департамента), Андрэ Салама, актер, начал рассказывать анекдоты,

приключившиеся с ним самим за последнее время. Он уже целый месяц хранил их на случай, если встретит где-нибудь **Леонарда Лайонса** [8].

Важным для интерпретации является еще один любопытный факт из биографии Леонарда Лайонса: известно, что он в обеденные часы успевал пройти 13–14 ресторанов и ночных клубов, где записывал истории и отправлял их в редакцию поздно ночью; таким образом, его авторская рубрика была всегда свежа и актуальна [9]. Андрэ Салама пытается заинтересовать Лайонса своими рассказами, однако по реакции присутствующих понимает, что в светскую хронику они не попадут. Неосведомленному читателю суетливая обеспокоенность Андрэ Саламы в описанном эпизоде покажется лишенной какого бы то ни было смысла и будет воспринята лишь на уровне плана выражения текста.

Как видно, упомянутое прецедентное имя может быть правильно интерпретировано в смысловой структуре текста только при наличии у читателя соответствующих фоновых знаний. В противном случае, данный оним окажется в одном ряду с именами других вымышленных персонажей.

Таким образом, роль пресуппозиции, роль фоновых знаний в восприятии и интерпретации художественного текста не сводится к простому узнаванию или опознаванию носителя прецедентного имени (одушевленного или неодушевленного). От читателя требуется правильно распознать идею, заложенную автором посредством включения прецедентных онимов, и понять авторскую интенцию. Незнание содержательного плана обозначенных лексических единиц, игнорирование их в структуре текста приводит к нарушению хода коммуникации и потере смыслов, поскольку неперенным и важным условием употребления прецедентных имен в речи является их известность как отправителю сообщения, так и его получателю. Следовательно, воспринимающему субъекту (реципиенту текста) как минимум нужно стремиться к обогащению запаса фоновых знаний и не оставлять без внимания такие особенные в плане содержания знаки, как прецедентные онимы.

Список литературы

1. *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 576 с.
2. *Бирюкова О. А.* Экспрессивные возможности прецедентных онимов в художественном тексте // *Казанская наука*. – 2012. – № 2. – С. 135–138.
3. *Валгина Н. С.* Теория текста : учеб. пособие. – М. : Логос, 2003. – URL: <http://evartist.narod.ru/text14/04.htm> (дата обращения 08.05.2018)
4. *Марш Н., Мэйбери Э.* Смерть после бала; Шепот в темноте. – М. : Панорама, 1995. – 496 с.
5. *Мэнсфилд К.* Life of Ma Parker / К. Мэнсфилд // *Новеллы : сборник*. – на англ. яз. М. : Радуга, 2002. – С. 73–82.
6. *Мэнсфилд К.* Жизнь матушки Паркер. – URL: https://www.e-reading.club/chapter.php/1039373/21/Mensfild_-_Rasskazy.html (дата обращения 08.05.2018)
7. *Сароян У.* Paris and Philadelphia // *Избранные рассказы: сборник*. – На англ. яз. / Составл. М. Корнеевой. – М. : Радуга, 2002. – 368 с.
8. *Сароян У.* Париж и Филадельфия – URL: <https://www.proza.ru/2013/06/16/1593> (дата обращения 08.05.2018)
9. *Шеина И. М.* Фоновые знания как неотъемлемый компонент профессиональной компетенции переводчика // *Вестник Вятского государственного гуманитарного университета*. – 2009. – № 4 (1). – С. 75–79.
10. *Leonard Lyons* // *Academic dictionaries and Encyclopedias*. – URL: <http://enacademic.com/dic.nsf/enwiki/10794658> (дата обращения 08.05.2018)
11. *Marsh N.* Death in a White Tie / N. Marsh. – <https://litlife.club/br/?b=127020&p=17> (дата обращения 08.05.2018)

10.02.00

А.М. Галимова, Ф.Д. Рассказов д-р педагог. наук

Сургутский государственный университет,
Сургут, almanzorochka.galimova@gmail.com, lesi_rasskazov@mail.ru

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ РАЗВИТИЯ МЕТОДИЧЕСКОЙ ГОТОВНОСТИ ПЕДАГОГА-ЛИНГВИСТА

Статья посвящена современному этапу модернизации системы образования особое значение приобретает проблема развития и повышения профессиональной компетентности педагогов в системе дипломного и послевузовского образования, подготовки нового поколения педагогов, повышения их профессионализма и общекультурного уровня. Среди приоритетов дипломного и послевузовского образования преподавателей-филологов ведущее место занимает развитие научно-методической компетентности.

Ключевые слова: методологические подходы, подходы, исследование, сфера образования, систематический подход, компетентностный подход.

На современном этапе модернизации системы образования особую актуальность приобретает проблема развития и повышения профессиональной компетентности учителей в системе дипломного и последипломного образования, подготовки новой генерации педагогических кадров, повышения их профессионализма и общекультурного уровня [4; 22].

Развитию профессиональной педагогической компетентности посвящены исследования таких ученых: Г. Ельниковой, А. Мариновского, И. Лернера, А. Пометун, А. Овчарук, А. Хуторского, В. Краевского, И. Исаевой, А. Тарашенко и др.

По мнению А. Хуторского, профессиональная компетентность – это единство теоретической и практической готовности учителя к осуществлению педагогической деятельности. Компетентность учителя автор трактует, как способность личности на разных уровнях решать различные типы педагогических задач [4; 34].

В. Краевский, А. Хуторской предложили рассмотрение профессиональной компетентности учителя как единства трех составляющих:

- когнитивной (наличие системы педагогических и специальных предметных знаний);
- операционально-технологической составляющей (владение методами обучения, технологиями, способами педагогического взаимодействия; личностная составляющая (этические и социальные позиции и установки, черты личности педагога);
- личностная составляющая (этические и социальные позиции и установки, черты личности педагога [7; 36].

В «Концепции литературного образования в средней общеобразовательной школе» [1; 5] указано, что одним из важных направлений российского образования является гуманитарное, которое обеспечивает духовное развитие ученика. В этих условиях педагог-филолог должен иметь высокий уровень профессионального мастерства. Поэтому среди приоритетных задач дипломного и последипломного образования учителей-филологов ведущее место занимает развитие научно-методической компетентности.

На основании обобщения основных положений научных исследований по данной проблеме определены необходимые пути развития научно-методической компетентности в системе дипломного и последипломного образования:

- непрерывность образования, непрерывность развития научно-методической компетентности должно обеспечиваться преемственностью между подготовкой в учреждениях высшего образования и последипломного, в курсовой и межкурсовой периоды [5, с. 14];
- интеграция науки и школьного образования, трансформации научных идей в педагогическую практику;
- осознание общественно значимых задач учителя-филолога, педагогическая самомотивация, методическая мобильность;

- дифференцированный подход к развитию научно-педагогической компетентности, самообразовательная деятельность, наличие обоснованной индивидуальной траектории профессионального развития на основе диагностического принципа;
- системность и целенаправленность в организации научно-методической деятельности учителей, установление научно-методического, научно-аналитического, информационного сопровождения;
- сочетание инновационных форм и методов методической работы с традиционными, формирование готовности учителя к инновационной, исследовательской деятельности, владению Интернет-технологиями;
- обеспечение условий для использования учителем информационно-коммуникационных технологий;
- самоанализ деятельности, диагностика, мониторинговые исследования динамики развития научно-методической компетентности;
- педагогическое взаимодействие;
- стимулирование деятельности учителя администрацией учебного заведения, признание и одобрение опыта;
- участие в профессиональных конкурсах, методических мероприятиях.

Совершенствование научно-методической компетентности учителей-филологов происходит различными путями.

Один из них – интеграция науки и школьного образования, трансформации научных идей, теорий, новейших технологий в педагогическую практику.

Ученых и учителей объединяет общая цель: формирование нового интеллектуального будущего, воспитания настоящего гражданина Российской Федерации. Исследователи утверждают, что партнерство в системе «Преподаватель-учитель-студент-ученик» – эффективная модель повышения научно-методической компетентности учителей, преподавателей, студентов, учеников, результативности учебно-воспитательного процесса, и предлагают программу профессионального взаимодействия университета со средними учебными заведениями, где рекомендовано определять три модуля.

Модуль 1. Научно-исследовательский (с привлечением учителей-филологов):

- презентация теоретических исследований преподавателей, ознакомление с новыми тенденциями развития филологических наук;
- осуществление научных исследований на базе школ, проведение экспериментов;
- апробация авторских программ и учебников;
- научно-практические конференции, теоретические семинары, педагогические чтения, лекции, сообщения;
- организация деятельности по поддержке одаренной учащейся молодежи, работа с учениками-членами малой академии наук, а также участниками разнообразных научных сообществ.

Модуль 2. Учебно-методический:

- обмен педагогическим опытом;
- проблемные и научно-методические семинары;
- совместная деятельность по проектированию новых моделей образовательного процесса;
- разработка и внедрение экспериментальных методик обучения и воспитания, подготовка к печати материалов по изучению филологических наук;
- взаимное рецензирование методических пособий, авторских программ;
- участие преподавателей в заседаниях педагогических советов, методических объединениях;
- тренинги, мастер-классы, открытые уроки, круглые столы, презентация и защита индивидуальных творческих проектов.

Модуль 3. Информационный:

- научно-методическое консультирование;
- презентация исследований и разработок по совершенствованию преподавания предметов гуманитарного цикла, обзор научной и методической литературы, периодики;
- презентация педагогических мастерских учителей-практиков, индивидуальных траекторий развития научно-методической компетентности, портфолио;
- проведение Дня карьеры.

Сочетание ресурсов и возможностей университетов с практическим опытом учителей-филологов будет способствовать эффективному развитию профессионального мастерства, созданию учителя нового типа – учителя-исследователя.

Чрезвычайно важным в профессиональном росте учителей-филологов является лингводидактическая подготовка, включающая, прежде всего, совершенствование лингводидактических умений словесника как организатора учебно-воспитательного процесса в школе.

С. Сысоева выделяет четыре уровня творческой педагогической деятельности: репродуктивный, инновационный, конструкторский, новаторский.

Учитывая вышесказанное, на формирование и совершенствование методической компетентности педагога-лингвиста влияют не только обучение и содержание образования, которое передается преподавателем, но и интеллектуально-творческая деятельность, и самообразование самого учителя.

Таким образом, практическая реализация методологического принципа обучения, как в условиях вуза, так и на курсах повышения квалификации учителей-лингвистов позволяет определить ведущие подходы к практической подготовке словесников не только общепрофессиональной, но и методической частности.

Список литературы

1. Адольф В.А. Профессиональная компетентность современного учителя / В.А. Адольф. – Красноярск: М-фо общ. и проф. образования РФ; Красноярский государственный университет, 2012. – 309 с.
2. Андриевский Б.М. Реализация концепции непрерывного педагогического образования – требование времени // Актуальные проблемы развития национального образования: Сб. научно-методических трудов. – М.: МГУ, 2012. – С. 14-17.
3. Зимняя И. А. Ключевые компетенции – новая парадигма результата современного образования / И. А. Зимняя // Высшее образование сегодня. — 2013. — № 5. — С. 34-42.
4. Игна О.Н. Структура и содержание методической компетентности учителя иностранного языка / О.Н. Игна // Ярославский педагогический вестник. – 2010. – № 1. – С. 90-94
5. Онац О.Н. Практика формирования профессиональной компетентности молодого учителя [Текст] / О. Онац // Путь образования. – 2012. – № 3. – С. 34-39.
6. Рассказов, Ф.Д. Индивидуально-воспитательная работа со студентами в современных условиях / Ф. Д. Рассказов // Материалы IV международной научно-практической конференции – Европа и современная Россия. - г. Эрланген. – М., 2010. – С. 148-159.
7. Семенов О.М. Профессиональная подготовка будущих учителей иностранного языка и литературы : монография / Елена Николаевна Семенов. – Сумы : ВВП «Мрия-1» ТОВ, 2015. – 404 с.
8. Сокольницкая Т.Н. К вопросу о методической компетентности учителя русского языка / Т.Н. Сокольницкая // Человек и образование. – 2012. – №2 (31). – С.162-165.

10.02.01

М.М. Гераськова, Е.В. Голован

Балтийский федеральный университет им. И. Канта,
институт гуманитарных наук,
г. Калининград, orlovam08@list.ru, e.golovan@globalbpg.com

ЯЗЫКОВАЯ ГИБРИДИЗАЦИЯ В ТЕКСТАХ МУЗЫКАЛЬНЫХ СУБКУЛЬТУР ПОЛЬШИ

В статье описываются особенности функционирования англо-польского языкового гибрида «понглиш» в текстах, репрезентирующих различные музыкальные субкультуры современной Польши. Характеризуются хронологически обусловленные изменения в составе гибридных элементов, форм и способов их образования, а также выполняемых ими прагматических целевых установок.

Ключевые слова: языковая гибридикация, англоязычные заимствования, вкрапления, понглиш.

Восходящий к биологическому дискурсу термин «гибридикация» все чаще используется в современной российской лингвистике, изучающей процессы скрещивания различных элементов на внутриязыковом и межьязыковом уровнях. В условиях современной языковой ситуации, определяющим фактором развития которой становится воздействие английского языка, на первый план все чаще выходит аспект межьязыковой гибридикации [1]. Усиливающийся интерес исследователей к процессам взаимодействия различных лингвистических систем во многом детерминирован появлением таких англоизированных форм национальных языков как свенглиш, финглиш, хинглиш, понглиш и др.

Большинство польских исследователей датируют зарождение понглиша концом 80-х – началом 90-х годов [2, 3], когда в Польше происходит резкий поворот в сторону западных ценностей. В процессе интеграции поляков в мировое экономическое пространство немаловажную роль играет английский язык, что приводит к активному вхождению англоязычных элементов в различные отраслевые субязыки. Среди них принято выделять технологический, строительный, бизнес-понглиш, интернет-понглиш, а также разговорный и медиа-понглиш [4, с. 23], к которому следует отнести находящийся в фокусе нашего внимания гибридный язык различных музыкальных польских субкультур (R&B, хип-хоп, рэп, дабстеп, регги, техно, диско-поло). Выбор данного сегмента в качестве материала исследования обусловлен нашим интересом к зоне намеренного использования англо-польского гибрида как особого способа лингвоэстетического воздействия на определенную аудиторию.

Первая музыкальная композиция, в которой функционирует понглиш, появляется в рамках направления регги в 1985 году и носит название *Chalupy welcome to* (слова Г. Орлиньской). Текст содержит незначительное количество гибридных форм, вводимых в текст с помощью приема иноязычной цитации (19 английских слов из 140 лексических единиц). Кроме вкрапления английского приветствия *welcome to*, присоединенного к названию польской курортной местности *Chalupy*, все остальные вставки являются цитатами из песен популярных вокальных групп. Так, *sun of Yamaica blue* – строка из песни группы Гумбей Дэнс Бэнд (Goombay Dance Band), *Bahama Mama* – слова из песни группы Бонни М. Все остальные элементы являются топонимами, в написании которых сохраняется оригинальное английское написание: *Miami*, *Squaw Valley*, *Barbados*, *Yamaica*. Можно предположить, что использование аутентичной графической формы обусловлено стремлением подчеркнуть разницу между убогой инфраструктурой польской курортной местности и тем богатством, роскошью и весельем, которые характерны для западных курортов. Не случайным представляется и выбор названия *Chalupy*, семантика которого дает наглядное представление о внешнем облике польской местности, противопоставляемой курортным островам Майами или Ямайки.

В тексте композиции *Szał by night* (1986 г., слова Г. Орлиньской) рассказывается о праздновании медового месяца на горнолыжном курорте в Татрах (*winter party w śniegach Tatr*). Так же, как и в предыдущей песне, единственным способом гибридизации текста является цитация, общее количество вкраплений составляет 13% (16 англоязычных единиц из 128 слов). Их присутствие можно также признать идеологически мотивированным, выполняющим функцию противопоставления романтики далекого, большого и богатого света тем скудным удовольствиям, которые способна предложить коммунистическая действительность.

С начала 2000-х годов создание текстов песен на понглише становится все более частой практикой в рамках, в основном, молодежных польских субкультур (R&B, хип-хоп, уличный рэп, дабстеп). Примечательно, что сюжетно-тематическое наполнение композиций свидетельствует о достижении польским обществом тех свобод и удовольствий, которые казались столь желанными в середине 80-х годов.

В текстах данного периода увеличивается количество англоязычных элементов, в отдельных случаях достигающее 50 % всего лексического состава. В процессе гибридизации применяются все более разнообразные, оригинальные техники. Ведущим приемом остаются вкрапления, однако все чаще используется фонологическая полонизация, то есть передача звучания английского слова средствами польского алфавита: *fejs* – от *face*, *temptejszyn* – от *temptation*, *bekstejdż* от *backstage*, *demolejszyn* от *demolition* и т.п.

В письменной версии песен англоязычные элементы приобретают форму, намеренно искажающую их нормативное написание. В отдельных случаях это приводит к тому, что понимание транскрибированного слова адресатом возможно только при наличии у него знаний о принципах англо-польской транскрипции, принятых в данной субкультуре, например: *Hi Łi Go!* (*Hi we go*), *Oł maj gad* (*Oh My God*), *łysyn mnie* (*listen to me*) и т.п. .

В некоторых случаях декодирование смысла транскрибированной английской единицы возможно только при наличии контекста. Например, фразовый глагол *come on*, часто звучащий из уст ди-джеев в качестве призыва к публике активным образом развлекаться, получает в текстах слитное написание *kaman*: *kaman, nie rób tragejszyn*. Введение вместо фразового глагола однословной лексической инновации содержит в себе претензию на появление нового плана выражения для содержания, имеющего в польском языке традиционную форму *dawaj*.

В письменных версиях текстов при написании английских слов часто используется прием капитализации всех входящих в его состав букв:

Ja mówię: przyjdź TO ME, a ona WE WILL SEE

Krzywa wieża w PI ZI ZI, ona krzyczy SI SI SI

(композиция *V na sylwestra (Pij i tańcz)*, группа V-Unit, уличный рэп).

При этом наблюдается языковой и лингвокультурный меланж, который в большей степени обусловлен потребностями нахождения рифмы, нежели необходимостью выразить некий смысл. Так, в приведенном выше двустии название города, в котором находится Пизанская башня, *Pizza*, разделяется на три слога: *Pi ZI ZI*, которые, в свою очередь, рифмуются с французским способом выражения согласия: *SI SI SI*.

Отличительной чертой многих текстов становится активное использование акронимов, например:

Mam V na VHS, ona mówi mi

A ja jej ODP, tam to na DVD

To okno z PCV to moje PSP

Ja jestem MVP w szukaniu punktu G

При этом используются не только общеизвестные сокращения, такие как *DVD* или *PCV*, но и изобретаемые авторами аббревиатуры, чаще всего являющиеся эвфемическими вариациями польской вульгарной лексики.

В рамках гибридизации все большую популярность приобретает морфологический способ, принимающий форму присоединения к английским словам польских суффиксов (*eksajtować się, resetować się, rollowanie*), или соответствующих падежных окончаний (*lajki na fejsie*). Встречаются также примеры шутливой, иронического добавления английских суффиксов к польским или уже ранее заимствованным словам, как в слове *tragejszyn*, где присоединение английской морфемы мотивировано потребностью подбора рифмы к английскому вкраплению *temptation*. Элементы морфологической деполонизации встречаются и в тех случаях, когда вместо польских флексий используются формы именительного падежа, например: *Może banana with bita śmietana?*, или же в использовании родовой формы глагола прошедшего времени, определяемой окончанием английского существительного, например: *Podniósł mi się floor*.

Оригинальный эффект семантической разгибридации сложных английских слов можно наблюдать при замене одной из основ лексемы на польскую кальку. Так, при замене в слове *grandmother* компонента *mother* на польское *matka*, в гибридной лексической инновации эффект совмещенного смысла «бабушка» исчезает, а на первый план выдвигается прилагательное *grand*, способное передавать различные оттенки значения: «взрослый, высокий, большой, великий».

Особое место среди современных композиций на понглише занимает песня *Rolowanie* (слова Н. Урбаньска, 2013 г.). Количество англоязычных элементов в ней достигает 38 %, а их вплетение в ткань польского текста имеет такую глубину, что смысл текста с трудом поддается декодированию. Однако, по заявлению самого автора, целью понглизации являлось создание пародии как на сам гибридный язык, так и на те реалии и ценности, которые составляют содержание текстов многочисленных песенных хитов. Примечательно, что английские элементы в данной пародийной композиции пейоративным образом маркируют именно те потребительско-гедонистические свободы, которые в первых песнях на понглише представлялись их авторам желанным идеалом.

Однако в целом, использование различных гибридных элементов в текстах современных музыкальных субкультур утрачивает идеологическую мотивированность, свойственную первым композициям на понглише. В песнях направлений R&B, хип-хоп, дабстеп, техно и других понглиш используется как средство привлечения внимания аудитории, усиления развлекательного начала, либо как способ сознательного языкового экспериментирования.

Список литературы

1. Кравченко А. Взаимодействие культур и гибридизация языка // Homo Communicans: человек в пространстве межкультурных коммуникаций. Щецин, GRAFFORM, 2012. – С. 80–86.
2. Błasiak-Tytuła M. Dwujęzyczność i ponglish: zjawiska językowo-kulturowe polskiej emigracji w Wielkiej Brytanii. Kraków: Collegium Columbinum, 2011. – 234 с.
3. Miodunka W. Dwujęzyczność polsko-obca w Polsce i poza jej granicami. Rozwój i perspektywy badań // *LingVaria* 17 (1), 2013. S. 199-226.
4. Żydek-Bednarczuk U. Bilingwizm w badaniach glottodydaktycznych, społecznych i kulturowych // *Sztuka czy rzemiosło? Nauczyć Polski i polskiego*. Katowice: Gnome, 2007. – S. 223-237.

10.02.00

Ф.Ф. Гилемшин

Академия наук Республики Татарстан
Казань, Fler.Gilemshin@yandex.ru

ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ ЛЕКСИКА В ТАТАРСКОМ ПЕРЕВОДЕ СКАЗОК «ТЫСЯЧА И ОДНА НОЧЬ»

Данная статья посвящена анализу глаголов, выражающих внутреннее эмоциональное и психологическое состояние героев сказок в татарском переводе сборника «Тысяча и одна ночь». Рассматриваются такие явления, как боязнь, переживание, сострадание, обида, растерянность, стыд, раскаяние, радость, удивление, сострадание и т.д. При помощи определенных глаголов и глагольных конструкций читатель «подключается» к эмоциональному состоянию персонажа. Обилие в тексте перевода глаголов данной категории указывает на активность использования такого художественного приема как прямой психологизм. Причиной этого является назидательный характер сказок «Тысяча и одна ночь».

Ключевые слова: *психологическое состояние, эмоции, бояться, удивляться, ревновать, злиться, стыдиться, быть довольным, прощать, раздражительность, невнимательность.*

Одной из семантических особенностей арабских сказок «Тысяча и одна ночь» является её эмоциональность, которая раскрывает переживания персонажей.

В татарском переводе эта характерная черта передается, например, глаголами чувств и эмоциональной лексикой. Самый активный глагол этого ряда выражает значения: «бояться», «беспокоиться», «переживать»; иногда в контексте эти варианты по семантике максимально сближаются друг с другом. Герои сказок переживают буквально за всё, и частое использование этих глаголов «подключают» читателя к их эмоциональному состоянию.

В текстах татарского перевода чувство страха, боязни, переживания передается глаголом *qurq-*, глагольными конструкциями с арабскими заимствованиями: *xäwef it-*, *xafa bul-*: *bän sineñ öçen qurqam* [12, 6] – «я за тебя боюсь...»; *sin haman qurqma, aslan zarar bulmas* [12, 199] – «ты совсем не бойся, никакого вреда не будет...»; *imde sin berdä xäwef qylma* [12, 3] – «ты уж совсем не бойся»; *ni öçen aryslandan xäwef idärsöz* [12, 21] – «вы почему боитесь льва...»; *šahzadä äxbäbläre ilä awya barsa, atasy anyñ öçen xäwef idär ide* [12, 43] – «когда принц выходил со своими друзьями на охоту, отец очень за него переживал...»; *bik xafa bulyb, awny arçyb jänä därjaya saldy* [9, 25] – «он, переживая, очистил сеть и заново бросил её в реку».

Часто герои «удивляются», что объясняется содержанием сказок, в которых описываются неожиданные приключения и события. Удивление — когнитивная эмоция, проявляющаяся при возникновении неожиданной ситуации. Адекватная реакция на отклонение от нормы [8].

Проявление удивления выражено глаголом *yağäblän-* и сочетаниями *yağäbkä qal-* / *täyağgüb it-*: *bunñ bähase arzan idekenä yağäbläneb qaruçydan sorady* [12, 171] – «он удивился дешевой цене (дома) и обратился к привратнику»; *ber berenä yağäbkä qalyb äjtdelär* [12, 41] – «они удивленно сказали друг-другу»; *šah bu balyqlardan yağäbkä qalyb, balyqçyğa dürt jöz altyn bireb* [9, 39] – «шах был удивлен этими рыбами и заплатил рыбаку четырех золотых»; *alarnyñ xällärennän täyağgüb ideb* [9, 53] – «... удивившись их положением».

«Растерянность», «сострадание» и «обида» в большинстве случаев используются для наиболее доступного объяснения заложенного в тексты сказок назидания. «Зависть», «ревность», «стыд» – как самые отрицательные качества или состояния людей, представлены в негативном контексте.

Очень часто герои находятся в состоянии растерянности, которое в текстах передается глагольной конструкцией *xäjran bul-*: *balykčy xäjran bulyb torγanda hawaya ğäjelgän doman ber surät töсле bulyb...* [9, 26] – «пока рыбак стоял в растерянности, туман, распространенный в воздухе, начал приобретать форму силуэта...»; *šundayy xalyqlar šahqa bulγan xälgä xäjran bulyb, juylamak ilä qaldylar* [12, 6] – «люди, находящиеся там, растерялись и начали плакать от того, что произошло с правителем...».

Проявление жалости, сострадания передается глаголом *qyzγan-*: *xatynny qyzγanyb, Alla šifa birsen diheb doγa idärlär ide* [9, 129] – «пожалев женщину, просили у Всевышнего о выздоровлении (ребенка)»; *qyzγanyb, ašlyq sala torγan zur qazany salyb qablab jäšerde* [12, 137] – «пожалев, она спрятала его в большом котле, где хранили рожь...».

Обида — реакция человека на воспринимаемое как несправедливо причиненное огорчение, оскорбление, а также вызванные этим отрицательно окрашенные эмоции.

Это чувство включает в себя переживание гнева к обидчику и жалости к себе в ситуации, когда ничего уже невозможно поправить. (В отличие от укора и претензии, когда есть возможность исправить ситуацию) [5].

Чувство обиды в тексте сказок «Тысяча и одна ночь» выражено глагольной конструкцией *üpkäli başla-*: *ni öčen bänem janyma ir keše kiterden dib üpkäli başlady* [9, 23] – «обиделась за то, что (отец) привел к ней мужчину».

Для выражения понятия «успокоить» в текстах перевода используются глаголы *ġuat-* и *tynyčlandyr-*: *ġarijä balany ġuatyr öčen uramy alyb čyqmyš ide* [12, 7] – «рабыня, чтобы успокоить ребенка, вынесла его на улицу...»; *märjamny ġuatyb, anyñ janynda qaldy* [12, 198] – «успокоив Марьям, осталась возле неё...»; *zinhar sin bane tynyčlandyr* [12, 15] – «пожалуйста, ты успокой меня».

Зависть — социально-психологический конструкт / концепт, охватывающий целый ряд различных форм социального поведения и чувств, возникающих по отношению к тем, кто обладает чем-либо (материальным или нематериальным), чем хочет обладать завидуящий, но не обладает [2].

Чувство зависти / ревности в текстах сказок «Тысяча и одна ночь» выражено глаголом *könläš-*: *bunlar könläšeb äjtdelär* [12, 206] – «они от зависти сказали»; *sin andan könläškän bulasyñ* [9, 32] – «ты завидуешь ему...»; *xuğamyznyñ xatyny könläšeb sixer ilän ularny xajwan surätenä qyldy* [9, 17] – «жена нашего хозяина из-за ревности превратила их в животных»; *bäradärlärem bu hälemgä könläšeb* [12, 21] – «мои братья ревновали к моему положению ...».

Стыд – явление в восточных сказках достаточно частое (37,5%); чувство стыда является характерной чертой мусульманской морали [4]. Понятие «стыдиться» в сказках «Тысяча и одна ночь» передается глаголом *xurlan-*: *bičara šahzadä qyzγa yašyjq bulsa da, šähär xalqy aldynda ġinelgängä kürä bik xurlandy* [11, 167] – «несмотря на свою влюбленность, несчастный принц, очень стыдился этой девушки из-за своего поражения от жителей города».

Иногда герои сказок чувствуют неловкость и стыд перед высокопоставленными лицами. Данное состояние выражено глаголом *ojal-*: *wäzir ... ojalyb kereb märjam janyma utyrdy* [12, 208] – «визирь ... стесняясь зашел и сел рядом с Марьям...»; *bän sinnän ojalam dide* [12, 208] – «сказал: «Я стесняюсь тебя!»»; *bu adäm balanyñ bu süzen išedkäč ojalyb čyγyb kitde* [11, 181] – «когда этот человек услышал слова ребенка, от стыда ушел»; *anasy ojalyb ġirgä qarab tordy* [11, 187] – «его мать от стыда опустила глаза».

Если условия внешней среды способствуют быстрому и лёгкому удовлетворению потребности, то это способствует возникновению позитивного состояния радости, воодушевления, восторга и т. д., а если вероятность удовлетворения низка или вообще отсутствует, то состояние будет негативным по эмоциональному знаку [6].

Чувство радости передается глаголами *söjen-*, *quan-* и *šadlan-*, а также глагольными композитами *šad äjlä - / ul-*, *mäsrur ul-*: *küb söjeneb aunyñ ber bašyn qazyqqa bäjläb ikenče bašyndan quanyb tartyb čyγarsa kürde...* [10, 24] – «сильно радуясь, он привязал один конец сети к колышку, а с другого конца сети, от радости, начал её вытаскивать и обнаружил...»; *jänä xikäjäläreñ belän bezlärne šadlandyr* [10, 19] – «снова обрадуй нас своими рассказами»;

xikājätne bezgä söjläb bezlärne šad äjlä [9, 24] – «обрадуй нас рассказами...»; balyqçy küb šad ulyb dürt jöz altyn alyb kited [10, 39] – «рыбак очень обрадовался и унес с собой четыреста золотых...»; anasy šad mäsrür bulyb barčasy ber jirgä kileb ütkän qyjssalaryn süzläştelär [9, 127] – «его мать очень обрадовалась, когда они все собрались в одном месте и рассказали о том, что им пришлось пережить»; barčalary mäsrür ulyb äfärin didelär... [12, 27] – «все обрадовались и сказали: «Браво!»; Gali Nuretdin bu qartnyñ süzlärennän mäsrür bulyb (200,VI) – «Гали Нуретдин обрадовался от слов этого старика»; Axmäd Ƴajät mäsrür ulub [12, 22] – «Ахмед очень обрадовался».

Быть довольным – это одно из самых отличительных качеств благочестивого человека, потому что сердце благочестивого человека предано Богу, а не материальному благу, положению в обществе или обладанию власти [1]. Данное состояние выражено глаголами qanāyat äjl- и razyj bul-: xodaj ni birsä šunar qanāyat äjlä [12, 39] – «довольствуйся тем, что Всевышний тебе дал...»; bändän razyj bul diheb üteneb [12, 208] – «просил, чтоб был доволен мной»; xalqymƳa Ƴadellek berlän xökem ideb, härkem bändän razyj ide [12, 75] – «я правил народом справедливо, каждый был доволен мною».

Чувство раскаяния, сожаления выражено глаголом üken-: ni öčen ükenersen, andan güzäl äylä ber ğarijā al [12, 197] – «к чему эти сожаления, купи другую, намного красивее рабыню...»; ükeneb xafa buludan fajda bulmas [12, 205] – «пользы от сожаления не будет»; saqlan joqlama joqlasañ ükenersen [12, 168] – «берегись, не проспи, если проспишь – будешь сожалеть...»; aslan muxalifāt itmä juqsa ükenersen [12, 200] – «абсолютно не сопротивляйся, иначе будешь сожалеть». Использование этих лексем напрямую связано с мусульманским фатализмом.

Злость – олицетворение чувства раздражения, выявление противоречий к собственным убеждениям, эгоизму и мировоззрению [3].

Чувство злости передается лексемами аџи и Ƴazab: mälikneñ aџuwy kileb bašlyq ilä xəzinäğä baryb qarab [12, 211] – «царь разозлился и вместе с хранителем казны сходил в хранилище и посмотрел...»; mälik wäzirdän bu suzne iŝedkäç aџuwy artyb äjtde [12, 211] – «когда царь слышал от визиря эти слова, еще больше разозлился и сказал...»; Märyaşnyñ Ƴazaby artyb, anlarny xəbeskā salyb [12, 259]. – «Маргаш еще сильнее разозлился и посадил их в темницу».

В сказках «Тысяча и одна ночь» раскрываются ситуации, когда герой приходит в состояние ярости, крайней раздражительности. Для передачи данного состояния используется глагол šaš-: bik qurqyb šašynyb bačqyčlardan jögereb çykdyğymda [9, 68] – «очень испугавшись, в бешенстве я выбежал по лестнице»; šašynyundan qyz janynда käwešläremne qaldyrmym [9, 68] – «из-за ярости я оставил у девушки свою обувь».

Прощение – это свойство человеческой души. Для этого человек должен обладать достаточной силой воли. Для выражения понятия ‘прощать’ в текстах перевода используются конструкция Ƴafu qyl- / it-: bänem tuğma qardäšläremder tiješle bāña Ƴafu qylmaq [9, 21] – «они мои родственники, я их должен простить»; fāqat tärğemanlyq ittem bane Ƴafu qylyñyz dide [9, 57] – «сказал, что выступил в качестве переводчика и попросил прощения»; jegetne totyb bir üzeñne Ƴafu idämez [12, 210] – «если сможешь поймать парня, мы тебя простим».

Для передачи состояния невнимательности, неосторожности используется лексема Ƴafil: aldatma Ƴafil ikän janyna kileb aldatmanyn buyazyndan totyb jirgä atyb... [12, 169] – «Алдатма проявила неосторожность, подошла к нему и он схватил её за горло и бросил на землю...».

Наличие в текстах татарского перевода сказок «Тысяча и одна ночь» глаголов, выражающих внутреннее эмоциональное и психическое состояние персонажей, указывает на активность такого художественного приема, как прямой психологизм. Причиной этого является назидательный характер сказок «Тысяча и одна ночь». Использование указанных глаголов в татарском переводе делают его эмоционально насыщенным, богаче, содержательнее, а читателю дают возможность пережить целую гамму разных чувств вместе с героями сказок.

Список литературы

1. Быть довольным. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://literator.org/book/blagochestie/byt-dovolnym.html> / – дата обращения - 22.06.2018 г.
2. Зависть. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Зависть/> – дата обращения - 22.06.2018 г.
3. Злость. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Злость/> – дата обращения - 22.06.2018 г.
4. И.А.Липатова, А.И.Назарова. Сказки «Тысяча и одна ночь» как источник по истории ментальности Востока // Вестник Чувашского университета, 2003, №1, стр. 100. // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/skazki-tysyacha-i-odna-noch-kak-istochnik-po-istorii-mentalnosti-vostoka/> – дата обращения - 22.06.2018 г.
5. Обида. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Обида/> – дата обращения - 22.06.2018 г.
6. Психическое состояние. [Электронный ресурс]. Режим доступа: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Психическое состояние/](https://ru.wikipedia.org/wiki/Психическое_состояние/) – дата обращения - 22.06.2018 г.
7. Психические состояния страха. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.b17.ru/article/20052/> – дата обращения - 22.06.2018 г.
8. Удивление. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.chitalnya.ru/work/725218/> – дата обращения - 22.06.2018 г.
9. 1897, الف ليلة و ليلة، 1 جزء، قازان، 1897. Тысяча и одна ночь, 1 том. Казань, 1897.
10. 1898, الف ليلة و ليلة، 2 جزء. قازان، 1897. Тысяча и одна ночь, 2 том. Казань, 1897.
11. 1899, الف ليلة و ليلة، 4 جزء. قازان، 1897. Тысяча и одна ночь, 4 том. Казань, 1897.
12. 1899, الف ليلة و ليلة، 5 جزء. قازان، 1897. Тысяча и одна ночь, 5 том. Казань, 1897.

10.02.00

О.В. Гончарова канд. филол. наук

ФБГОУ ВПО Пятигорский государственный университет,
Институт иностранных языков и международного туризма,
кафедра экспериментальной лингвистики и межкультурной компетенции,
Пятигорск, oxanavgoncharova@gmail.com

СОЦИОФОНЕТИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ С ПОЗИЦИЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Фонетические вопросы играют центральную роль в изучении языковой вариативности и изменений с момента зарождения социолингвистики, а именно, в какой степени социальная история индивида и сообщества отражается в производстве языка и в какой степени наш социальный опыт влияет на наше восприятие языка. Последние достижения в области телекоммуникаций, записи и анализа технологий облегчили изучение взаимодействия и интерференции между широким спектром различных фонетических систем, но современные исследования были бы неполными без обращения к истории становления социофонетики как науки. Поэтому представляется актуальным рассмотреть по концепциям ведущих ученых основные подходы к определению понятия и предмета социофонетики, проследив в историческом плане формирование круга проблем, изучаемых этой наукой, с целью обозначения языковых форм и социальных фактов, проблематики и соответствующих понятий.

Ключевые слова: *социофонетика, социолингвистика, социолект, региолект, русский язык, произносительный вариант, социальные факторы.*

Ориентированная на взаимодействие социального контекста и фонетического контролируемого эксперимента, социофонетика представлялась в ранних исследованиях скорее сферой социолингвистики, чем самостоятельной дисциплиной. Ее принципы, как теоретические, так и методологические, заимствованы, с одной стороны, из социолингвистики, а с другой-из экспериментальной фонетики [Шевченко, 2016:5, Thomas, 2011:1]. Начало данному направлению в отечественной лингвистике можно считать было положено в 20-х годах XX века с выходом статей проф. Б.А. Ларина «О лингвистическом изучении города» и «К лингвистической характеристике города», хотя, строго говоря, социофонетическими они не являются. В данных статьях, где языковая ситуация города названа «городским билингвизмом», перед исследователями поставлены, по сути дела, важнейшие задачи теоретического обоснования вариативности исследований в данной области – изучение языка города как отдельной, городской литературной речи, обозначены пути намечающихся самостоятельной сущности и даны лишь некоторые примеры фонетической вариативности, обусловленной социальным контекстом [Ларин, 1977:189].

В более поздних работах Е.Д. Поливанова из сборника «За марксистское языкознание» - «Фонетика интеллигентского языка» (1931), «О фонетических признаках социально-групповых диалектов и, в частности, русского стандартного языка» (1931), которые сам автор называет «методологическое введение» [Поливанов, 1968:224] к более масштабным исследованием, Е.Д. Поливанов оперирует такими понятиями как «орфоэпическая культура» интеллигенции и «интеллигентская фонетика». На примерах, преимущественно связанных с фонетической системой интеллигенции и простонародья, автор приходит к выводу «стандартный язык как эстафета переходит из рук в руки от одной господствующей группы к другой, наследуя от каждой из них ряд специфических черт; но каждая из этих сменяющих друг друга групп наследует в перенимаемом стандартном языке отложения сошедших уже с исторической арены носителей стандарта» [Поливанов, 1968:223].

Статья Л.П. Крысина «К социальным различиям в использовании языковых вариантов» (1973) выполненная в русле новой, на тот момент, области лабовской или вариационистской социолингвистики, строго говоря тоже не является чисто социофонетическим исследованием. В статье описаны результаты проведенного исследования, основным инструментом которого явились лингвистические опросники, составленные в Институте русского языка АН СССР по инициативе и под руководством М.В. Панова. Полученный с помощью этих опросников материал послужил базой для проверки исходной гипотезы - о том что распределение допустимых нормой вариантов зависит от территориальной, возрастной, профессиональной образовательной и так далее - словом, от социальных, в широком смысле, характеристик говорящих. Статья была написана на материале фонетического и морфологического раздела монографии «Русский язык по данным массового обследования» (1970), то есть спонтанная речь не изучалась.

Полученные в ходе исследования данные сообщили о том, что, в целом, лингвистические средства сигнализируют о принадлежности к определенной социальной категории. При этом, в подавляющем большинстве случаев этим разные признаки, например, территориально характеристика носителей языка манифестируют эти различия более резко [Крысин, 1973:37-50].

Рассмотренные в данной статье три вида социально-языковой обусловленности в корреляции вариантов (территориальная, возрастная и социально-профессиональная) «обнаружили, что явление вариативности локализовано лексически: вариативность не характеризует в равной степени все лексемы, в которых она реализуется, чаще всего она актуальна для отдельных форм слова, а также то, что рассмотренные характеристики языка – территориальная, возрастная, социально-профессиональная – в разной степени индексируют распределение вариантов: отмечается корреляция по диапазону и силе» [Крысин, 1973:37-50]. Наиболее маркирован в данном отношении географический признак: распределение вариантов в большей мере обусловлено территориальными различиями носителей стандарта. На втором месте - возрастные различия, на третьем - различия в социальном положении. И самым главным для целей нашего исследования является вывод о том, что если «сравнивать характер воздействия этих признаков на распределение фонетических и распределение морфологических вариантов, то можно наблюдать такую закономерность: число релевантных социальных признаков их воздействие на распределение фонетических вариантов больше» [Крысин, 1973:49].

В книге М.В. Панова «Современный русский язык. Фонетика» есть раздел посвященный социофонетике, которая трактуется автором не как самостоятельная наука, а как отрасль социолингвистики, помогающая «установить реальную а не мнимую распространенность языковых норм» [Панов, 1979:211]. Задачами направления автор называет выявление того, «какие стороны языка обнаруживаются в его социальной жизни, в распределении его вариантов среди разных слоев населения» [Панов, 1979:207]. По диапазону социальные признаки относительно произносительных факторов располагается в таком порядке: место жительства, далее социальное положение, третье возраст, четвертое семейное влияние, пятое образование, шестое влияние радио. Согласно М.В. Панову, «каждая произносительной черта современного русского языка существует в особом силовом поле и это поле образовано социальными факторами. Они либо укрепляют, поддерживают эту черту, либо ослабляют её, уменьшают её распространённость, сопротивляются её стабилизации, ... таким образом социальный фактор народа надо рассматривать как фактор лингвистический» [Панов, 1979:207].

Публикацией монографии профессора Т.И. Шевченко «Социальная дифференциация английского произношения» в 1990 г. датируется основание школы социофонетики английского языка ориентированной на анализ и изучение звуковой формы языка в социальном контексте на базе кафедры фонетики английского языка Московского государственного лингвистического университета.

Изучение языкового пространства с точки зрения географической, социальной и ситуативной вариативности дополнилось в последнее десятилетие изучением когнитивного, социокультурного и межкультурного аспектов звучащей речи, а также разработкой новых аспектов фонетической идентичности в ритме и интонации английского языка, что находит свое отражение в таких работах школы как: «Социофонетические методы анализа звучащей речи», «Типология вариантов фонологической системы английского языка», учебное пособие «Многообразие культур англоязычного социума, отраженное в языке и речевом поведении», монография «Социофонетика: Национальная и социальная идентичность в английском произношении» и др. Вопросы социальной динамики изменения языка занимают центральное место в монографии Т.В. Шевченко «Социофонетика. Национальная идентичность в английском произношении» (2016), где социофонетика представлена как методология изучения языковой дифференциации в социальном контексте в англоязычных странах. Истоки социофонетического направления автор видит в «развитии социолингвистических идей отраженных в работах А.Д. Швейцера английской диалектологии в трудах М.М. Маковского, фоносемантики С.В. Воронина, а также теории английской интонации, разработанной профессором В.А. Васильевым» [Шевченко, 2016: 6].

Социофонетика, согласно автору, представляет собой «описание фонетико-фонологического уровня языка в конкретный исторический период времени с указанием того, кто говорит на этом языке или его диалекте, с кем, с какой целью и в какой ситуации» [Шевченко, 2016:12], социофонетический подход в терминах Т.В. Шевченко, предполагает «внимание к индивиду как члену определенного речевого сообщества, которому свойственны, как и всей социальной группе, определенные фонетико-фонологические характеристики, сочетание которых с его индивидуальными единичными чертами составляет особенность его идентичности, которая формируется с раннего детского возраста и в течение всей жизни индивида» [Шевченко, 2016:91]. Также необходимо отметить, что данная работа представляет собой еще один пример сложных и многогранных отношений между социальными категориями и языком, опираясь на современные теории вариативности [Шевченко, 2016:16-17], автором получено представление о процессах языковых изменений применительно к следующим социальным категориям: территориальная принадлежность, социальный класс, возраст и гендер. Обширный материал исследования (живая речь англичан и американцев) дает возможность выявить основные признаки национальной идентичности произношения на основе точных эмпирических данных, полученных в ходе комплексного экспериментального социофонетического анализа. Результатом данного анализа является описание архитектуры национальных вариантов английского языка, зависящей от фонетико-фонологических признаков национальной и социальной идентичности. Прослежены основные закономерности, определяющие национальную специфику социального контекста в каждой стране: время перемещения английского языка на новую территорию, социодемографические характеристики носителей языка, взаимодействие с другими языками и культурами, этапы формирования и закрепление за новым произносительным вариантом основного национального статуса. Для специфического объекта фонорегиолектологии здесь важно то, что согласно Т.И. Шевченко «существует связь географического и социального: чем ниже социальный статус человека, тем сильнее проявляется в его речи местный городской просторечный или сельский акцент рабочего класса. И напротив, чем выше социокультурный уровень человека, тем слабее в его речи региональные черты местного диалекта» [Шевченко, 2016:30]. Суммируя сказанное, становится очевидно, что большая часть работ, выполненных под рубрикой "социофонетика", была направлена на подтверждение гипотезы о том, что речь систематически меняется в зависимости от широкого спектра социальных факторов. Сфера охвата данных работ включает в себя любой вид вариации — стилистический, географический, социально-классовый, гендерный, этнический и социальный, а также реализацию в таких областях, как языковые контакты и судебная лингвистика, что позволяет трактовать социофонетику не только как методологию социолингвистики, но и новое междисциплинарное направление, рассматривающее вариации и изменения как наиболее фундаментальные свойства языка.

Список литературы

1. Гончарова О.В. Историко-социальные основы формирования южнорусского фоноварианта // Казанская наука. 2012. № 12. С. 192-195.
2. Гончарова О.В. О формировании базовых черт южнорусского фоноварианта // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 1-2 (79). С. 299-301.
3. Гончарова О.В. Понятия "наречие", "диалект" и "говор" в отечественной лингвистике // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 7-2 (49). С. 52-54.
4. Гончарова О.В. Социально-региональная обусловленность просодии просьбы в южнорусском фонорегиолекте // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2015. № 2 (46). С. 351-359.
5. Крысин Л.П. К социальным различиям в использовании языковых вариантов // Вопросы языкознания, №3, 1973, с. 37-43.
6. Ларин Б.А. О лингвистическом изучении города // История русского языка и общее языкознание. М.: Просвещение, 1977. - 224 с.
7. Панков Ф.И., Бархударова Е.Л. Русская фонетика и интонация. – Москва, 2004. – 146 с.
8. Панов М.В. Современный русский язык. Фонетика: Учебник для ун-тов. // М.: Высш. школа, 1979. – 256 с.
9. Поливанов Е.В. Статьи по общему языкознанию // М.: Наука. Вост. лит-ра, 1968. - 376 с.
10. Шевченко Т.И. Социофонетика: национальная и социальная идентичность в английском произношении // Изд. 2-у, доп. – М.: ЛЕНАД, 2016. – 240 с
11. Goncharova O.V. Sounding southern: some prosodic features of one regional Russian accent / O.V. Goncharova. - World Applied Science Journal, T30, №1 – 2014. pp. 17-19
12. Thomas E.R. Sociophonetics: An introduction // Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2011. – 272p.

10.02.00

Е.В. Григорьева канд. педагог. наук, И.М. Солодкова канд. педагог. наук

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
институт управления, экономики и финансов,
кафедра иностранных языков в сфере экономики, бизнеса и финансов
Казань, amalia565@mail.ru

КОНЦЕПЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ И ПАРЕМИИ: ИЗОБРАЖЕНИЕ ЯЗЫКА

Понятие языковой культуры как науки возникло вследствие того, что язык взаимосвязан с культурой, и, следовательно, наука находится на пересечении культурных исследований и лингвистики. Лингвокультурология, наряду с когнитивной лингвистикой, является одним из основных направлений современной лингвистики, сформированной в рамках антропоцентрической парадигмы. В антропоцентрической парадигме основное внимание уделяется анализу языка и человека. Что касается представленных исследований, концепции являются одним из основных понятий лингвокультурологии, и большое внимание уделяется ее изучению. Однако чем активнее изучается концепция, тем более спорные вопросы возникают в связи с фразеологической концепцией.

Ключевые слова: понятие, значение, лингвистическая культура, пересечение культурных исследований, фразеологическая единица, основа паремиологического языка.

At the end of the XXth century, through the interconnection between linguistics and culturology, the new science “Linguoculturology” arose, which main task is to reveal the peoples’ mentality and their culture through language. The linguistic concept is closely connected with Linguoculturology since it is presented in every language. The linguistic image is both universal and nationally unique for each language. It sets the norms of human behaviour in the world, determines its attitude towards it. Also, the language image of different people may in some way be absolutely identical, but at the same time way too different. The study and comparison of different language images are important because it is impossible to understand fully the specificity of the worldview of a particular people. In connection with the language image, there is a special conceptual system, which comprises different hypotheses.

“Language is a multidimensional phenomenon that has arisen in human society: it is both a system and an antsystem, as well as the activity and product of this activity, and spirit and matter, and the spontaneously developing object and an orderly self-regulating phenomenon; it is both arbitrary and productive, and etc. Characterizing the language in all its complexity from opposite sides, we reveal its very essence” [22]. Linguistic culture as the science is of great interest to people in culture and its language, and the study of culture through language.

The concept is a complex concept, and scientists still cannot agree on its essence. In this research paper, we use the definition of V.A. Maslova on the concept as a mental national-specific education, the content plan of knowledge which is the entire object, and the expression plan is the set of language tools (lexical, phraseological, paremiological, etc.). The concept is not so much thought of by a native speaker as it is experienced by it, it includes associations, emotions, assessments, national images and connotations inherent in a given culture [23]. Concepts are guided by the entire language experience of man: poetic, prosaic, scientific, social, historical, etc., but the concepts themselves become only those phenomena that are relevant to a given culture, in our case they are concepts that can be attributed to one of the basic in any language picture of the world [26].

In contradiction of the research background on the interaction of language and culture, several types of linguo cultural units can be distinguished, one of which is the phraseological and paremiological language foundation.

The paremiological language foundation is the research subject in linguo culturology, since the majority proverbs are stereotypes of the people's consciousness, which give a wide enough scope for choice. Traditionally, proverbs and sayings have been studied in folklore studies as genre texts, though their study in linguistics began relatively recently. From a pragmatic point of view, the use of proverbs is blurred: the same proverb can be reproach, consolation, moralizing, advice, threat, etc. The phraseological language foundation is the most valuable information source about the culture and mentality, the ideas about myths, customs, rituals, habits, morals, behaviour, etc. are conserved. [22]. We understand phraseological units in the broad meaning of this term, therefore, as a material for the study, we will consider both phraseological units and paremia.

The objectives of the study is to describe the linguistic image, reflected in phraseological theories.

Method of research: the linguistic observation and description.

Literature Review. Linguo Culturology is the relatively young science, which took shape as an independent direction of linguistics in the 90-s of the XX century. The term "linguoculturology" began to be actively used after the works by V.N. Telia [32], Yu.S. Stepanova [30], N.D. Arutyunova [3], V.A. Maslova [22] and other researchers. The very idea of studying culture through language is not new (A. Bryukner, V. Ivanov, V.N. Toporov, N.I. Tolstoy, E. Bartminsky) as well as many others. Nowadays there are several directions in linguoculturology:

1. Linguo culturology of the separate social group, ethnos in some culturally bright period.
2. Diachronic Linguo Culturology.
3. Comparative Linguo Culturology.
4. Comparative Linguo Culturology.
5. Linguo Culturological lexicography. [22].

We will be interested in comparative Linguo culturology, which is a relatively young science, presented so far by not very large number of works, one of which is the study by M.K. Golovanivska "French mentality from the point of view of the Russian language native speaker" [11]. The French mentality features are studied in this monograph from the standpoint of the Russian language native speaker and Russian culture. As already mentioned, we will try to describe the perception's specifics of the English and Russian language speakers, focusing more English phraseological units.

By the end of the XXth century much of the works re devoted to this problem: G.A. Brutyan [6], S.A. Vasil'eva [7], G.V. Kolshansky [17], N.I. Sukalenko [31], a collective monograph "The Human Factor in Language. Language and the picture of the world" (Moscow, 1988), and etc. Research in this science field deals with N.D. Arutyunova [3], Yu. D. Apresyan [2], A. Vezhibitskaya [8], Yu. S. Stepanov [30], V.N. Telia [32], V.G. Gak [10] and other world-famous scientists.

Results and Discussion. Each language has a special image, and though the study tradition has existed for a long time. "All the research variety is devoted to the linguistic image, the opposition of the two systems: scientific (for physics, geometry, logic, psychology, etc.), which together form the scientific image, and, so to speak, "naïve" (naive physics, geometry, logic) used by man regardless of his knowledge in other scientific disciplines and the possession of the scientific image" [35].

The naive image is more practical than the scientific; it can be expanded the concepts: for example, "the word "heart" as part of idioms denotes not only the organ of blood circulation, but also the "centre of emotional experiences", the "source of feelings" (for example, take to heart, with a pure heart, etc.)" [23]. But at the same time, many scientific terms have been included in our everyday speech for the long time, and therefore Yakovleva maintains that the boundary between the scientific and naive image is gradually eroding [35].

Yu. D. Apresyan calls the language image naïve and emphasizes its pre-scientific character. He believes that the naive image is explored in two ways:

1. the concepts characteristic of a given language is explored;
2. the whole pre-scientific worldview is reconstructed, although the national specifics are also taken into account.

The very notion of the image is the result of a person's idea of the world. The language image forms that type of relationship to nature, animals, himself, it sets the norms of human behaviour in the world, determines his attitude towards him. "Every natural language reflects a certain way of perceiving and organizing i.e. world conceptualizing" [23].

However, V.A. Maslova also argues that the term "language image" is the metaphor and conveys only the specific colouration, and doesn't create something unrepeatable. This doesn't contradict to our approach, because by analysing phraseological units the proposed result of our research is to reveal a universal and idioethnic view of the language image.

Such Russian philosophers as G.A. Brutyan [6], R.I. Pavilion [27], and linguists Yu.N. Karaulov [16], G.V. Kolshansky [17], V.I. Postolovova [29], V.N. Telia [32], etc. consider the concepts as the research subject from the different angles and distinguish between conceptual and linguistic images.

Conceptual images may be differed, for example, among representatives of different social and age groups, and it may happen that people who speak different languages have conceptual images that may be more or less similar than people who speak the same language. We will not consider the social differentiation of native speakers in this study, focusing on the naive picture of the world. "The language image as the whole and the main thing coincides with the logical reflection of image in the minds of people. But at the same time, as it were, separate sections in the linguistic image are preserved, to which, in our opinion, phraseology also applies; it has its own in every language" [23]. The analysis of the language image helps to understand what distinguishes national cultures, how they complement each other at the level of world culture. Phraseological units are an important part of the linguistic image, and they reflect the nation's life – for this reason, it is the phraseological units in the broad sense of the term i.e. is the material of this research [15, 21].

Regarding the presented research, the concept is one of the basic linguo culturology notions, and much attention is paid to its study. However, the more actively the concept is studied, the more controversial issues arise in connection with this concept. "Concept" wasn't used as the term in the scientific literature until the middle of the XX-th century, despite the fact that in 1928 the article by S.A. Askoldov-Alekseev "Concept and word" was published.

The term "concept" is associated with so many problems, one of which is that the terms "concept", "notion" and "meaning" are contiguous and they are quite difficult to differentiate. This is difficult to do in part because "when analysing the concept, we are dealing with the essence of the content plan, not given to the researcher in direct perception, we can only judge on their properties and nature on the basis of indirect signs" [22].

Concepts can't be any phenomena, but only those that are relevant to the culture. S. Stepanov notes that the notion, in contrast to the concept, includes only essential and necessary features. In addition, he believes that these terms belong to different sciences, "notion" is the term of logic and philosophy, and "concept" is the term of mathematical logic, culturology and linguistics. "The notion of" is determined, the concept is "experienced" [30]. Now there are three approaches to understanding the concept in linguistics. All three approaches are based on a common position: the concept is what calls the notion, the synonym for meaning.

The representative of *the first approach* is Yu. S. Stepanov, whose main attention is paid to the culturological aspect. He understands the whole culture as a set of concepts and relations between them, while the role of language is moved to the background [30]. *The second approach* is presented by N.D. Arutyunova [3], T.V. Bulygina, A.D. Shmelev [34], etc. It consists in the fact that the only way to formulate the concept is the semantics of the linguistic sign. The point of D.S. Likhachev's view [19] is that the concept is a mediator between words and reality.

Now, such scientists as N.D. Arutyunova [3], A.P. Babushkin [4], A. Vezhbitskaya [8], E.S. Cubreacova [18], S.E. Nikitina [25], V.N. Telia [32], R.M. Frumkin [33], etc., but this term still doesn't have the exact single definition, because the concept has a complex, multidimensional structure that in addition to the conceptual basis, includes the socio-psycho-cultural part. However,

on the basis of different definitions of the concept, V.A. Maslova [22] distinguishes its unchangeable characteristics:

1. This is the minimal unit of human experience in its ideal representation, verbalized with the help of a word.
2. These are the basic units of processing, storage and knowledge transfer.
3. The concept has moving boundaries and specific functions.
4. The concept is social; its associative field determines its pragmatics.
5. This is the main compartment of culture.

Conclusion. The relationship between the “concept” and “meaning” is quite complex and hasn’t yet been clarified. But the terms “concept” and “notion” now differ quite clearly, in spite of the fact that they are identical in their internal form - the concept is a tracing note from the Latin conceptus “concept” from the verb “conceive”, i.e. literally means “conception”. “If the notion is the set of cognised essential features of an object, then the concept is the mental national-specific formation, the content plan of which is the whole knowledge about the given object, and the expression plan is the aggregate of linguistic means (lexical, phraseological, paremiological, etc.” [22]. It is this definition that we will use in our research.

In Russia, phraseology begins to develop in connection with the work of V.V. Vinogradov, and thanks to his works this science begins to form as an independent discipline by the mid-1960s. Today, phraseology has already firmly established itself as an independent discipline, many works have been written about it, and there are discrepancies about what phraseological units are and what are the boundaries and scope of phraseology. Phraseology, phraseological unit, phrase, idiom, stable phrase - are all names for stable expressions, the main sign of which is constancy. “Phraseology is an expressive-shaped stable combination of rethought words, which expresses a holistic meaning and functions according to a single word” [1]. Phraseology can be understood in both narrow and broad terms. Phraseology in the broad sense, in addition to phraseological units, includes proverbs and sayings. We understand phraseology in the broadest sense, since we intend to interpret phraseological units in the culturological aspect, so the material we are researching also contains paremias, winged words and expressions.

Список литературы

1. Алефиренко Н.Ф., Семененко Н.Н. Фразеология и паремиология. Москва. 2009
2. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика: Синонимические средства языка. Москва. 1974
3. Арутюнова Н.Д. – Язык и мир человека. Москва. 1999.
4. Бабушкин А.П. «Возможные миры» в семаническом пространстве языка. Воронеж. 2001.
5. Белякова Г.С. Славянская мифология: Кн. для учащихся. Москва. 1995.
6. Брутян Г.А. Меодологические проблемы анализа языка. Ереван. 1976.
7. Васильева С.А. Философский анализ гипотезы лингвистической относительности. Киев. 1974.
8. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М. 1996.
9. Вендина Т.И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка. Москва. 2002.
10. Гак В.Г. Сопоставительная лексикология. Москва. 1977.
11. Головановская М.К. Французский менталитет с точки зрения носителя русского языка. Москва. 1997.
12. Головановская М.К. Ментальность в зеркале языка. Некоторые базовые концепты в представлении французов и русских. Москва. 2009.
13. Евстратова С.Б. Национально-культурная специфика фразеологизмов в аспекте славяно-финно-угорских взаимоотношений. Славянские языки: от прошлого к настоящему. Тарту. 2003.
14. Жуков А.В., Жуков В.П. Русская фразеология. Москва. 1986.
15. Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. Москва. 2005.
16. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Москва. 2010.

17. *Колшанский Г.В.* Объективная картина мира в познании и языке. Москва. 2005.
18. *Кубрякова Е. С.* Язык и знание. Москва. 2004.
19. *Лихачев Д. С.* Концептосфера русского языка // Очерки по философии художественного творчества. Санкт-Петербург. 1999. С. 147 – 165.
20. *Маслова В.А.* Лингвокультурология. Москва. 2001
21. *Маслова В.А.* Введение в когнитивную лингвистику. Москва. 2008
22. *Мокиенко В.М.* В глубь поговорки. Санкт-Петербург. 2005
23. *Никитина С.Е.* Устная народная культура и языковое сознание. Москва. 1993
24. *Нурутдинова А.Р., Исаева Л.Б.* Лингвострановедческий материал в экстралингвистическом контексте (соотношение языка и культуры изучаемого языка)/учебное пособие / А. Р. Нурутдинова, Л. Б. Исаева; м-во образования и науки российской федерации, гос. Образовательное учреждение высш. проф. Образования “Казанский Гос. Технологический ун-т”. Казань, 2011. С.109.
25. *Павиленис Р.И.* Проблема смысла. Москва. 1983
26. *Платонов О.А.* Большая энциклопедия русского народа. Русское православие. Том 2. Москва. 2009. С. 37.
27. *Постовалова В. И.* Язык как деятельность: Опыт интерпретации концепции В. Гумбольдта. Москва. 1982
28. *Степанов Ю.С.* Концепты. Тонкая пленка цивилизации. Москва. 2007
29. *Сукаленко Н.И.* Отражение обыденного сознания в образной языковой картине мира. Киев. 1992
30. *Телия В. Н.* Русская фразеология. Москва. 1996
31. *Фрумкина Р. М.* Цвет, смысл, сходство. Москва. 1984
32. *Шмелев А. Д.* Русская языковая модель мира. Материалы к словарю. Москва. 2002.
33. *Яковлева Е.С.* Фрагменты русской языковой картины мира. Москва. 1994.

10.02.00

**К.П. Джирова, А.К. Карданова канд. филол. наук, Ю.В. Пасынкова канд. филол. наук,
В.С. Петросян**

ФГБОУ ВО «Ставропольский государственный медицинский университет»
Министерства здравоохранения Российской Федерации;
кафедра иностранных языков
chris_tine@mail.ru; buv-79@yandex.ru; nelson221@yandex.ru
ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»,
кафедра английского языка ИИФ и СМИ
asyata@yandex.ru

**СОМАТИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ ИДИОМЫ
КАК ЭЛЕМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ЕЕ ОСНОВНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК
(НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКИХ И РУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ,
ВКЛЮЧАЮЩИХ СОМАТИЗМЫ
«ЛИЦО», «РЫЛО», «DAS GESICHT», «DIE FRESSE»)**

Статья посвящена выявлению взаимообусловленной связи между ФЕ-идиомой и одной из её составляющих. Эта связь может быть выявлена в большинстве идиоматических конструкций практически любого языка, в особенности в ходе сравнительного исследования групп ФЕ, максимально отображающих основные универсалии, свойственные фразеологической системе в целом, то есть достоверно показывающих, как развивается последняя.

Ключевые слова: *идиомы, фразеологические единицы, соматический компонент.*

Идиома, как и любой другой класс фразеологических единиц (ФЕ), образуется из пересмысленного переменного словосочетания, состоящего из лексических единиц, вносящих предельный вклад в создание основных ее несемантических специфик и опосредованно влияют на особенности ее значения. Основная специфика фразеологизмов и, в частности, идиом, обусловлена их сверхсложным характером: в них происходит слияние номинативного значения с коннотативным, выдвигающемся в семантике ФЕ на передний план [5: 45]. Это слияние порождает образность фразеологизма, которая ассоциируется с его так называемой «внутренней формой». «Внутренняя форма» этих конструкций зачастую определяется «опорным» компонентом, который, в некоторой степени, «фразеологизирует» свободное словосочетание. Проблема выявления в идиоматических конструкциях опорного компонента может быть разрешена на примере исследования класса соматических идиом, «характеризующегося высоким удельным весом и способностью отображать основные тенденции, свойственные идиоматике, то есть обладать всеми ее фразеологическими универсалиями» [1: 6].

Соответственно целью данной статьи является выявление индивидуальных качеств у идиом, включающих неварьируемые соматические опорные компоненты *лицо, рыло, das Gesicht, die Fresse*, полученные ими под влиянием последних на материале 34 русских и 56 немецких фразеологизмов, выявленных методом сплошной выборки из различных лексикографических источников [2, 3, 6, 7].

В синонимическом ряду, включающем рассматриваемые соматизмы, доминантами являются лексические единицы (ЛЕ) «лицо» и «das Gesicht», обладающие нейтральной коннотацией и большей частотностью. Соматический компонент (СК) «рыло» обнаруживается в тринадцати целостных номинациях, «лицо» входит в 20 безэквивалентных ФЕ, соматизм *das Gesicht* обнаружен в 53 безэквивалентных идиомах, а *die Fresse* обнаруживается только в трех конструкциях. Таким образом, чем выше частотность компонента, тем большее число целостных номинаций может образоваться с помощью данного соматизма.

Практически все исследуемые фразеологизмы с СК «лицо» и «рыло» могут быть классифицированы по следующим тематическим группам:

1) Различного рода объектные действия (чаще всего агрессивного характера) («рыльце в пуху», «стереть с лица земли», «отворачивать от кого-либо рыло») (2 ФЕ с СК «рыло», 5 ФЕ с СК «лицо»);

2) Различного рода психические состояния субъекта, а также его физические состояния («спасть с лица», «лица нет», «кровь бросилась в лицо») (6 ФЕ с СК «лицо»);

3) Состояния и качества, связанные с внешним видом субъекта («рылом не вышел», «к лицу», «на одно лицо») (2 ФЕ с СК «рыло», 7 ФЕ с СК «лицо»).

ФЕ с соматизмами «das Gesicht» и «die Fresse» тематически распределяются по следующим группам:

1) Изменение выражения лица («ein freundliches Gesicht aufsetzen», «ein anderes Gesicht aufsetzen», «Gesichter machen» и т.д.). Эта группа самая многочисленная, что, вероятно, связано с символизацией лица, как части тела, способной через свое изменение выразить отношение субъекта к чему-либо. (17 ФЕ с СК «das Gesicht»);

2) Негативное, чаще всего агрессивное, отношение к объекту («er ist mir fast ins Gesicht gesprungen», «ins Gesicht fallen», «j-m eine in die Fresse geben», «j-m in die Fresse hauen»; «j-m ins Gesicht spucken») (6 ФЕ с СК «das Gesicht» и 2 ФЕ с СК «die Fresse»);

3) Различного рода характеристики субъекта («zwei Gesichter haben», «j-m wie aus dem Gesicht geschnitten sein», «ein markantes Gesicht haben» и т.д.) (5 ФЕ с СК «das Gesicht»);

4) Столкнуться с кем-либо. Скрыться от чьих-либо глаз. Стоять рядом с кем-либо. («j-n aus dem Gesicht verlieren», «j-n zu Gesicht bekommen» и т.д.) (2 ФЕ с СК «das Angesicht» и 7 ФЕ с СК «das Gesicht»);

5) Смотреть в «лицо» кому-либо/ чему-либо («j-m etw. ins Gesicht sagen» и т.д.) (5 ФЕ с СК «das Gesicht»).

Тематическая принадлежность рассматриваемых идиом в большинстве случаев определяется вещественным значением содержащегося в них соматизма. Количество и разноплановость тематических групп, при этом, зависит от частотности СК.

Исследуемые целостные номинации с компонентами «лицо» и «рыло» в основном распределяются по следующим структурно-семантическим моделям:

1) p(A)S₁ – «на рыло», «в поте лица» (3 ФЕ с СК «рыло», 9 ФЕ с СК «лицо»);

2) VS(p)S₁ – «кровь бросилась в лицо», «стереть с лица земли» (6 ФЕ с СК «лицо»);

3) VpS – «спасть с лица» (3 ФЕ с СК «лицо»); 4) VS – «поворачиваться лицом» (2 ФЕ с СК «рыло», 1 ФЕ с СК «лицо»).

В моделях 2, 3 и 4 в большинстве случаев речь идет о сочетании соматизма с семантически разноплановым глаголом («рылом и не вышел», «спасть с лица», «на лице написано»), когда фразеологизация обуславливается выдвижением на периферию в организации значения ФЕ семантики глагольного компонента и заменой внутренней формы соматизма на абсолютно иную, не связанную с номинированием части тела или органа человека (Ср.: «спасть с лица» – «осунуться», «кровь бросилась в лицо» – «кто-либо смутился»). Что же касается структурно-семантической характеристики непосредственно каждого из рассматриваемых соматизмов, необходимо отметить следующее: СК «лицо» может сочетаться как с семантически одноплановыми, так и с семантически разноплановыми глаголами (в соотношении 14:11). То же самое можно отметить о компоненте «рыло» (в соотношении 1:1).

Все рассматриваемые целостные номинации с СК «das Gesicht» и «die Fresse» можно распределить по приведенным ниже структурно-семантическим моделям:

1) (p)(A)SV – «ein anderes Gesicht bekommen», «übers ganze Gesicht strahlen»;

2) 2) SpS₁(p)(S₂)V – «j-m eine in die Fresse geben», «j-m in die Fresse hauen», «einer Sache ins Gesicht schlagen» и т.д.

Фразеологизация достигается в данных случаях за счет выдвижения на периферию причины или цели совершаемого действия.

В случаях же сочетания соматизма с семантически разноплановыми глаголами (*gewinnen, lesen, springen, fallen* и т.д.) фразеологизация обуславливается разрушением внутренней формы соматизма. Большинство ФЕ, в особенности, включающие СК «*die Fresse*» относятся именно к этой группе. Что касается структурно-семантической характеристики СК «*das Gesicht*», он может сочетаться как с семантически - одноплановыми, так и с семантически разноплановыми глаголами (в соотношении 2:3).

Соматический компонент оказывает определенное влияние на особенности дистрибуции вербальных СФЕ - идиом: чем менее он частотен в употреблении, тем больше вероятностей ограничения его сочетаний семантически одноплановыми или семантически разноплановыми глаголами.

Таким образом, идиоматическая конструкция выступает в качестве актуализатора некоторых свойств отдельных своих компонентов, называемых «доминантными» или «опорными», и, чаще всего, являющихся именными компонентами. Таким образом, между ФЕ-идиомой и одной из её составляющих возникает взаимообусловленная связь. Эта связь может быть выявлена в большинстве идиоматических конструкций практически любого языка, в особенности в ходе сравнительного исследования групп ФЕ, которые максимально отображают основные универсалии, свойственные фразеологической системе в целом, то есть достоверно показывают, как развивается последняя.

Список литературы

1. Белогрудова Ю.В., Именной опорный компонент идиомы как элемент формирования ее основных характеристик (на материале немецких фразеологических единиц, включающих соматизмы-синонимы): Автореф. дис...канд. филолог. наук: 10.02.04/ Пятигорский гос. ун-т. – Пятигорск, 2005. - 15 с.
2. Большой Немецко - русский словарь/ под рук. Москальской О.И.,- М.: Русский Язык, 2002. - 1804 с.
3. Быстрова Е.А., Окунева А.П., Шанский Н.М., Фразеологический словарь русского языка.- 2-е изд., перераб.- М., 2002. - 300 с.
4. Добровольский Д.О., Баранов А.Н., Аспекты теории фразеологии М.: Знак, 2008. — 656 с.
5. Жоржолиани Д.А., Фразеологическая номинация в английском и грузинском языках: Автореф. дис. доктора филолог. наук: 10.02.04/ Тбилис. гос. унив-т.— Тбилиси, 1987. - 47 с.
6. Немецко - русский фразеологический словарь. /под ред. Биновича Л.Э и Гришина Н.Н.,- М.: Аквариум, 1995.. - 568 с.
7. Фразеологический словарь русского языка/под ред. Молоткова А.И.,- М.: АСТ, 2006. – 512 с.

10.02.01

Ю.Н. Драчева¹ канд. филол. наук, Н.С. Дьякова² канд. филол. наук

¹Вологодский государственный университет,
кафедра русского языка, журналистики и теории коммуникации,
Вологда, yulia.dracheva@mail.ru

² Вологодская государственная молочнохозяйственная академия им. Н.В. Верещагина,
кафедра философии и истории,
Вологда, lebedevanatali@mail.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЯЗЫКОВОГО ОПЫТА СТУДЕНТОВ-ИНОСТРАНЦЕВ ПРИ ОБУЧЕНИИ РКИ

Статья посвящена анализу языкового опыта студентов из Таджикистана, которые проходят обучение в российских вузах, и способам использования их языковых компетенций при обучении русскому языку как иностранному. Одним из ключевых методических приемов признается межъязыковое сопоставление таджикского, русского и английского языков, при этом последний может выступать в качестве языка-посредника.

Ключевые слова: лингводидактика, РКИ, межъязыковое сопоставление, языковой опыт.

Обучение русскому языку как иностранному (РКИ) является основой для получения качественного образования иностранными студентами в российских вузах. Бытующее мнение о том, что студенты из стран СНГ априори владеют русским языком в той или иной степени, в настоящее время пересматривается в связи с изменением языковой политики в данных государствах. В связи с этим необходимо проводить работу с иностранными студентами в нескольких направлениях: разрабатывать оптимальные методы диагностики степени владения русским языком, проводить анкетирование, направленное на выявление языковых компетенций обучающихся и проблем, связанных с коммуникацией в учебной среде, использовать полученные сведения как основу для организации процесса обучения РКИ. Обращение к опыту работы со студентами-иностранцами в Вологодской ГМХА обнаруживает, что основой для обучения РКИ становятся языковые компетенции студентов в области родного языка, русского языка как первого иностранного языка и второго иностранного языка (преимущественно – английского).

Проведенное анкетирование (май 2018 г.) показало, что основной поток иностранных студентов в Вологодскую ГМХА идет из Таджикистана, что составляет более 77% (37 из 48 иностранных обучающихся), 23 % иностранных студентов приехали из других стран: с Украины (10 %, 5 чел.), из Узбекистана (6%, 3 чел.) и Азербайджана (2%, 1 чел.). Следует отметить, что студенты, прибывающие на обучение в Россию, далеко не всегда знают русский на уровне, достаточном для получения образования на данном языке. Так, среди иностранных студентов, обучающихся в Вологодской ГМХА, только 48,3 % свободно общаются на русском языке, 31 % могут общаться на бытовом уровне, но испытывают серьезные трудности в процессе учебы, а 20,7 % знают лишь несколько фраз. Элементарный языковой уровень демонстрируют в основном студенты первого курса, что, с одной стороны, говорит о довольно высоких темпах овладения русским языком в процессе получения образования, а с другой, свидетельствует о необходимости интенсификации начального этапа языковой адаптации.

Анкетирование также выявило положительную мотивацию к изучению русского языка. Это может быть обусловлено благоприятными условиями обучения, в том числе и наличием коммуникативной среды на родном языке, что позволяет студентам получать поддержку и помощь от соотечественников, которые также обучаются в Вологодской ГМХА. В то же время диагностируются проблемы, связанные именно с коммуникацией на русском языке.

Так, на вопрос: «Что вам в России (в Вологде, в академии) делать сложнее всего?» были получены следующие ответы: «учиться в академии» (44,8 %), «общаться с другими людьми» (44,8 %), «общаться с однокурсниками» (34,5 %), «жить» (20,7 %), «отдыхать» (17,2 %), «общаться с преподавателями и деканатом» (10,3 %). Отвечая же на вопрос: «Какие из мер по ускорению адаптации вам кажутся наиболее эффективными?», большинство студентов назвали курсы русского языка (55,2 %), беседы с куратором (31 %), организованные беседы между русскими и иностранными студентами (27,6 %), экскурсии (24 %), совместные внеучебные мероприятия, например «Вечер Дружбы народов» (17 %), интенсивный адаптационный курс «Это надо знать», который проводится в первую учебную неделю (13,8 %), взаимодействие с диаспорой (10,3 %), встречи с представителями правоохранительных органов (3,4 %). Методические пособия [4; 5], используемые в курсе РКИ, помогают студентам расширить свой языковой опыт и получить представления о языковой среде того региона России, в котором они живут. В языковом отношении Вологодская область представляет большой интерес для обучающихся РКИ [3].

Сейчас в Таджикистане русский язык изучается как иностранный наравне с английским, практика живого общения практически отсутствует из-за незначительного числа русских в стране, особенно в кишлаках (селах), откуда в основном и прибывают студенты (90%). Исследователи отмечают недостаточное количество учебных часов, выделяемых на обучение РКИ (2–4 учебных часа в неделю в средней школе и 2 учебных часа в неделю в вузе), нехватку учителей русского языка, ограниченное употребление русского языка (государственным языком признается только таджикский) [1].

Курс РКИ позволяет иностранным студентам использовать языковые компетенции и фоновые знания, которые были получены на предыдущих ступенях обучения. Согласно генеалогической классификации языков, русский, английский и таджикский языки относятся к индоевропейской языковой семье, но входят в разные ее группы: соответственно славянскую, германскую и иранскую. Родство языков проявляется в их систематическом сходстве на словообразовательном и лексическом уровне [2; 6]. Помимо этого, наблюдается тесное взаимодействие народов и культур. Так, во времена Советского Союза таджикский язык испытал сильнейшее влияние русского языка, с 1939 года таджики перешли на кириллицу. Английский же язык является источником заимствований и для русского, и для таджикского языков. Для того, чтобы обучение проходило более эффективно, преподавателю РКИ необходимо знать языковые категории и структуру родного языка студентов (таджикского), а также в некоторых учебных ситуациях обращаться к посредничеству английского языка.

Межъязыковое сопоставление используется при анализе языковых категорий, присутствующих во всех трех языках, а также в тех случаях, когда изучаемое языковое явление отсутствует в родном языке студентов. Так, во всех трех языках качественные прилагательные образуют степени сравнения (*сурх* – *сурхтар* – *сурхтарин*; *red* – *redder* – *the reddest*; *красный* – *краснее* – *самый красный* [2]), анализ данных форм и выявление интегративных и дифференциальных признаков сравниваемых языковых фактов позволяет студентам опираться на существующие языковые компетенции в родном или английском языке при освоении категории степеней сравнения русского языка. На уровне лексики межъязыковое сопоставление основано на генеалогическом родстве языков, ср.: *брат* – *brother*, *лампа* – *lamp*, *нос* – *nose*, *солнце* – *sun*, а также наличия общего языка-источника для заимствованных слов, ср.: тадж. *гараж* – рус. *гараж* – англ. *garage*; *жинс* – *джинсы* – *jeans*; *окёнус* – *океан* – *ocean* и пр. Подобные примеры, приводимые преподавателем в ходе урока на русском и/или английском языках, самостоятельно соотносятся студентами со словами из родного языка, что способствует усвоению новых лексем.

Эффективное использование английского языка в качестве языка-посредника возможно тогда, когда изучаемое явление отсутствует в таджикском языке, но есть в русском и английском. Знание английского языка позволяет студентам осознать наличие этой категории и в русском. Так, признается целесообразным объяснение особенностей глаголов

совершенного и несовершенного вида через английские соответствия [6]: *Я читал «Войну и мир»* / *I read 'War and Peace'*; *I was reading 'War and Peace'* – *Я прочитал «Войну и мир»* / *I have read 'War and Peace'*. В таджикском языке грамматическая категория вида отсутствует, и для того чтобы прояснить значение глагола говорящие меняют порядок слов в предложении, используют предлоги, послелого, изафет (особый безударный показатель), глаголы-связки. Также продуктивно сопоставление с английским языком при объяснении будущего времени, поскольку категория времени представлена в таджикском языке двумя формами настоящего и прошедшего времени: *Я прочту / буду читать «Войну и мир»* / *I will read 'War and Peace'*.

Таким образом, при обучении РКИ, обращение к предшествующему языковому опыту обучающихся позволяет студентам более эффективно осваивать новую лексику и осмысливать грамматические категории изучаемого языка. В то же время посредничество английского языка при изучении грамматики возможно только в ограниченном ряде случаев.

Список литературы

1. Гусейнова, Т.В. О социолингвистических и дидактических проблемах преподавания русского языка в Республике Таджикистан / Т.В. Гусейнова // Социокультурное пространство России и зарубежья: общество, образование, язык. – 2015. – № 4. – С. 59–67.
2. Джалилова, М.Т. Структурно-семантический анализ цветообозначения в таджикском, английском и русском языках: автореф. дис. канд. филол. наук / М.Т. Джалилова. – Душанбе, 2016. – 26 с.
3. Драчева, Ю.Н. Отражение особенностей звучащей речи вологжан в современной массовой коммуникации / Ю.Н. Драчева, Е.Н. Ильина, Н.Г. Мельникова // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2015. – № 3 (64). – С. 68–71.
4. Дьякова, Н. С. Русский язык для студентов-иностранцев: учебно-методическое пособие по организации самостоятельной работы, подготовке и проведению занятий / Н.С. Дьякова. – Вологда – Молочное: Вологодская ГМХА, 2018. – 97 с.
5. Русский язык: изучаем Вологодский край: практикум / сост. Ю.Н. Драчева. – Вологда: Легия, 2015. – 40 с.
6. Сташевич, И.А. Использование английского языка в качестве языка-посредника при обучении русскому языку / И.А. Сташевич // Технологии обучения русскому языку как иностранному и диагностика речевого развития. – Минск: БГМУ, 2017. – С. 354–359.

10.02.01

Е.Н. Ильина д-р филол. наук, Л.В. Сабурова

Вологодский государственный университет,
Кафедра русского языка, журналистики и теории коммуникации,
Вологда, filfak@list.ru

"МИР НАСЕКОМЫХ"
ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ДИАЛЕКТНОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ ВОЛОГОДСКИХ ГОВОРОВ)

В статье анализируется внутренняя форма производных существительных – названий насекомых на материале «Словаря вологодских говоров» и записей устной речи жителей Вологодского края. Доказываются специфические черты диалектной языковой картины мира: парцеллированность, обусловленность геоклиматическими и социально-экономическими особенностями региона, прагматичность, традиционность, экспрессивность.

Ключевые слова: диалектная языковая картина мира, вологодские говоры.

Изучение имен существительных, называющих насекомых в русских говорах, как правило, связано с решением других научных задач: установлением этимологии слов [Добродомов, 1970; Левина, 1975; др.], их ареальной дистрибуции в диалектах различных славянских языков [Дзендзелевский, 1973; Клепикова, 2006; др.] и в говорах русского языка [Попов, 2007; Попов, 2008; др.], изучения мифологической [Утешены, 1975] и языковой [Корнилов, 2003] картин мира. На материале севернорусских говоров в лексико-семантическом и ареальном аспектах эту группу слов исследует А.А. Попов [Попов, 2007]. В нашей работе названия насекомых рассматриваются с позиций когнитивного словообразования: мы ставим перед собой задачу выяснить, какие черты народного мировидения эксплицирует внутренняя форма этих слов. Материалом для служат данные лексикографических источников [Словарь вологодских говоров; Словарь вологодского режского говора; Золотые россыпи; др.], а также записи бесед по вопроснику «Лексического атласа русских народных говоров».

Видовые названия большинства насекомых относятся к числу древнейших образований, параллели которым обнаруживаются в других славянских и индоевропейских языках: *блоха* [Фасмер, 1: 177], *жук* [Фасмер, 2: 64], *муравей* [Фасмер, 3: 11], *овод* [Фасмер, 3: 114], *тля* [Фасмер, 4: 65], *червь* [Фасмер, 4: 335] и др. Их внутренняя форма, реконструируемая на уровне праславянского языкового единства, эксплицирует размеры (*моль* – ср.: *малый* [Фасмер, 2: 648]) и внешний вид этих насекомых (*гусеница* – ср. *ус* [Фасмер, 1: 477], *наук* – от **ра* + **окъ* «крючок» [Фасмер, 3: 218], *площица* «вошь» – ср.: *плоский* [Фасмер, 3: 287], *слепень* – ср.: *слепой* [Фасмер, 3: 669]), а также особенности их деятельности (*пиявка* – ср.: *пить* [Фасмер, 3: 271], *стрекоза* – ср.: *стрекать* «прыгать» [Фасмер, 3: 774]) и специфику коммуникативных сигналов (*букашка* от *бучать* «жужжать» [Фасмер, 1: 256], *жуужелица* – ср.: *жуужжать* [Фасмер, 2: 63–64], *сверчок* – от звукоподражательного *сверчать* [Фасмер, 3: 757]). Обращает на себя внимание синкретизм восприятия различных биологических видов насекомых (*шмель* / *комар* [Фасмер, 2: 301]; *муха* / *мошка* [Фасмер, 2: 667]), а также наличие древнейших семантических переносов (*бабочка* от *бабка* «бабушка» в результате представлений о том, «что душа умершего продолжает жить в виде бабочки» [Фасмер, 1: 100], *гнус*¹ – ср.: блр. *гнуос* «скупердяй, подлец», болг. *гнус* «отвращение», польск. *gnus* «лентяй» [Фасмер, 1: 442], *таракан* – возм., от тюркск. *tarkan* «сановник» [Фасмер, 4: 21] и др.).

¹ Этнолингвистический словарь «Славянские древности» свидетельствует о том, что в народном сознании насекомые мыслятся как «разновидность гадов, воспринимаемая как нечисть (кроме пчелы и божьей коровки) <...>: все они (включая летающих насекомых) *ползает* (а не *ходят* или *бегают*, как звери)» [Славянские древности, 3: 370].

Диалектные названия насекомых, зафиксированные в первом издании «Словаря вологодских говоров», по подсчётам А.А. Попова [Попов, 2008], насчитывает около 80 существительных и составных наименований. Кроме видовых названий, в исследуемых говорах фиксируется достаточно большое количество общих наименований насекомых (*гнус* «мошкара», *овод* «общее наименование всех кровососущих насекомых») и их нерасчленённых совокупностей (*мошкота*, *муега*, *мулега* «мошкара», *муравьице* «1) муравейник; 2) скопление насекомых», *толкунец* «рой, множество насекомых»). Имеет место бытовой синкретизм в наименовании различных биологических видов насекомых: *овод* «общее название летающих кровососущих насекомых», *минога* «пиявка», *паут*, *паук* «овод», *таракан* «сверчок». Наблюдения за внутренней формой диалектных названий насекомых в вологодских говорах даёт возможность обнаружить следующие особенности.

Наличие в исследуемых говорах многочисленных однокоренных слов поддерживает членимость их основ и сохранение в большинстве случаев их производности: *букашка* / *букарка* / *букарина* / *букараха* «насекомое, букашка», *слепак* / *слепец* / *слепот* / *слепыш* «слепень», *пивца* / *пиявка* / *пиявец* «пиявка», *тенетник* / *тенотник* / *тенотицк*, *тенотишник* / *теньтник*, *теньчик* «паук».

Производные существительные – названия насекомых – эксплицируют те их признаки, которые оказываются наиболее существенными для локальной картины мира. Это восприятие насекомых как живых существ (*живец*, *живулька* «насекомое, служащее живой приманкой для рыб», *живчик* «мошкара» – ср.: *живой*), характеристика внешнего облика насекомого (*плотничек* «насекомое (какое?)» – ср.: *плоский*; *веретельница* «полосатая стрекоза» – ср.: *веретено*, *лапотник* «большой чёрный таракан» – ср.: *лапот*), места проживания (*закорыш* «личинка насекомого» – ср.: *кора*), погодных условий, активизирующих его жизнедеятельность (*мокрец* «дождевой червь» – ср.: *мокрый*: *Дождь-то пройдёт, в огороде мокрецов много повылазит*. Тот. Погор.), предметов, воспринимаемых как некий результат этой жизнедеятельности (*медовица*, *медовница* «шмель», *медуница* «пчела» – ср.: *мёд*, *тенетник*, *теньтник*, *теньчик* «паук» – ср.: *тенето*, *теньто* «паутина»). Внутренняя форма отглагольных образований эксплицирует акциональные признаки насекомых, репрезентируя значения физического воздействия (*толкунец* «рой мошек, комаров» – ср.: *толкать*), специфики перемещения в пространстве (*вьюн* «пиявка» – ср.: *вить*, *виться*), физиологических действий (*пивца*, *пиявец* «пиявка» – ср.: *пить*, *сикаль*, *сикаш* «муравей» – ср.: *сикать* «извергать мочу»), особенностей издаваемых насекомым звуковых сигналов (*пикун* «кузнечик» – ср.: *пикать* «пищать», *пискун* «сверчок» – ср.: *пищать*).

В составе диалектных названий насекомых зафиксированы существительные с неясной внутренней формой: *муега* «мошкара», *пильма* «блошка крестоцветная». По наблюдениям исследователей-финноугроведов, наличие таких слов в севернорусских говорах может быть следствием активных языковых контактов славян с финно-угорским населением [Мызников, 2003; Муллонен, 2012].

В сфере неморфемного словообразования проявляют активность типичные модели семантических переносов: а) название животного в составе составного наименования → название насекомого: *кукушья* / *кукушечья* / *загоскина вошь* «клещ», *богов конёк*, *травяная кобылка* «кузнечик»; б) название насекомого → название предмета бытового назначения, обнаруживающего с ним внешнее или функциональное сходство: *таракан*, *таракашик*, *таракашка* «заколка для волос».

Фразеологизмы, в состав которых входят названия насекомых, выразительно эксплицируют поведенческие нормы (*мухи с себя не сгонит* «кроткий, безобидный, добрый») и анти-нормы (*как в осьем гнезде* «шумно, немирно»), экспрессивно характеризуют посредством зооморфного сравнения отличительные свойства человека (*блоха-вертоха* «человек, который всё делает быстро») и совершаемых им действий (*как таракан во щи* «не вовремя, неожиданно; в самый подходящий момент»), отражают мифологические представления, сохранившиеся в крестьянском сознании: так, в сочетании *Иванов червь* «светлячок» можно усмотреть связь с чудесами, которые возможны около Иванова дня (23 июня).

Таким образом, обращение к внутренней форме названий насекомых в современных вологодских говорах убеждает в том, что с помощью этих слов эксплицируются типичные черты диалектной языковой картины мира: парцеллированность, обусловленность геоклиматическими и социально-экономическими особенностями региона, прагматичность, традиционность и экспрессивность.

Список литературы

1. Добродомов И.Г. Веселая этимология: таракан // Русская речь. – 1970. – № 6.
2. Дзензелевский И.А. Названия для кузнечика в говорах славянских языков // Сопровождение по Общеславянскому лингвистическому атласу. М., 1973.
3. Клепикова Г.П. Названия «муравьев» // Восточнославянские изоглоссы. 2006. Вып. 3. – М.: 2006. – С. 161–173.
4. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М.: 2003.
5. Левина Г.М. Кукушка, какушка, загоска // Русская речь. – 1975. – № 6.
6. Муллонен И.И. География на службе топонимики: две прибалтийско-финские топоосновы с «боковой» семантикой // Язык и прошлое народа. Екатеринбург, 2012. – С. 170–181.
7. Мызников С.А. Русские говоры Обонежья: ареально-этимологическое исследование лексики. СПб, 2003.
8. Попов А.А. Названия насекомых в севернорусских говорах (по материалам «Словаря русских говоров Карелии» // Лексический атлас русских народных говоров: Материалы и исследования. СПб: Наука, 2007. – С. 191–197.
9. Попов А.А. Названия насекомых и пресмыкающихся в вологодских говорах // Говоры Вологодского края: аспекты изучения. Вологда: ВПГУ, 2008. – С. 112 – 121.
10. Утешены С. Названия божьей коровки в Общеславянском лингвистическом атласе // Общеславянский лингвистический атлас. 1975. – М.: Наука, 1977. – С. 16–33.

10.02.20

О.Б. Карасик¹ д-р филол. наук, О.В. Шалагина²

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
институт филологии и межкультурной коммуникации им. Льва Толстого,

¹кафедра русской и зарубежной литературы,

²кафедра германской филологии,

Казань, karassik1@yandex.ru, olga.shalagina@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ ПЕРСОНАЖЕЙ ПРОИЗВЕДЕНИЯ М. БОНДА «МЕДВЕЖОНОК ПО ИМЕНИ ПАДДИНГТОН»

Статья посвящена сравнительному анализу переводов произведения М. Бонда «Медвежонок по имени Паддингтон», выполненных Т. Карелиной и А. Глебовской. В работе рассматриваются особенности репрезентации элементов речевого поведения персонажей при переводе в рамках детской художественной литературы. На примере данного произведения демонстрируются лексические различия «детской» и «взрослой» речи литературных героев.

Ключевые слова: перевод, детская литература, речевое поведение.

Детство представляет собой период жизни, определяющий ориентиры и потенциал личности человека. А. С. Розенбах утверждает, что детская книга играет роль не только в изображении мира детей, но и в формировании взглядов молодого поколения, которые в дальнейшем отразятся на истории человечества [9]. Потребители книжного рынка заинтересованы в качественной художественной литературе для детей, к которой относятся и переводные работы иностранных писателей. Поэтому сейчас исследование перевода детской художественной литературы представляется одним из приоритетных направлений переводоведения.

По мнению А. С. Одышевой, персонажам детского произведения присущи черты, характерные для детей [5]. Элементы речевого поведения относят героя к определенной возрастной группе и работают на раскрытие его образа [6]. При соотнесении речи героев-детей, героев-взрослых и автора возникает проблема ретрансляции многоголосия, которую решают переводчики детской художественной литературы.

Мы провели сопоставительный анализ переводов произведения М. Бонда «Медвежонок по имени Паддингтон», изданного в Великобритании в 1958 году. Первый перевод-пересказ нескольких глав о медвежонке Паддингтоне был выполнен Т. Карелиной в 1980 году. Текст оригинала был сокращен, переработан и адаптирован для детей дошкольного возраста. Следующая встреча русскоязычных читателей с «младшим медведем английской литературы» [4] произошла в 2006 году, когда вышел полный сборник рассказов «Медвежонок по имени Паддингтон» в переводе А. Глебовской и К. Сиверцевой. Мы рассмотрели переводы трех глав, выполненные Т. Карелиной и А. Глебовской.

По традиции английских литературных сказок главными героями произведений для детей выступают дети и очеловеченные животные. У М. Бонда медвежонок Паддингтон играет смешанную роль животного-ребенка. При общении с детьми взрослые используют «детский язык» (baby talk), в котором присутствует особая лексика, уменьшительно-ласкательные формы и фонетически искаженные слова [3]. Элементы детской речи встречаются и в словах героев, и в авторской речи. Переводчики прибегают к уменьшительно-ласкательным суффиксам и словам, характерным для «детского языка»: «Не станешь же ты её есть, лапушка, — сказала она ласково и погладила медвежонка» (А. Глебовская) — «“You don’t want that, dearie,” she said, giving him a friendly pat» (М. Бонд); «Многие удивлённо вытаращили глаза, а один дяденька даже приподнял шляпу» (А. Глебовская) — «Several people stared and one raised his hat in return» (М. Бонд).

По уровню развития Паддингтон напоминает дошкольника. Он умеет читать и писать по-английски, но делает это с ошибками, соответствующими предполагаемому возрасту. Письмо маленького медведя сохранилось только в полном переводе А. Глебовской, Т. Карелина предпочла дать описательный перевод этого процесса: «После нескольких неудачных попыток медвежонок вывел ПАДИНКТУН. Вышло очень солидно» (А. Глебовская) – «He had several attempts and finally decided on PADINGTUN. It looked most important» (М. Бонд); «Она перевернула шляпу, и все увидели на внутренней стороне чёрный отпечаток лапы и чернильную надпись: МАЯ ШЛЯПА — ПАДИНКТУН» (А. Глебовская) – «She turned the hat inside out and showed them the outline of a paw mark in black ink and the words MY HAT – PADINGTUN» (М. Бонд).

Для создания комического эффекта автор заставляет медвежонка говорить нарочито «взрослые» слова. А. Глебовская искусственно усиливает это, применяя подобные выражения там, где в тексте оригинала используется нейтральная лексика. Так существительное *stowaway* Т. Карелина переводит как «заяц», а А. Глебовская в качестве функционального аналога находит фразу «приехать нелегально»: «Я приехал сюда зайцем» (Т. Карелина) – «Я приехал нелегально!» (А. Глебовская) – «I'm a stowaway» (М. Бонд); «— Ага, — подтвердил медвежонок. — Понимаете ли, я эмигрировал» (А. Глебовская) – «“Yes,” said the bear. “I emigrated, you know.”» (М. Бонд).

Детской речи свойственно словообразование по существующим моделям [7]. Чтобы придать тексту динамики, Т. Карелина обращается к окказиональному словообразованию и вводит несуществующее прилагательное «пресмешной»: «А на голове его красовалась пресмешная шляпа» (Т. Карелина) – «...and it was wearing a most odd-looking hat...» (М. Бонд).

Имитируя эмоциональную детскую речь, переводчики усиливают значение слов лексическими повторами: «Он тихонько сидел на старом-старом чемодане перед “Бюро находок”» (Т. Карелина) – «It seemed to be sitting on some kind of suitcase...» (М. Бонд); «А потом ты мне всё-всё-всё расскажешь про Южную Америку» (А. Глебовская) – «Then you can tell me all about South America» (М. Бонд).

Повествование в рассказах ведется от третьего лица, однако авторский взгляд на мир предстает отчасти с точки зрения Паддингтона, поэтому близкие медвежонку взрослые разговаривают понятно и просто, а речь посторонних героев подлежит особой стилизации. Во фразах водителя такси звучат усеченные слова ('ор вместо *hop*, 'ear вместо *hear*) и форма местоимения *me* вместо литературного варианта *my*. Эффект сниженного стиля А. Глебовская передает с помощью нелитературной лексики: «Ну ладно, влезайте. Но салон мне, чур, не пачкать. Я только сегодня всё надраил» (А. Глебовская) – «All right, 'or in. But mind none of it comes off on me interior. I only cleaned it out this morning» (М. Бонд); «— Крем! — проговорил он свирепо. — На моей новенькой тужурке!» (А. Глебовская) – «“Cream!” he said, bitterly. “All over me new coat!”» (М. Бонд).

Паддингтон приезжает в Лондон из Южной Америки, и английский язык для него – не родной. Медвежонок выступает в роли наивного иностранца, который буквально воспринимает фразеологизмы и путает значения слов. Это приводит к культурным сбоям при общении с англичанами. Например, Паддингтон не понимает метафоричного сравнения фотовспышки и птички: «Сейчас вылетит птичка. Паддингтон завертел головой, но никакой птички не увидел» (А. Глебовская) – «“Just watch the birdie.” Paddington looked around. There was no bird in sight as far as he could see» (М. Бонд).

В основу сюжета переработанной главы Т. Карелиной «Паддингтон у моря» («Adventure at the Seaside») ложится традиция показа кукольных спектаклей на общественных пляжах Великобритании. На морском берегу, куда приезжает семья Браунов, идет спектакль с участием кукол по имени Панч и Джуди. Медвежонок путает созвучные в русском языке слова «показывать» и «наказывать» и ошибочно принимает куклу Джуди за Джуди Браун, свою приемную сестру: «Это мистер Бриггс показывает Панча и Джуди, — объяснила миссис Браун. Паддингтон так и подскочил на месте: как смеет какой-то мистер Бриггс

наказывать Джуди?» (Т. Карелина).

Время вносит коррективы не только в состав героев (по причине цензуры в переводе Т. Карелиной не упоминается домоправительница Браунов, поскольку наличие прислуги в сюжете детского произведения не соответствовало советской идеологии), но и в лексическую часть текста. Например, медвежонок Т. Карелиной называет фотопортрет «карточкой», что было принято во времена, когда цифровой фотографии еще не существовало: «А это моя тётя Люси. Её последняя карточка» (Т. Карелина) – «А это моя тётя Люси. Она сфотографировалась перед тем, как...» (А. Глебовская) – «And that's a picture of my Aunt Lucy. She had it taken just before...» (М. Бонд). Также в переводе 1980 года главный герой, садясь в автомобиль, пристегивается «страховочным ремнем», а не «ремнем безопасности» (термин, знакомый современным детям): «Паддингтон поспешил пристегнуться страховочным ремнём» (Т. Карелина).

Язык детского произведения своеобразен: в оригинале он делится на речь, привычную слуху ребенка, и «взрослую» речь, противопоставляемую миру детства. В тексте М. Бонда элементы «детского языка» представлены в виде уменьшительно-ласкательных форм слов с добавлением суффиксов и ошибочной орфографии, характерной для детского письма. Язык взрослых в англоязычном тексте выделяется с помощью терминов, разговорных конструкций и сокращений. Т. Карелина обращается к добавочным средствам воспроизведения детской речи, характерным для русского языка: кроме приемов М. Бонда, она прибегает к словам, которые ассоциируются с исключительно детским лексиконом, окказиональному словообразованию и повторению слов с целью усиления. Передача детской речи в переводе А. Глебовской приближена к оригиналу, а «взрослый язык» представляется просторечными словами и грубой лексикой. Т. Карелина вовсе отказывается переводить «взрослую» речь и исключает сцены общения главных героев с персонажами, которые говорят на мало понятном юным читателям языке. Она также опускает юмористические сцены, в которых комический эффект достигается путем совмещения несовместимого, когда маленький Паддингтон использует сложные для детского восприятия словосочетания.

Таким образом, на примере переводов произведения М. Бонда «Медвежонок по имени Паддингтон» мы видим, что передача речевого поведения персонажей при переводе подчиняется возрастной категоризации читательской аудитории.

Список литературы

1. Бонд М. Медвежонок Паддингтон. Паддингтон у моря. М.: Детская литература, 1980.
2. Бонд М. Медвежонок по имени Паддингтон. СПб.: Азбука, 2015. – С. 5-50, 142-164.
3. Гаврилова Т. О. Регистр общения с детьми (baby talk): некоторые интонационные особенности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eu.spb.ru/images/et_dep/sborniki/af11/227_238.pdf (дата обращения: 01.06.2018).
4. Глебовская А. Младший медведь английской литературы // Медвежонок по имени Паддингтон. – М.: Махаон, 2016. – С. 5.
5. Одышева А. С. Репрезентация детства в английской литературе // Вестник Тюменского государственного университета. – 2011. – № 1. – С. 215.
6. Омеличкина С. В. Проблема трансляции детских речевых искажений в художественном дискурсе // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2013. – С. 123.
7. Чуковский К. И. От двух до пяти [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.chukfamily.ru/Kornei/Prosa/Ot2do5/glava1> (дата обращения: 04.01.2016).
8. Bond M. A Bear Called Paddington. Glasgow: HarperCollins Publishers, 1992. – P. 7-36, 99-113.
9. Gordon K. R. American Children's Literature: A Historiographical Review. – Arlington: Texas Univ., 1973. – P. 90.

10.02.00

М.А. Кузина

Московский педагогический государственный университет,
Институт иностранных языков, кафедра фонетики и лексики английского языка,
Москва, enleks@mpgu.edu

ОККАЗИОНАЛЬНЫЕ МНОГОКОМПОНЕНТНЫЕ КОМПОЗИТЫ КАК ОСОБЕННОСТЬ ИДИОСТИЛЯ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ПИСАТЕЛЯ-МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИСТА

Настоящая статья представляет собой попытку показать, как писатели-мультикультуралисты используют окказиональные многокомпонентные композиты в художественных произведениях на английском языке для достижения понятийной компрессии, эмоциональной точности и(ли) интенсивности, комического и иронического подтекста. Общая выборка примеров составила 86 окказиональных многокомпонентных композитов из 25 художественных произведений.

Ключевые слова: мультикультурная литература, экзотизм, «свой» v. «чужой», словосложение, окказиональный многокомпонентный композит.

Окказиональное композитообразование часто рассматривается как одна из особенностей идиостиля писателей-мультикультуралистов наряду с нарушением правил написания слов прописными буквами, частыми парентезами, чрезмерным делением на абзацы, избыточными метафорами и интертекстуальностью: «the author [Rushdie] made abundant use of the devices, namely compound neologisms, extravagant capitalization, sentence fragments and excessive paragraph breaks, intrusive parenthesis, copious metaphoric transference and heterosemiotic intertextuality» [7, с.97].

Сложные слова в большей мере, чем симплексы и аффиксальные производные, отражают творческий характер языковой личности, что неоднократно делало их объектом научных исследований. Так, на протяжении XX–XXI веков наблюдается всё возрастающий интерес к особенностям образования и функционирования композитов в английском языке: F.W. Hamilton (1918), H. Koziol (1937), H. Marchand (1960), E.A. Brinkman (1967), V. Adams (1973), H.E. Brekle (1977), О.Д. Мешков (1986), M. Nandy (1997), P.P. Štekauer (2000; 2009), M. Joshi (2014).

В современной академической литературе по проблемам словообразования приводится до 6 классификаций сложных слов: по числу компонентов, по характеру написания, по характеру финального компонента, по характеру нефинального компонента, по структурно-генетическому принципу, по типу синтаксико-семантической связи.

В рамках классификации по структурно-генетическому принципу принимается во внимание как морфологическая структура композита в целом и его компонентов, так и происхождение словообразовательных моделей, что позволяет выделять 5 групп композитов: полносложные бинарные композиты без соединительного элемента (*an almost-traitor* [11, с.284]; *visa-wife* [12, с.223]; *confidence-leached* [5, с.76]; *white-saried* [12, с.49], неполносложные бинарные композиты с соединительным элементом (–), композиты-многочлены без соединительных элементов (*bodyguard-companion-vallet* [8, с.171]; *honour-killing-type* [13, с.143]; *liberation-front-wallahs* [11, с.201], композиты-многочлены с одним соединительным элементом (–), композиты-многочлены, образованные при помощи «внутреннего синтаксиса» (термин А.И. Смирницкого) (*a proud-coach-watching-the-team way* [3, с.105]).

Для последнего из приведённых подтипов многокомпонентных композитов – объекта настоящего исследования – характерна терминологическая раздробленность. Следующие термины могут использоваться для их обозначения: «сдвиг» (Е.В. Розен, М.Д. Степанова),

«лексикализация словосочетания» (А.Ф. Журавлёва, В.М. Солнцев), «сложное слово синтаксического типа» (Э.М. Дубенец), «голофразис/голофрастическая конструкция» (И.А. Ковынева, И.Г. Ищенко), (О.М. Корытова), «сверхсложное слово» (Вяч. Вс. Иванов), «фразовый композит, компрессив» (С.Ж. Нухов), «LSI unit (Lexical-Syntax Interface unit)» (Р.Р. Štekauer).

Из 23 романов и 2 сборников коротких рассказов авторов южноазиатского (Индия, Пакистан) и африканского (Нигерия, Кения, Гана) происхождения было отобрано 86 подобных окказиональных композитов. Писатели-мультикультуралисты – К. Абани (Ch. Abani), А. Адига (A. Adiga), Ч.Н. Адичи (Ch.N. Adichie), А.А. Айду (A.A. Aidoo), А. Десаи (A. Desai), К. Десаи (K. Desai), Ч.Б. Дивакаруни (Ch.B. Divakaruni), Х. Хабила (H. Habila), М. Хамид (M. Hamid), Дж. Лахири (J. Lahiri), Н. Лалвани (N. Lalwani), В.С. Найпол (V.S. Naipaul), Б. Окри (B. Okri), С. Рашди (S. Rushdie), А. Рой (A. Roy), С. Сахота (S. Sahota), К. Шамси (K. Shamsie) – создают неузуальные многочленные композиты с целью создания особого эмотивно-эмоционального пространства художественного текста. Сам факт того, что англоязычные писатели Африки и Южной Азии используют слово не столько как средство создания текста, сколько как объект художественных экспериментов, неоднократно отмечался зарубежными исследователями мультикультурной литературы: «It is also achieved through Roy's highly individual, inventive style; like Rushdie, she experiments with language and narrative structure in order to shock, challenge or move the reader» [10, с.29]. Особое умение А. Рой и С. Рашди эпатировать своего читателя (в том числе авторскими неологизмами), которое подчёркивается в вышеприведённой цитате, может быть отнесено и к другим писателям-билингвам, которые приспособили английский язык для описания своей культуры: «Because native writers were using a medium that was a foreign language and did not naturally reflect the culture and experiences that they wished to convey, they had to shape it to suit their purposes» [10, 2001:63].

Основные результаты проведённого исследования можно обобщить следующим образом.

Во-первых, для мультикультурного романа характерно использование окказиональных бинарных композитов (их число в одном романе может достигать 100). Следующие примеры иллюстрируют употребление соответственно сложных имён существительных, сложных прилагательных/причастий и сложных глаголов: *They were **mind-engineers, spirit-distorters, reality-manufacturers, history-twisters, truth-inventors, soul-transplanters, dream-destroyers, courage-grinders, love-corrupters*** [9, с.114]; *He spent nights in **tiger-infested** bamboo forests where people used to burn green bamboos that would burst at the joints with such loud explosions as to frighten off wild animals for miles* (4, с.83); *The bathroom was tiny, and the pipes **buffalo-groaned** when he forced the taps* [12, с.4]. Практически в каждом из анализируемых романов окказиональные двухчлены и трёхчлены регулярно используются как цепочечные эпитеты, что объясняется их новизной, экспрессивностью и понятийной компрессией: *The drivers were waiting near the parking lot of the hotel, in their usual **key-chain-swirling, paan-chewing, gossipmongering, ammonia-releasing** circle* [1, с.17], *Your son is **big-cheeked, bowl-haircut-sporting, navel-high** orator, and this evening he has assembled about him not just his nanny but the cook and bearer as well, all of whom become markedly more formal in your presence* [6, с.146], *Isma opened her mouth and tilted her head back, breathing in the **lip-numbing, teeth-aching** air* [13, с.7]. Некоторые авторские бинарные окказионализмы образованы путём редупликации с целью обозначения более высокой степени качества и(ли) для создания эффекта «ломаного» английского: *The kudiyaan on the beach in their **small-small** clothes* [12, с.102]; *The woman potted in, humming, carrying a gold-bottomed tray with large French handles. ... "There. All **cleany-cleany nicey-nicey**"* [12, с.177].

Во-вторых, многочленные композиты, образованные путём «внутреннего синтаксиса», могут иметь в своём составе от 3 до 15 компонентов: *It was as if Miss Adebayo though her to be unworthy of competition, with her unintellectual ways and her too-pretty face and her **mimicking-the-oppressor** English accent* [2, с.51]; *The hippie who had hit on the fact that you could escape from being a drab immigrant and have a fantastic time as an Indian among the tie-dyed, spout all*

kinds of **Hindu-mantra-Tantra-Mother-Earth-native-peoples-single-energy-organic-Shakti-ganja-crystal-shaman-intuition stuff** [5, с.296]. Большинство авторов создают новообразования из 4-7 компонентов, что является оптимальным для восприятия читательской аудиторией: *These are your-fortune-and-weight-for-one-rupee machines that stand in every rail platform in the country* [1, с.21]; *“Who aez thees?” Very Indian-trying-to-be-American accent* [5, с.137].

В-третьих, почти все авторы-мультикультуралисты включают экзотизмы – заимствования из их родных языков, которые обозначают реалии чужой для англоязычного читателя-монолингва культуры – в состав окказиональных многочленных композитов. Так, пример из романа К. Десаи «Наследство разорённых» содержит экзотическую лексему **kukri** (нож с заточкой по вогнутой грани, который используют непальские гуркхи): *The cassettes were recorded with the favourite washing-bloody-kukris-in-the-mother-waters-of-the-Teesta speech* [5, с.238].

Таким образом, окказиональные многочленные композиты в мультикультурном романе могут служить номинациями для реалий описываемых культур («чужих» культур для британской и американской читательской аудитории), но в большинстве случаев они создаются в целях языковой компрессии, более сильной эмоционально-экспрессивной составляющей, достижения комического или иронического эффекта.

Список литературы

1. Adiga. A. The White Tiger. London: Bloomsbury, 2016. 330 p.
2. Chimamanda N.A. Half of a Yellow Sun. London: Fourth Estate, 2006. 433 p.
3. Chimamanda N.A. Purple Hibiscus. London: Fourth Estate, 2004. 307 p.
4. Desai A. Fire on the Mountains. London: Penguin, 1999. 146 p.
5. Desai K. The Inheritance of Loss. London: Penguin, 2006. 324 p.
6. Hamid M. How to Get Filthy Rich in Rising Asia. London: Penguin, 2013. 228 p.
7. Lane R.J. The Postcolonial Novel. Cambridge: Polity Press, 2006. 146 p.
8. Naipaul V.S. Mimic Men. London: Picador, 2002. 275 p.
9. Okri B. The Famished Road. New York: Random House, 2015. 592 p.
10. O'Reilly Ch. Post-Colonial Literature. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 128 p.
11. Rushdie S. Shalimar the Clown. New York: Random House, 2008. 416 p.
12. Sahota S. The Year of Runaways. London: Picador, 2016. 468 p.
13. Shamsie K. Home Fire. London: Bloomsbury, 2017. 260 p.

10.02.00

Б.А. Мхитарьян канд. филол. наук

ФГБОУ ВО Кубанский государственный медицинский университет
Министерства здравоохранения Российской Федерации,
стоматологический факультет, кафедра лингвистики,
Краснодар, ksma-lingua@mail.ru

РАЗНОВИДНОСТИ МЕТАФОРЫ КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ ИРОНИЧЕСКОГО ЭФФЕКТА В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ РОМАНА Д. ГОЛСУОРСИ “САГА О ФОРСАЙТАХ”.

Статья посвящена одной из наиболее актуальных проблем современной лингвистики – изучению разновидности метафоры как средство создания иронического эффекта. Функционирование данного типа иронии иллюстрируется примерами речи персонажей Джона Голсуорси. Проводится лингвистический анализ текстового материала, который позволяет рассмотреть разновидности метафоры.

Ключевые слова: олицетворение, деперсонализация, ирония, перифраз.

Многочисленной группой лингвистических средств создания иронического эффекта является способ деперсонализации. Как правило, деперсонализация и олицетворение рассматриваются как разновидности метафоры. Насмешка в данном случае выражается при помощи сравнения, в котором люди уподобляются животным. Например:

“Like cattle when a dog comes into the field, they stood head to head and shoulder to shoulder, prepared to run upon and trample the invader to death” [3, p. 46].

Пер.:

«Они были начеку словно стадо, увидевшее на лугу собаку, они стояли голова в голову, плечо к плечу, готовые кинуться и затоптать чужака насмерть» (говоря о Форсайтах, об их единстве) [2, с. 42].

Итак, как рассматриваемый фактический материал, так и художественные тексты романа «Сага о Форсайтах», свидетельствуют о том, что автор использует деперсонализацию как средство создания иронического эффекта, способное отражать весь спектр оттеночных значений иронического подтекста. Для «оязычивания» подтекстового смысла основополагающих позиций Форсайтов Д. Голсуорси использует вербальный контекст (внешний), в котором передает демонстрацию сплоченности, так как в сплоченности – их сила и мощь. Д. Голсуорси, утверждая, что сила сохранения национального уклада в монолитности, передает «мир» Форсайтов по законам мира животных, где царствует великолепие естества.

В исследуемом материале романа «Сага о Форсайтах» имеет место и метафора деперсонализации – овеществление, которая помогает автору передавать следование узко – практическим интересам с тонкой иронией и скрытой насмешкой, что создает экспрессивно окрашенный фон высказываниям.

Таким образом, такого рода ироничные высказывания в художественных текстах романа «Сага о Форсайтах» Д. Голсуорси, как и в данном контексте, ярко репрезентируют его творческий потенциал, сформированный общетеоретической базой именования. Иронический смысл разлит по всему произведению, однако, немало и лексических маркеров, где текстовая ирония находит свое выражение в виде разнообразных лингвистических приемов. По этой причине, не всегда удастся четко определить, в чем заключается сходство, положенное в основу метафоры. Это объясняется тем, что предметы, явления, персонажи могут сближаться не только на основании внешнего подобия, но и по общности производимого ими впечатления.

Иронический смысл может быть передан и посредством такого лингвистического приема, как олицетворение – приема, обратного деперсонализации, который также несет дополнительную смысловую нагрузку в прагматике иронии художественных текстов романа Д. Голсуорси «Сага о Форсайтах», а именно в построении иронического контекста. Например:

Вещественное понятие «дом - a house» наделяется моральными качествами и этическими принципами человека: общеизвестно, что лишь живое существо может обладать «*чувством собственного достоинства - self-respect*». Пользуясь одной из категорий философской науки, Д. Голсуорси олицетворяет дом, придает иронический эффект архитектуре построения дома, что вызывает улыбку. Тем не менее, можно разгадать авторский замысел, прерывающий «возвышенные» размышления Босини на философские темы, во взаимосвязи возвышенного и бытового; стремление оторваться от действительности наталкивается на преграду, реальную и осязаемую. Ирония выполняет одновременно дескриптивную и характерологическую функции, так как имеет место элемент описания и критики человеческих недостатков.

Наряду с метафорой (скрытым сравнением) Д. Голсуорси использует и художественно-образное сравнение (“*simile*” – в английской лингвистике). Смысловые связи в сравнении осуществляются с помощью следующих лексических маркеров: (“*like*”, “*as*”, “*resemble*”, “*remind*”; «как», «точно», «словно», «будто», «похоже», «напоминает», «как будто», «вроде как», «как бы» и др.) Последними тремя словами маркируются, как правило, номинативная метафора и метафорическая предикация [1, с. 316].

В структуре художественных текстов романа Д. Голсуорси «Сага о Форсайтах» нередки случаи использования перифразы, который выступает как средство непринужденного звучания отражаемого автором, имеющего нередко ироническую окраску. Индивидуально-авторские перифразы всегда изобразительны, они дают возможность автору обратить внимание на те черты описываемых явлений и предметов, которые особенно важны в художественном отношении. Например:

“June stood in front, fending off this idle curiosity-a little bit of a thing, as somebody once said, 'all hair and spirit,' with fearless blue eyes, a firm jaw, and a bright colour, whose face and body seemed too slender for her crown of red-gold hair” [3, p. 47].

Пер.:

«Джун, эта “*копна волос плюс характер*”, как кто-то сказал про нее, эта крошка с бесстрашным взглядом синих глаз, твердым подбородком, ярким румянцем и золотисто-рыжими волосами, слишком пышными для такого узенького личика и хрупкой фигурки...» [2, с. 33].

Как видно из приведенного контекста, индивидуально-авторский перифраз воспроизводит портреты персонажей Д. Голсуорси через внешние черты, раскрывая сущность их характера. В связи с этим, в исследуемых текстах Д. Голсуорси, перифраз используется «многолико»: прием частого повторения, многократного упоминания одних и тех же наиболее характерных черт внешности персонажа, достигая этим особенно четкого зрительного образа (крупный, резко выступающий вперед форсайтовский подбородок, пышная копна волос Джун, а именно – «*эта “копна волос плюс характер” - 'all hair and spirit'*»). В характеристике автора данного лингвистического приема проявляется элемент иронии, так как индивидуально-авторский перифраз описывает отнюдь не предмет гордости «форсайтовского» общества, где залогом успеха служат именитое происхождение, громкие титулы, материальный достаток. Таким образом, контекстная глубинно – семантическая близость наблюдается в перифразе художественных текстов романа Д. Голсуорси «Сага о Форсайтах» в размышлениях главного персонажа Сомса Форсайта.

Как свидетельствует фактический материал, при декодировании имплицитного иронического смысла необходимо осмысление глубинных подтекстов Д. Голсуорси в оформлении рассуждений Сомса (иронично выстроенные фразовые структуры с оттенками отрицания, сомнений, недосказанности и недоговоренности с восклицательной интонацией).

Иронично передается и отношение к женщине «свысока», которое характерно для «форсайтовского» клана. Ирония в данном случае построена на противоречии между эксплицированным перифразом и имплицированным смыслом высказывания.

Но не менее значимые в семантическом и стилистическом аспекте перифразы встречаются в художественных текстах романа Д. Голсуорси «Сага о Форсайтах», что, в первую очередь, объясняется авторским идиостилем и жанром иронического описания, не «скованного» общелитературными и эстетическими требованиями к сочинениям подобного рода.

Ирония в художественных текстах романа Д. Голсуорси «Сага о Форсайтах» порой содержит особый взгляд на общественно значимые проблемы, в частности, актуальную проблему языковой свободы в отражении действительности. В первую очередь, это имеет отношение к «живучести» национального характера, который относится в большей степени к англичанам, это вроде патента проявления натуры. Тому свидетельством является приведенный фактический материал, передающий основные и наиболее очевидные черты английского национального характера с присущей конкретностью и оттенками «недосказа» Д. Голсуорси в перифразе «...овеществленная сумма инстинкта собственности...», репрезентирует неизменность основ английского характера.

Ироническое отношение, заключенное в перифразе, свидетельствует о том, что данный стилистический прием, несмотря на редкость использования, все же является одним из наиболее эффективных средств, к которым прибегает Д. Голсуорси в художественных текстах романа «Сага о Форсайтах». Следует отметить, что зачастую перифраз выполняет характерологическую и оценочную стилистические функции, так как способствует описанию персонажей и демонстрирует их отношение к происходящим событиям.

Список литературы

1. Гатинская Н. В. Типы языковой метафоры в русском языке / Н.В. Гатинская // Логический анализ языка. Языки эстетики: Концептуальные поля прекрасного и безобразного. – М.: Индрик, 2004. – С. 312 – 320.
2. Голсуорси Д. Сага о Форсайтах / Пер. с англ. Под ред. М. Лорие. – Т. 1. – М.: Эксмо, 2003. – С. 33, 42.
3. Galsworthy J. The Forsyte Saga / The Man of Property. – Progress Publishers Moscow, 1976. – P. 46, 47.

10.02.00

С.В. Николаева, К.И. Федорова канд. филол. наук

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова
Институт зарубежной филологии и регионоведения,
Якутск, ki.fedorova@s-vfu.ru

ИНТОНАЦИОННЫЙ АНАЛИЗ КАТЕГОРИИ ДЕСТРУКТИВНОСТИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В данной статье представлен интонационный анализ публичного выступления президента США Д. Трампа, выражающий феномен деструктивности. Выступление представляет собой определенный набор диктем, связанных между собой единством замысла, характеризующихся несколькими интонационными моделями.

Ключевые слова: деструктивность, речевые стратегии, тактики, интонация, диктема.

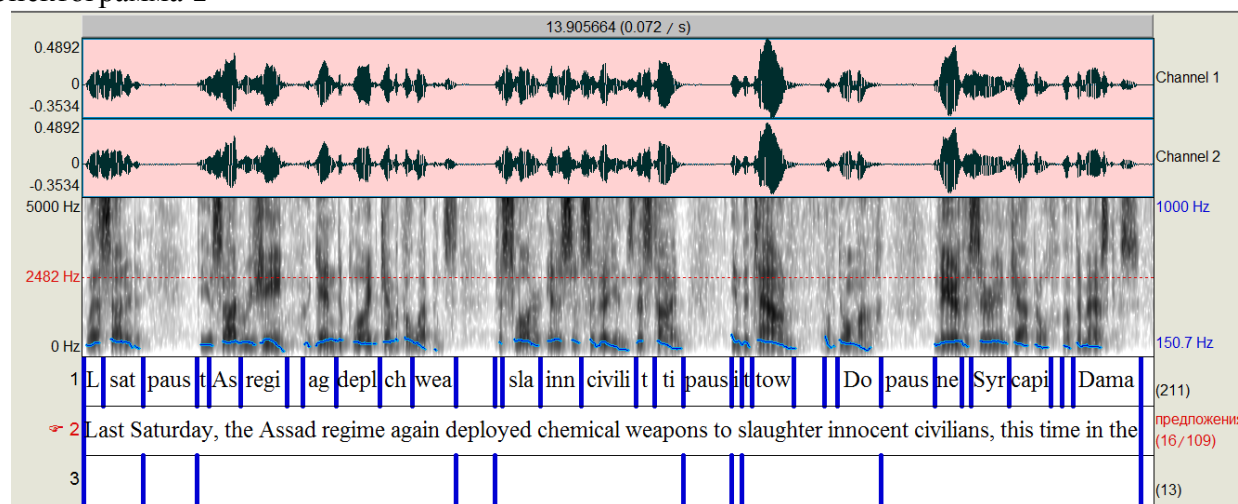
Интерес к разрушительной природе человеческой деятельности (деструктивность) в XX веке приобрел наибольший интерес в связи с растущим во всем мире насилием и агрессией. Деструктивность понимается нами как форма воздействия, которая является преднамеренной, умышленной, удовлетворяющей чувство собственной правоты и потребность в самоутверждении.[2, с.38.]

Восприятие речи политика и ее воздействие в большей части зависит не только от лексико-фонетических средств, используемых говорящим, но и от интонации, которая является одним из важных компонентов речевого воздействия. Коммуникативный аспект интонации позволяет выявить, является ли высказывание законченным или незаконченным, содержит ли оно вопрос, ответ и т.д. Эмоциональный аспект передает эмоциональное состояние говорящего, также выражает его намерение повлиять на слушателя. В рамках данного исследования нас интересует воздействующий потенциал интонации в политической коммуникации.

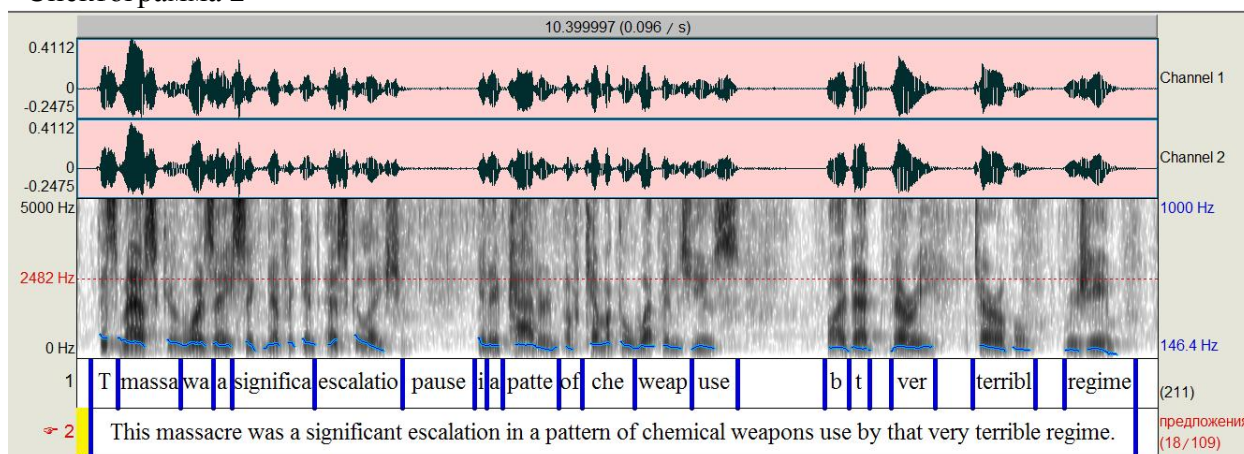
В рамках исследования мы придерживаемся диктемного подхода к анализу интонации в публичной речи. Под диктемой понимается элементарная ситуативно-тематическая единица текста, которая также является единицей членения и структуры текста и обладает определенными интонационными характеристиками [1].

Рассмотрим участие интонационных средств в реализации стратегий и тактик.

Спектрограмма 1

Спектрограмма 2

Last Saturday, the Assad regime again deployed chemical weapons to slaughter innocent civilians, this time in the town of Douma near the Syrian capital of Damascus. This massacre was a significant escalation in a pattern of chemical weapons used by that very terrible regime. - В прошлую субботу Асад снова применил химическое оружие, чтобы уничтожить невинных граждан, в этот раз в городе Дума, неподалеку от Дамаска, столицы Сирии. Такое массовое убийство стало значимой эскалацией в использовании химического оружия этим страшным режимом [5]

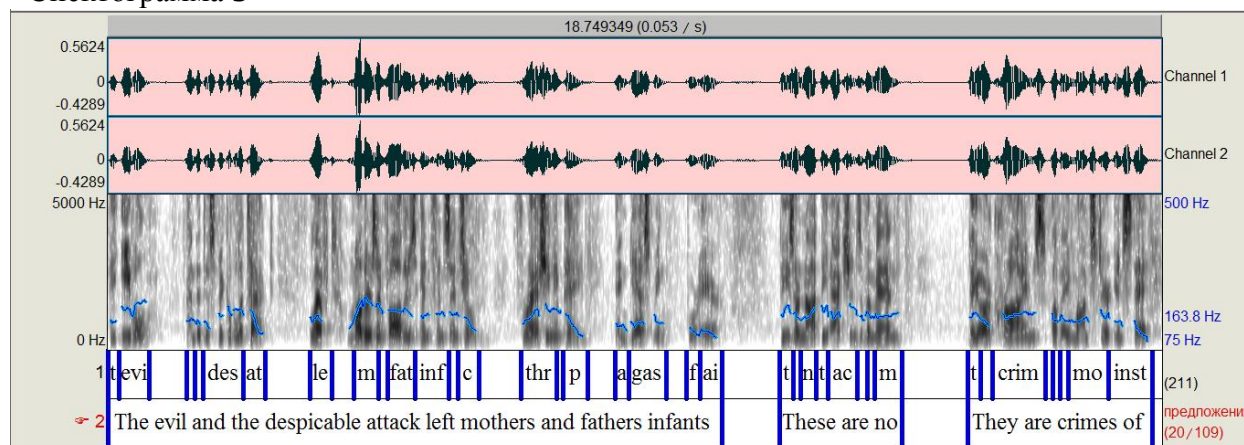
В данной коммуникативной ситуации дается критика действий Сирийского президента Башара Асада, которые не были доказаны или были опровергнуты официальными властями Сирии. В частности, Асад обвиняется в использовании запрещенного химического оружия в отношении своих граждан. Выделенная диктема реализует категорию деструктивности, выражаемую посредством манипулятивной стратегии и тактикой апелляции к чувствам адресата, о чем говорит использование эмоционально-окрашенной лексики: *to slaughter innocent civilians, massacre, that very terrible regime*. Для усиления эмоциональности применяются синонимичные слова (*to slaughter - killing of great numbers of human beings (as in battle or a massacre)*) [4], которые придают высказыванию крайне негативную окраску.

По спектрограмме можно проследить, что в диктеме преобладают высокий нисходящий тон и низкий нисходящий тон в конце. Нисходящий тон придает высказыванию завершенность и определенность в действиях по отношению к ситуации в Сирии. Говорящий хочет выглядеть уверенно в глазах аудитории при решении таких серьезных внешнеполитических проблем, как незаконное применение запрещенного химического оружия.

В данной диктеме обнаруживается замедление скорости речи и увеличение длительности пауз. Говорящий выдерживает долгие паузы перед выделяемыми словами и после, что сигнализирует об эмоциональности высказывания (сожаление, сочувствие). Сфера чувств адресата подвержена большему воздействию, нежели другие сферы человека. По этой причине воздействующий субъект намеренно желает вызвать сильные эмоции у слушателя. Соответствующая интонация лишь увеличивает воздействующий потенциал высказывания.

Часто в публичной речи используется техника пословного акцентирования с целью выделить важную информацию. В данном примере паузами выделены фразы «*in the town of Douma*» и «*by that very terrible regime*», что можно увидеть в спектрограмме. В этом случае говорящий выделяет особо важную информацию, которая помимо этого является неожиданной для аудитории. Пословное акцентирование определенной части диктемы говорящим связано с ее высоким информационным статусом и практически является средством риторического давления [3, с. 201].

Спектрограмма 3

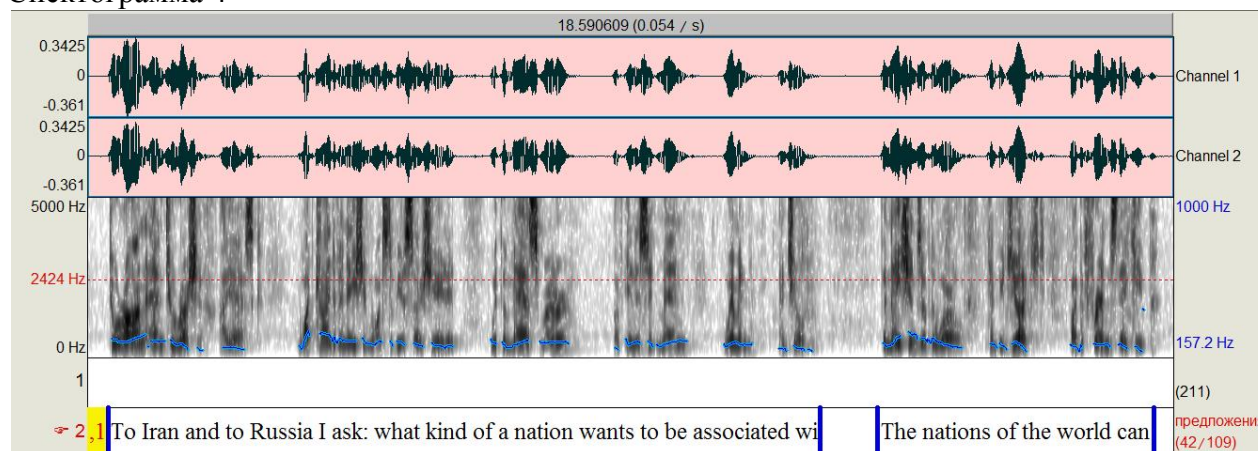
*The **evil** and the **despicable** attack left mothers and fathers, infants and children **thrashing in pain** and **gasping for air**. These are not the actions of a **man**. They are crimes of a **monster** instead* – Зло и жестокие действия заставили матерей и отцов, младенцев и детей мучиться от боли и задыхаться. Это не действия человека, а действия монстра, притворяющегося человеком. [5]

В данном примере мы можем наблюдать категорию дискредитации, реализуемую тактикой обвинения. Говорящий обвиняет политического противника в использовании химического оружия и тщательно выбирая слова, противопоставляет *man* – *monster*. Эмоционально-окрашенная лексика придает оценочность высказыванию.

Диктема характеризуется превалирующими высокими и низкими нисходящими тонами. Только одно предложение отмечено «*These are not the actions of a man*» восходящим тоном в конце, что говорит о его незаконченности, а последующее предложение продолжает и дополняет мысль первого: *They are crimes of a monster instead*.

Интонационные группы выделяются благодаря паузам, сегментирующим речевой поток. В рассматриваемой диктеме представлены синтаксические паузы, выделяющие границы интонационных групп. Длительность пауз примерно одинаковая. Так же использовано пословное акцентирование, при котором говорящий отмечает паузами важную, по его мнению, информацию (*thrashing in pain and gasping for air*). Этот прием лишь увеличивает воздействие на аудиторию.

Спектрограмма 4

*To Iran and to Russia, I ask: What kind of a nation wants to be associated with the **mass murder** of innocent men, women and children? The nations of the world can be judged by the friends they keep* – Я спрашиваю у Ирана и России: Какая нация хочет быть связанной с массовым убийством невинных мужчин, женщин и детей? О нациях можно судить по союзникам, которых они поддерживают. [5]

В данной диктеме реализуется стратегия дискредитации посредством тактики оскорбления. Говорящий применяет коммуникативный ход «Он дружит с N» с целью понизить авторитет объекта дискредитации в глазах своей аудитории. Создаются когнитивные ассоциации с жестоким диктаторским режимом, который поддерживают обе страны, Иран и Россия.

Диктема характеризуется превалирующим низким нисходящим тоном и ровным тоном посередине. Содержится риторический вопрос, который отмечен восходящим тоном в начале и нисходящим в конце, что говорит о законченности предложения, т.е. вопрос на самом деле содержит упрек (тактика оскорбления).

Длительная паузация в выражении «*the mass murder innocent men, women and children*» (массовое убийство невинных мужчин, женщин и детей) передает эмоции говорящего (печаль, сожаление). Темп речи замедленный, что также сигнализирует об эмоциональном оформлении высказывания.

Проведенный анализ звукозаписи показал, что использование той или иной интонации в определенной диктеме обусловлено интонационной техникой и эмоциональностью фрагмента и связано с используемыми тактиками и стратегиями речевого воздействия говорящего.

Список литературы

1. Великая, Е.В., Блох М.Я. Просодия в стилиевой дифференциации языка / Е.В. Великая, М.Я. Блох.- М.: «Прометей» МПГУ, 2008- 256 с.
2. Волкова Я. А. Деструктивное общение в когнитивно-дискурсивном аспекте : Дисс. ... кандид. филол. наук. / Я. А. Волкова. – Волгоград, 2014. – 430с.
3. Кодзасов С.В., Кривнова О.Ф. Общая фонетика.–М.: РГГУ, 2001.–592 с.
4. Merriam-Webster Dictionary [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.merriam-webster.com/>, свободный. – Загл. с экрана. (дата обращения: 09.05.18)
5. President Trump on Syria Strikes. <https://www.nytimes.com/2018/04/13/world/middleeast/trump-syria-airstrikes-full-transcript.html> (Дата обращения 16.04.18)

10.02.01

О.О. Петрова канд. филол. наук

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского,
филологический факультет, кафедра русского языка,
Калуга, poks1990@yandex.ru

СЕМАНТИКА, ГРАММАТИКА И ПРАГМАТИКА «ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ»

Статья посвящена рассмотрению функционирования отрицательных местоимений в русском языке, анализу их лексико-семантических, морфологических и синтаксических особенностей. У некоторых отрицательных местоимений автор выделяет частные значения, не зафиксированные в толковых словарях.

Ключевые слова: *отрицательные местоимения, лексикализация местоимений, семантика, прагматика, грамматика местоимений.*

Семантика и прагматика так называемых отрицательных местоимений изучена недостаточно, хотя была предметом исследований ведущих отечественных и зарубежных учёных (А.В. Исаченко 1965, Е.В. Падучева 1985, О.П. Ермакова 1989 и др.).

Во многих учебных пособиях отрицательные местоимения с *ни-* и с *не-* дифференцируются только с позиций орфографии и формоизменения. Тем не менее семантика, грамматика и прагматика «отрицательных» местоимений представляет несомненный научный интерес.

«Отрицательные местоименные и местоименно-наречные слова с *ни-* и *не-* обладают различными лексико-грамматическими, лексико-семантическими, словообразовательными, морфологическими и синтаксическими особенностями и представляют две существенно различающиеся группы самостоятельных классов слов: отрицательные местоимения как разряд местоимений и слова категории состояния как синкретичный местоименно-предикативный класс» [3: с. 6].

В нашей статье «отрицательные местоимения» - это слова разных частей речи: а) местоименные существительные; б) местоименные прилагательные; в) местоименные числительные; г) местоименные наречия; д) лексикализованные местоимения (т.е. оценочные имена существительные или прилагательные); е) безличные предикативы.

А. Отрицательные местоимения с *ни-* функционируют в отрицательных предложениях: *никак, никакой, никогда, никого, нимало, ниоткуда, нипочем, нисколько, ничего (довольно хорошо,) ничей, ничто, ничуть....*

Языковые автономные отрицательные и определительные местоимения, выражающие лексическую антонимию: *никто – все, никакой – любой (каждый), нигде – везде, никогда – всегда....*, в контексте оказываются лексическими синонимами. Данное явление отмечалось Е.В. Падучевой [5].

Ср. Львов 1984: *Все – Никто*. [4: с. 77].

Строка И. Бродского, включающая отрицательные местоимения в отрицательной конструкции, легко замещается трансформированным эквивалентом с определительными местоимениями-синонимами: «*Никто никогда ничего не знает наверняка*» [И. Бродский]. = *Все всегда всё не знают наверняка*.

При этом отрицательные местоимения могут быть многозначными, что расширяет их семантическое наполнение в контексте и движет в сторону назывных частей речи:

Ср.: Шведова 2011: *Нигде*. Мест. нареч. с последующим отрицанием. Ни в каком месте.

«Изредка попадались мне женские фигуры, но Аси *нигде* не было видно». [И.С. Тургенев]. Значение: 'пространственное'.

«И никто не узнает, как мы ушли, не споткнувшись *нигде*». [И. Жданов]. Значение 'нравственной сферы'.

«Жена не работает, кормит и при этом ещё болеет, а сам, лопух, только и умеет сочинять стихи, которые *нигде* не берут». [К. Симонов]. Значение 'руководство официальных учреждений'.

«... *нигде* не любят Францию так горячо, как в России. [Максим Горький]. Значение 'субъектно-локальное'.

Шведова 2011: *Никак*. Мест. нареч., с послед. отриц. 1. Никаким образом. – Автобусы не ходят, до дома *никак* не добраться. 2. Несмотря на все усилия, старания. – Втроём пытаются сдвинуть камень – *никак*. 3. В сочетании с глаголом или предикативом выражают категоричность или абсолютное отрицание. – Ему *никак* не дашь сорока лет. – *Никак* нельзя (совершенно невозможно).

Дадим свои примеры подачи значений данного слова: *Никак*. Мест. нареч. с отрицанием.

1. Никаким образом. «Ведь солнце не стоит на месте, всё время движется и никак не указывает нужную сторону». [В. Быков].

2. В сочетании со словами с понятийной семантикой выражает абсолютную меру отрицания признака. «Остаться без больных начмеду было *никак* нельзя». [О. Павлов].

Шведова 2011: *Нисколько*. 1. Мест. нареч. с послед. отрицанием. Ни в каком качестве, ни в какой степени. – Не заплатил *нисколько*. – *Нисколько* не обиделся. 2. Частица. Выражает категорическое отрицание. Ты устал? – *Нисколько*.

Словарные статьи слова *нисколько*, с нашей точки зрения, должны быть скорректированы:

1. Мест. нареч. в предл. с отрицанием, обычно последующим. Ни в какой мере.

«Она *нисколько* не походила на своего брата». [И.С. Тургенев].

2. Мест. числит., обычно как ответ на вопрос *сколько?* о чем-л.

— А сколько тебе надо комнат? — ошарашено спросила Мария.

— *Нисколько*. Я не приму такого подарка, мадам. [В. Михальский].

Б. В утвердительных конструкциях отрицательные местоимения с *ни-* лексикализуются. Данное явление толковые словари отмечают.

Шведова 2011: *Никто*. 1. Местоим. отриц., с последующим отрицанием. – *Никто* не хочет. 2. О человеке, не состоящем с кем-н. в родственных или дружеских отношениях, а также о человеке ничтожном, не имеющем никаких достоинств (разг.). – Он мне *никто*. – Он её за *никого* считает.

Лексикализованные местоимения в норме ограничены позицией оценочного предиката. Лексикализуясь, отрицательные местоимения реализуют больший разнообразный спектр частнооценочных значений.

«Нет, там всё тихо. Он мне *никто*». [Н. Берберова]. Значение 'чужой человек'.

«Только разговоры, что компьютерщик, что дело модное и денежное. Он *никто*. Ходит и чинит по знакомству...» [В. Маканин]. Значение 'негативно о человеке, официально не работающем'.

«Как футболист он играть не готов, а как тренер он *никто*. [С. Егоров]. Значение 'плохой профессионал'.

Шведова 2011: *Никакой*. 1. В отрицательных предложениях: ни один из известных. *Никаких* книг он не купил. 2. В сочетании с отрицанием «не»: вовсе не (прост.). – *Никакой* он мне не дядя. – *Никакого* Ваню я не видел. 3. Плохой, совершенно незначительный (разг.). – Шахматист он *никакой*.

Переформулируем словарные статьи, так как они не совсем соответствуют значениям (см., в частности, иллюстрацию к значению 2, которая противоречит толкованию: – *Никакого* Ваню я не видел).

Никакой.

1. Отрицат. мест. прилаг., в предл. с отрицанием. Выражение отрицания чего-л. со стороны его качественных свойств. «Большого труда да и вообще *никакого* труда не составляло пообедать два раза подряд». [Ф. Искандер].

2. Отрицат. мест. прилаг., в предл. с отрицанием. Значение категорического отрицания предмета разговора, о котором что шла или может идти речь. «Злого умысла в этом, конечно, не было *никакого*». [А. Городницкий].

3. Отриц. мест. прилаг. в позиции сказ. (в другой квалификации – личный предикатив). Не соответствующий норме в каком-н. отношении или ожиданиям говорящего.

Данное значение можно разделить на более частные.

«Но честно скажу, как мужик он *никакой!*» Значение ‘никудышный, непутёвый’.

«Он повторял, что лектор он — *никакой*, хуже любого сельского попа. [К.А. Куприна]. Значение ‘плохой профессионал’.

В живой речи: - Приехал ко мне на днях двоюродный брат: *никакой!*

Лексикализованное местоимение в качестве оценочного предиката в данном контексте может реализовать несколько частных значений: 1) ‘уставший, слабый’; 2) ‘в нетрезвом виде’.

Некоторые из исходных местоимений могут быть только лексикализованными единицами, являясь местоимениями только по форме (*нипочём*).

Г. Отрицательные местоименные предикативы с *не-* функционируют в утвердительных предложениях: *негде, незачем, некогда, некого, нечего, некуда...* А.В. Исаченко отнес эти слова к «местоименным предикативам». Он писал: «По своей семантике слова типа *некого, некогда* близки к модальным предикативам, т.к. они выражают модальность... как и модальные предикативы... образуют аналитические формы времени: ... *нечего было делать...*» [2, с. 288]. Данные слова функционируют в предложении в единственной функции – сложного сказуемого в безличной конструкции. У предикативов *некого, нечего* в определенной мере утрачивается значение предметности.

Таким образом, рассмотренные аспекты свидетельствуют о многогранности такого класса слов, как «отрицательные местоимения», демонстрируют неоднозначность в подходах к их изучению.

Список литературы

1. Ермакова О.П. Семантика, грамматика и стилистическая дифференциация местоимений // Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект: суперсегментная фонетика. Морфологическая семантика. М.: наука, 1989. – С. 146 – 158.
2. Исаченко А.В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология, т. I; изд-е второе. Братислава: изд-ство Словацкой Академии Наук. 1965. – 302с.
3. Колмакова М.М. Отрицательные местоимения с *ни-* и *не-*, их статус в системе частей речи. АКД, Таганрог, 1999. – 19 с.
4. Львов М.Р. Словарь антонимов русского языка: Более 2000 антоним. пар / Под ред. Л.А.Новикова.— 2-е изд., испр. и доп.—М.: Рус. яз., 1984.—384 с.
5. Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). М.: Наука, 1985. – 272 с.
6. Русские местоимения: Семантика и грамматика. Межвузовский сборник научных трудов. Владимир: ВГПИ, 1989. – 149 с.
7. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Отв. ред. Н.Ю. Шведова // РАН. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. – М.: Азбуковник, 2011. – 1175 с.

10.02.00

Д.А. Романов канд. хим. наук

Казанский национальный исследовательский технологический университет
кафедра «Иностранные языки в профессиональной коммуникации»,
Казань, dimromanov@rambler.ru

ОШИБКИ ПЕРЕВОДА С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ ЯЗЫК ИМЕННЫХ ГРУПП "PREMODIFIER(S) + HEAD NOUN"

При переводе английских именных групп "premodifier(s) + head noun" на русский язык студентами магистратуры технического профиля возможны следующие основные ошибки: прямой порядок перевода (слева направо) и ложные смысловые связи между словами. Причинами данных ошибок являются недостаточная языковая подготовка в области перевода и недостаток знаний по тематике исходного текста.

Ключевые слова: *английский язык, именная группа, группа существительного, левое определение, перевод.*

Работа с иноязычной научно-технической литературой в техническом вузе, в частности, ее перевод, может быть, во-первых, частью процесса обучения иностранному языку, во-вторых – одним из видов профессиональной иноязычной коммуникации, к которой должен быть готов выпускник. К моменту, когда процесс обучения становится профессионально-ориентированным (уровень магистратуры), базовые знания и навыки в области перевода уже бывают необходимы. При этом переводческие ошибки на этапе магистратуры неизбежны, в первую очередь, потому, что целенаправленное углубленное изучение перевода в техническом вузе возможно, как правило, только в рамках программ профессиональной переподготовки [1, с. 104].

Наблюдения, направленные на выявление ошибок перевода, были начаты в 2010/2011 учебном году и продолжались в последующие годы. Рассматривались учебные переводы научных статей зарубежных авторов, выполненные письменно с английского языка на русский язык студентами магистратуры, обучавшимися по направлению подготовки «Химическая технология» и не проходившими дополнительную языковую подготовку в области перевода.

В данной статье рассматриваются ошибки перевода английских именных групп "premodifier(s) + head noun", используемых в англоязычной научно-технической терминологии.

Интерпретация конструкции и перевод

Большинство составных английских терминов (из двух и более слов) представляют собой конструкцию «левое определение + главное слово», где главное слово – существительное или отглагольное существительное (герундий). Левым определением могут также быть существительное или герундий, но чаще – несколько существительных, иногда в сочетании с другими частями речи (прилагательным, числительным, причастием, наречием). В зарубежных научных работах уточнение (конкретизация) лексического значения главного слова словами, расположенными слева от него, называется "premodification" [5] и в виде конструкции может быть представлено как "premodifier + head noun" [10, с. 1].

Иногда левое определение и главное слово или левые определения между собой соединяются дефисом. Конструкция, состоящая только из главного слова и левого существительного, соединенных дефисом, воспринимается как составное сложное слово и может переводиться на русский язык методом сложения слов при помощи соединительных гласных «о» / «е». Конструкция, состоящая из главного слова и левого определения в раздельном написании или включающая более одного определения (в раздельном или дефисном написании), представляет собой именную группу и должна переводиться на русский язык в соответствии с правилом.

В зарубежной учебной литературе по грамматике английского языка конструкция "premodifier + head noun" может интерпретироваться как "compound noun" и иметь два способа написания "as separate words" и "with a hyphen" [7, с. 108]. В случае раздельного написания конструкция имеет вид "noun + noun" или "-ing noun + noun" ("-ing noun" иначе преподносится как "verbal noun" или "gerund"); в случае дефисного написания – "noun + -ing noun" [7, с. 108]. Данная конструкция, часто из большого количества слов, также преподносится как "noun group" [3, с. 4] или "noun phrase" [8, с. 86]. Левое определение, имеющее вид устойчивого выражения, все элементы которого соединены между собой дефисом, преподносится как "hyphenated phrase" [7, с. 110].

В отечественной литературе по переводу с английского языка именная группа "premodifier + head noun" подробно описана у Докштейн и соавт. как «группа (цепочка) существительного с левыми определениями» [2, с. 385–388]; там же дано правило ее перевода на русский язык. Согласно правилу, перевод заключается в установлении смысловых отношений между словами, начиная с главного слова, в обратном порядке (справа налево). Левые определения, переводимые на русский язык существительными, в переводе выстраиваются справа от главного слова; определения, переводимые другими частями речи – в соответствии с нормами русского языка.

Если английская именная группа состоит из трех и более слов, смысловая связь между словами в группе может быть последовательной (от слова к слову, начиная с главного), параллельной (от главного слова к каждому из определений) или смешанной. Смысловая связь становится очевидной, если существительное-определение имеет притяжательный аффикс 's / ' или между определениями есть дефис. Например, два левых определения, соединенных дефисом, могут представлять собой единую смысловую группу и переводиться на русский язык слитным сложным словом посредством соединительной гласной. Если левым определением является синтаксически устойчивое выражение – группа соединенных дефисом слов (например, существительные в сочетании с артиклем, предлогом или союзом), определять смысловые отношения внутри такой группы не требуется; при этом само выражение обычно переводится на русский язык известным словом или устойчивой фразой.

Ошибки перевода и их обсуждение

Исходный текст: ...the authors suggest future research directions... [4].

Перевод: ... авторы предлагают будущие исследования направления...

Попытка установить смысловые отношения в именной группе future research directions слева направо является ошибкой. Как следствие, смысловая связь между словами research и directions установлена неправильно.

Прямой порядок перевода (слева направо) при установлении смысловых отношений в именной группе с левыми определениями – типичная ошибка, допускаемая из-за недостаточной языковой подготовки в области перевода.

Исходный текст: The effect of tin on a platinum dehydrogenation catalyst is much more significant...[6].

Перевод: Влияние олова на катализатор дегидрирования платины ...

Несмотря на правильный (обратный) порядок перевода именной группы platinum dehydrogenation catalyst, при установлении смысловых связей допущена ошибка: слово platinum не может быть определением к слову dehydrogenation (так как платина – это металл, используемый в качестве катализатора реакций дегидрирования). Иначе говоря, выбор в пользу последовательной связи слов в данной группе оказался ошибкой.

Ошибки при установлении смысловых связей между словами в именных группах с левыми определениями – это проблема, с которой сталкиваются студенты, которые плохо разбираются в тематике исходного текста.

Исходный текст: The identification of the most prominent oil pan natural vibration modes...[9]

Перевод: Выявление наиболее видных масляный поддон собственным формам колебаний...

На фоне попытки установить смысловые отношения в именной группе *the most prominent oil pan natural vibration modes* слева направо (вопреки правилу) бросается в глаза частичное отсутствие по ходу перевода подчинительной синтаксической связи. Другими словами, не установлены смысловые отношения между группами слов *the most prominent, oil pan* и *natural vibration modes*. Более того, смысловая принадлежность слова *natural* к слову *modes* не является единственно верной и требует уточнения.

Нарушение подчинительной синтаксической связи в переводе наводит на мысль об использовании машинного перевода, так как, даже нарушая порядок перевода или устанавливая ложные смысловые связи, студент все-таки стремится связать слова в соответствии с нормами русского языка (как видно из предыдущих примеров).

Таким образом, при переводе именных групп "*premodifier + head noun*", вследствие недостаточной языковой подготовки в области перевода и/или недостатка знаний по тематике исходного текста, возможны следующие основные ошибки – прямой порядок перевода (слева направо) и ложные смысловые связи между словами.

Список литературы

1. Романов Д. А. Ошибки перевода с английского языка на русский язык инфинитивной конструкции "*passive verb / link verb + to-infinitive*" // Казанская наука. 2018. № 4. С. 104–106.
2. Докштейн С. Я., Макарова Е. А., Радоминова С. С. Практический курс перевода научно-технической литературы (английский язык). Изд. 3-е, исправл. М. : Воен. изд-во, 1973. 448 с.
3. Collins COBUILD Student's Grammar : Self-study edition with answer key. 1st ed. London : HarperCollins Publishers, 1991. 263 p.
4. Doherty B., Haugh H., Lyon F. Social Enterprises as Hybrid Organizations: A Review and Research Agenda // Int. J. Manag. Reviews. 2014. Vol. 16, Iss. 4. P. 417–436.
5. Feist J. Premodifiers in English : Their structure and significance. Cambridge : Cambridge University Press, 2012. 288 p.
6. Garba M. D., Jackson S. D. Catalytic upgrading of refinery cracked products by trans-hydrogenation: a review // Appl. Petrochem. Res. 2017. Vol. 7, Iss. 1. P. 1–8.
7. Hewings M. Advanced Grammar in Use : A self-study reference and practice book for advanced learners of English. 8th printing. Cambridge : Cambridge University Press, 2002. 340 p.
8. Hewings M. Advanced Grammar in Use : A self-study reference and practice book for advanced learners of English. 3rd ed. Cambridge : Cambridge University Press, 2013. 294 p.
9. Nuffer J., Bein T. Application of piezoelectric materials in transportation industry // Global Symp. on Innovative Solutions for the Advancement of the Transport Industry : paper (San Sebastian, Spain 4-6 October 2006). San Sebastian, 2006. P. 1–11.
10. Ryšavá A. Noun phrase in English : Its form, function and distribution in text : diplomová práce. Olomouc, 2012. 87 p.

10.02.00

Н.С.Синицына

Алтайская государственная педагогическая академия, Лингвистический институт,
Барнаул, knaties@mail.ru

ИЗМЕНЕНИЕ СТЕПЕНИ КАТЕГОРИЧНОСТИ ВЫСКАЗЫВАНИЯ

Статья посвящена исследованию изменения степени категоричности высказывания в английском языке. Анализ языковой фактологии подтверждает значимость предикатного полинома для передачи значения императивности, что позволяет продемонстрировать его ведущую роль в ряду иных разноуровневых языковых форм передачи категоричности. Анализируется семантика глаголов в составе полиномной конструкции, позволяющая с прагматической точки зрения обозначить отношение говорящего к ситуации, раскрыть его намерения, дать оценку происходящему.

Ключевые слова: *категоричность, императивность, предикация, бином, полином.*

Интерпретация содержательной стороны высказывания – речевого отрезка, созданного в ходе конкретного речевого акта, представляет собой многоаспектный процесс, предполагающий анализ контекста ситуации, дейксиса, пресуппозиции и других данных, передаваемых параязыковыми средствами коммуникации. Оказывая прагматическое воздействие, высказывание регулирует поведение адресата, реализует конкретное коммуникативное намерение, эксплицитно раскрывающее или имплицитное основную цель высказывания. Характер такого прагматического воздействия определяется тремя основными составляющими: содержанием, интенцией и воспринимающим рецептором [3], основной задачей которых является, как правило, создание положительного речевого акта, представляющего собой один из главных механизмов регулирования взаимоотношений между собеседниками. Возможности вербального воздействия особенно эффективны в рамках диалогического общения: наличие знаний об особенностях поведения реципиента позволяет выбрать нужную стратегию, предопределяющую во многом характер категоричности всего речевого акта.

Универсальная модель речевого акта основывается на принципах вежливости и кооперации [2], интегральных, универсальных моделях, способствующих гармонизации любого вида высказывания. Нарушение их взаимодействия приводит к изменению вектора шкалы категоричности высказывания – от корректности, осторожности и стремления к согласию к демонстрации полной уверенности и решительности говорящего, его твердости, ультимативности и однозначности сказанного. С прагматической точки зрения категоричность отождествляется с безапелляционностью, поэтому собеседник полностью уверен в себе и своих словах, пренебрегает взглядами окружающих. Как правило, коммуниканты желают избежать резких проявлений чувств, ввиду чего стремятся снизить императивность речевого акта, отдавая предпочтение стремлению к согласию и корректности речи, что соответствует понятию некатегоричности (understatement) высказывания, осторожности и сдержанности в выражении мыслей. Таким образом, представляется возможным отметить оппозитивную структуру категории с четко выраженным противопоставлением: уверенность-сомнение, решимость-осторожность, однозначность-многозначность.

Репрезентантом категории категоричности в языке является категоричное высказывание, созданное с целью побуждения собеседника к определенным действиям. Языковая форма выражения категоричности, в таком случае, может быть представлена следующими речевыми актами: приказом, просьбой и пожеланием [1], имплицитными разными коммуникативными установками, и, как следствие, демонстрирующими вариантный характер категоричности высказывания.

Подразумеваемая обязательное для исполнения волеизъявление, приказ представляет собой прямолинейное, однозначное и полное уверенности категоричное высказывание, не допускающее возражений и иных толкований. Адресат обычно интерпретирует сообщение как приказ, опираясь на ситуацию и социальные роли собеседников. В некоторых поведенческих ситуациях, приказ может быть воспринят как волеизъявление ввиду несдержанности адресанта, невежливости и пренебрежения мнением окружающих.

Одна из разновидностей форм приказа – указание передает наставление, разъяснение дальнейших действий, подразумевающее соподчинение в рамках коммуникативной ситуации и предполагающее выполнение ряда определенных действий.

(1) *The lessons **must go on!** She **must swallow down** her scruples, and June **must put her feelings in her pocket*** [6: 682].

(2) *The House **must be** in good style, something that **would always be certain to command a price, something unique, like the last house of Parkers...*** [6: 115].

Высокая степень категоричности высказывания, эксплицирующая полную убежденность в своей правоте и правильности выводов (1) достигается благодаря многократному употреблению модального глагола *must* в рамках предикатного биннома. Значение модального глагола подразумевает необходимость выполнения действия, т.е. изначально отождествляется с категоричностью, однако в сочетании с наречием *always* и прилагательным *certain* (2) усиливает свою значимость и понимается как абсолютная уверенность, не предполагающая и не допускающая возражений по поводу сказанного.

Просьба представляет собой экспликацию желания или намерения, сформулированного таким образом, что у адресата есть возможность альтернативного решения: согласия или несогласия. В языковом выражении существует два способа передачи просьбы: прямой, отличающийся особой категоричностью, передаваемой с помощью императива, наглядно демонстрирующего желание говорящего и косвенный, оставляющий собеседнику полную свободу выбора в вопросе выполнения действия [4]. При выражении просьбы также могут использоваться вводные слова: *please, expressively, probably*. Значение в таком случае передается различными лексическими единицами, структурирующими лексико-семантическое поле с доминантой «просьба»: *to ask* (ядро поля) *to appeal, to invite, to implore, to call, to supply, to request, to entreat, to supplicate, to beg*, распределяемыми в зонах перехода от центра поля к его периферии по критериям степени эмоциональной экспрессии или степени категоричности. При этом сложные грамматические конструкции, например, «сложное дополнение» (Objective-with-the-Infinitive construction) – *I want you to come* (4) может звучать как категоричное предложение, имплицитная просьба (приглашение присоединиться к действию) или как констатация факта. В таких случаях интерпретация степени категоричности зависит от более широкого вербального контекста или конситуации общения.

(3) *«No, **don't call her**, please, Monsieur will have supper! »* [6: 752].

(4) *«I **want you to come out to the Stores with me, and after that we'll go to the Park?** »* [6: 401].

Репрезентация просьбы предполагает разную вариацию степени категоричности высказывания. Выбор грамматической конструкции отражает предпочитаемую стратегию говорящего, его интенцию и желание, раскрывает взаимоотношения между участниками диалога (дискуссии) и демонстрирует потенциальные возможности дальнейшего развития ситуации. Адресант может прямо выражать свою волю, однако при этом имплицитно разную тональность сообщения: от настойчивой просьбы-призыва не совершать определенное действие (3) до просьбы-приглашения, предоставляющую возможность проанализировать ситуацию и подумать над ответом (4).

Менее категоричным способом выражения мыслей и взглядов адресанта является пожелание, влияющее на действия собеседника на интуитивном, подсознательном уровне восприятия действительности. Пожелание не предполагает прямого призыва, побуждения к действию, но косвенно подталкивает собеседника к принятию нужного решения. Понятия

просьбы и пожелания связаны между собой семантически. Дифференциация, как правило, заключается в грамматическом построении и ситуативном контексте. Просьба актуализируется в вопросительных предложениях, предполагая диалогическое единение с собеседником, значение пожелания, наоборот, принимает форму сугубо информативного высказывания, не всегда напрямую связанного с адресатом и не предполагающего непосредственной речевой реакцию или ответного действия (5).

(5) *«I'd like to take Val with me and introduce him»* [6: 745].

(6) *«I desire to see neither you nor your son if this marriage comes about»* [6: 1693].

Градационная шкала от наибольшей категоричности к наименьшей, т.е. от значения приказа к значению пожелания, демонстрирует существенное изменение характера категоричности высказывания. Снижение императивности речевого акта подразумевает новые возможности коммуникативного воздействия на собеседника, что способствует достижению поставленных адресантом целей и задач.

Специфика актуализации значения категоричности (намерения, желания, просьбы, побуждения, суждения в целом) в процессе коммуникации во многом предопределяется особенностями национального характера, речевым этикетом и культурой речи конкретной лингвокультуры. Реализация норм речевого общения соответствует коммуникационным ценностям нации. Вежливость, деликатность и толерантность характерны для британского национального характера [5], эти качества отождествляются с некатегоричными высказываниями в репрезентации мнения, оценки и взглядов. В связи с этим, использование всех средств и методов актуализации некатегоричности приобретает ключевое значение для целенаправленной и эффективной коммуникации.

Смягчение палитры оттенков категоричности высказывания может быть достигнуто за счет актуализации различных языковых средств всех уровней. Так, на фонетическом уровне изменение тона интонации способствует снижению напряжения в общении, а правильная расстановка акцентов в коммуникативной модели позволяет высказыванию звучать более вежливо и доброжелательно. Наиболее продуктивными способами демонстрации категоричности/некатегоричности остаются, как правило, лексические языковые средства.

Наиболее многочисленную группу языковых единиц, выражающих высокую степень категоричности, составляют модальные глаголы (*may/might, can/could, must, will/would, ought to, need, should*) и глаголы мыслительной активности (*to think, to believe, to suppose, to imagine*) в составе полиномной конструкции, представляющей собой эксплицитный способ передачи мнения говорящего о происходящих событиях. В случае конвергенции приемов экспликации категоричности, наличия в структуре предложения интенсификаторов, лексических единиц подобной семантики высказывание может приобретать как более мягкий прагматический оттенок (7), так и более жесткий, в зависимости от собственно лингвистических или экстралингвистических – гендерные типы, возрастные рамки, характер связывающих коммуникантов отношений и их социальный статус, интенциональность (9).

(7) *I really think you might tell me* [6: 1464].

(8) *I must see about his clothes, she said to Imogen; I can't have him going up to Oxford all anyhow* [6: 725].

(9) *I dare say you're dull at home* [6: 91].

Выступая в качестве актуализирующих элементов предложения, предикатные биномы такого типа характеризуют сообщение с субъективно-модальной стороны: адресант субъективирует мнение и оценку, таким образом, побуждая собеседника разделить свою позицию (7,8). Использование в речи устойчивого выражения с модальным глаголом *dare say* (9) нацелено на усиление эффекта категоричности и демонстрирует настойчивость и прямолинейность говорящего.

Распространенным способом снижения категоричности высказывания является включение в полиномный предикат модальных частиц *hardly, scarcely*, имплицитных значение неуверенности и смягчающих тем самым безапелляционность высказывания.

(10) ... *was still a delight which she hardly attempted to share with Val* [6: 1350].

(11) *On such day even British workmen scarcely carried to do more than they were obliged* [6: 273].

Модальные наречия *hardly, scarcely*, включаемые в структуру предикатного бинорма, в силу своей собственной системной семантики (согласно дефинициям токовых словарей, «used to qualify a statement by saying that it is true to an insignificant degree») придают высказыванию статус неуверенного утверждения, стирая его прямолинейность, или определенной (достаточно высокой) степени сомнения в его правомерности, адекватности референтной ситуации. В интерпретации такие высказывания характеризуются как имплицитные отрицание, что, отметим попутно, влечет за собой определенные структурные изменения в разного рода трансформационных процедурах, в частности, в формировании разделительного вопроса. Использование модификаторов со значением сомнения и сожаления: *maybe, perhaps, probably, possibly* также привносит в высказывание долю сомнения в возможности или необходимости выполнения определенного действия. Подобные высказывания звучат, как правило, более вежливо и деликатно, что и позволяет регулировать характер категоричности конкретного отрезка речи.

Представленный обзор и краткий анализ языковой фактологии позволяет сделать следующие выводы. 1. Степень категоричности высказывания представляет собой регулируемый модус представления референтной ситуации. 2. Язык обладает определенным набором системных единиц разных уровней, в том числе и фонетических (интонационных), введение в структуру предложения которых изменяет его прагматическую направленность и коммуникационный статус. 3. Выбор средств для конкретизации степени и характера категоричности зависит от лингвокультурного фона, ситуации общения и социального статуса участников. 4. Ключевую роль для реализации императивности играют полиномные предикаты – двукомпонентные структуры, позволяющие с прагматической точки зрения в полной мере обозначить отношение говорящего к ситуации, раскрыть его намерения, дать оценку происходящему. 5. Структурно-содержательный анализ предикатного бинорма (*want to do / must do*), предикатного тринорма, представляющего собой расширение бинормной конструкции введением наречий с семантикой сомнения (*hardly, scarcely, barely, almost*) и интерпретация контекстной ситуации способствует определению выбранной адресантом стратегии воздействия, является формой выражения уверенности автора, методом воздействия на сознание собеседника путем изменения степени категоричности высказывания, его убежденности и однозначности.

Список литературы

1. Бигунова Н.А. Комбинаторность речевых актов положительной оценки с другими речевыми актами // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2014. - №1. – С. 454-461.
2. Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. – 1985. - №16. – С. 217-237.
3. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение: учеб. пособие. – М.: ЭТС, 2004. – 424 с.
4. Серль Дж. Р.. Основные понятия исчисления речевых актов // Новое в зарубежной лингвистике. – 1986. - №18. – С. 465.
5. Ball W.J., Understatement and Overstatement in English. – М.: English Language Teaching, 1980. – 435p.
6. Galsworthy John, The Forsyte Saga. – The Floating Press, 1980. – 1746p.

10.02.04

А.Е. Фалилеев канд. культурологии

Мордовский государственный педагогический институт,
факультет иностранных языков,
кафедра английского и немецкого языков и методик обучения,
Саранск, fae3@mail.ru

МЕТОДИЧЕСКАЯ РАЗРАБОТКА УПРАЖНЕНИЙ ПО ДОМАШНЕМУ ЧТЕНИЮ ПО ПРОФИЛЮ «ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК» ДЛЯ СТУДЕНТОВ-БАКАЛАВРОВ¹

В данной статье доказывается мысль о том, что в методике преподавания иностранного языка важна работа над чтением. Студент, овладевший в достаточной степени чтением как одним из видов речевой деятельности, сможет не только беспрепятственно знакомиться с произведениями зарубежной литературы, но и повысить уровень своей иноязычной культуры. В статье приводится методическая разработка упражнений по домашнему чтению на иностранном языке.

Ключевые слова: *методика, методическая разработка, система упражнений, домашнее чтение, иностранный язык.*

Авторы статьи «Pedagogical Conditions of Multilevel Foreign Languages Teaching in Pedagogical Higher Education» утверждают, что вовлечение России в мировой экономический и культурно-образовательный процесс связан с повышением уровня владения иностранным языком [2]. В этой связи представляется актуальным изучение иностранного языка в высшем учебном заведении.

Что касается факультета иностранных языков, то здесь важно обращать внимание на различные аспекты и виды речевой деятельности. Чтение является одним из таких видов. Чтение на иностранном языке имеет особую важность для студентов-бакалавров, поскольку не все имеют возможность непосредственно общаться с носителями языка и читать на иностранном языке художественную и публицистическую литературу. В процессе изучения иностранного языка студенты приобщаются не только к новому способу коммуникации, но и к культуре народа, говорящего на изучаемом языке. Изучение языка через диалог культур необходимо осуществлять постоянно.

Занятия по домашнему чтению служат своеобразным дополнением в обучении иностранным языкам, поскольку язык и стилистика художественных произведений соответствуют нормам современного литературного языка, а значит, являются своего рода образцом. Домашнее чтение связано не только с овладением культуроведческой компетенцией, но и с увеличением объема лексического материала.

Хотелось бы отметить, что есть много видов упражнений, направленных на развитие навыков всех видов деятельности: чтения, говорения, аудирования, письма. Все они несут типовой характер и применимы к любой педагогической ситуации. Например, можно подготовить наглядный материал с новыми словами и выражениями без перевода, чтобы предложить студентам перевести новые слова самостоятельно, обучая, таким образом, работе со словарем. Можно подобрать видео- и аудиоматериалы к выбранному художественному тексту и поработать над фонетикой, отработать произношение новых слов или прослушать чтение книги носителем языка, использовать новую лексику, дискутируя или просто отвечая на вопросы по прочитанному материалу.

¹ Работа выполнена в рамках гранта на проведение научно-исследовательских работ по приоритетным направлениям научной деятельности вузов-партнёров по сетевому взаимодействию (ФГБОУ ВО ЮУрГТТУ и МГПИ)

Однако следует предложить упражнения, которые бы помогли не просто прочитать текст и понять прочитанное, но и соотнести его с эмоциональной сферой. Так, Л. А. Лазутова утверждает, что для того, чтобы студент на высоком уровне овладел иностранным языком, необходимо использовать методику, связанную с восприятием учебного материала посредством эмоций [3].

Приведем следующие авторские упражнения. В качестве материала будет служить первая глава адаптированного варианта произведения Марка Твена «Приключения Тома Сойера». Данные упражнения по домашнему чтению направлены на развитие произносительных, лексических и грамматических навыков. Комплекс упражнений, представленный в рамках данной работы, разработан с учетом всех особенностей студентов-бакалавров, является максимально адаптированным и, конечно же, соответствует одному из требований, предъявляемых к методическим материалам, а именно – имеет широкий практический интерес.

Для работы на первом этапе мы предлагаем упражнения, направленные на развитие лексического аспекта. Простые задания формата «read and translate» способствуют снятию трудностей перед прочтением текста. Например,

Task 1.

Read and translate:

1. adventure [əd'ventʃə] – приключение;
2. to be angry ['æŋɡrɪ] – злиться;
3. to paint the fence [peɪnt ði: fens] – красить забор;
4. to get water [get 'wɔ:tə] – набрать воды;
5. in the yard [ɪn ði: jɑ:d] – на дворе, во дворе;
6. to be surprised [sə'praɪzd] – удивиться;
7. to come out [kʌm aʊt] – выходить.

Task 2.

Make up your own sentences using the words and phrases from the Task 1.

Используя слова и выражения из первого задания, придумайте свои предложения. (Упражнение направлено на первичное закрепление новой лексики). Текстовый этап заключается непосредственно в чтении и переводе текста. В данном случае мы нацеливаем студентов на чтение, включающее полное понимание текста. Третий, послетекстовый, этап заключается в проверке понимания прочитанного. Например:

Task 3.

Match the character and the action:

1	Tom	A	...was angry.
2	Ben	B	...was going to get water.
3	Aunt Polly	C	...painted the fence three times.
4	A new girl	D	... wanted to paint the fence too.
5	Boys	E	...stayed in the yard and ate fruits.
6	Jim	F	...had yellow hair and blue eyes and was very beautiful.

После того, как студенты познакомились с текстом, можно предложить задания по аудированию, проверить, насколько успешно они распознают отдельные лексические единицы в речи носителя изучаемого языка. Например, прослушайте и заполните пропуски:

Task 4.

Listen to the recording and fill in the gaps.

water Friday dead bad aunt fence river friend

Tom Sawyer lived with his 1 _____ because his mother and father were 2 _____. Tom didn't like going to school, and he didn't like working. He liked playing and having adventures. One 3 _____, he didn't go to school - he went to the 4 _____. Aunt Polly was angry. "You're a 5 _____ boy!" she said. "Tomorrow you can't play with your friends because you didn't go to school today. Tomorrow you're going to work for me. You can paint the 6 _____." Saturday morning, Tom was not happy, but he started to paint the fence. His 7 _____ Jim was in the street.

Tom asked him, "Do you want to paint?" Jim said, "No, I can't. I'm going to get 8 _____."

Стоит обратить внимание на грамматический строй текста, от какого лица и в каком времени ведется повествование. Таким образом, мы тренируем и закрепляем грамматические навыки, полученные на занятиях по иностранному языку. Например:

Task 5.

Fill in the gaps:

1. One Friday, he _____ (don't / didn't) go to school – he _____ (go / went) to the river.
2. «I have some fruit. _____ (Do / Did) you want it?»
3. They _____ (paint / painted) the fence three times.
4. «_____ (Do / Did) you paint the fence?» she asked. «Yes, I did,» Tom answered.
5. Then he _____ (walked / walk) home again.

Заключительным заданием по тексту может стать краткий пересказ его содержания. Такие упражнения тренируют память, монологическую речь, способность резюмировать. Это задание – своеобразный контроль понимания текста и усвоения знаний.

Данные упражнения были апробированы в рамках учебной дисциплины «Практический курс английского языка» для студентов-бакалавров 3 курса факультета иностранных языков.

В результате выполнения данных упражнений студент не только мотивирует себя на более глубокое изучение иностранного языка, но и, несомненно, повышает свой уровень владения такими аспектами языка, как грамматика, фонетика, лексика, а также овладевает основными видами речевой деятельности: чтением, говорением, письмом, аудированием. Кроме того, формируется лингвистическая и лингвострановедческая компетенции, а также повышается уровень знания иноязычной культуры, что может говорить о лингвокультурологическом аспекте занятий по иностранному языку. Знания в области лингвокультурологии включают как лингвистические навыки и умения, так и знакомство с иноязычной культурой [1].

Список литературы

1. *Фалилеев А.Е.* Лингвокультурологический аспект изучения иностранного языка // *Kurikulum (elmi metodik jurnal)*. – 2014. – № 4 (28). – С. 106-109.
2. *Kadakin V.V., Shukshina T.I., Piskunova, S.I., Babushkina L.E. & Falileev A.E.* (2016). Pedagogical Conditions of Multilevel Foreign Languages Teaching in Pedagogical Higher Education. *International Journal of Environmental and Science Education*, 11(14), pp. 6603-6615
3. *Lazutova L.A., Falileev A.E.* Using of google resources for formation students' lexical skills teaching foreign languages at language faculties, *The Humanities and Education*, 2016, No. 2 (26), pp. 89–91. (in Russian)

10.02.04

А.А. Фомин

Кемеровский государственный университет,
институт филологии, иностранных языков и медиакоммуникаций,
кафедра английской филологии,
Кемерово, anatoly.formean@gmail.com

ФРЕЙМОВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ТАКТИЛЬНО-ЗРИТЕЛЬНОЙ СИНЕСТЕЗИИ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНОВ Н. ГЕЙМАНА)

В статье рассматриваются вербализованные синестетические ощущения, которые сочетают в себе обычное зрительное ощущение совместно с другим, дополнительным тактильным ощущением. Явление синестезии исследуется с точки зрения теории фреймов. Анализу подвергаются репрезентации тактильно-зрительного восприятия.

Ключевые слова: *синестезия, синестетические сочетания, субфрейм, фрейм.*

Данное исследование посвящено проблеме вербализации перцептивных (тактильных и зрительных) качеств объектов окружающего мира в явлении синестезии. Мы впервые исследуем синестезию сквозь призму когнитивного подхода, применяя теорию фреймов, что объясняет новизну исследования. Целью исследования является определение когнитивных особенностей синестетических сочетаний в англоязычных художественных текстах. Для достижения поставленной цели предполагается решение следующих задач: 1) определить фреймовые основания явления синестезии; 2) выявить лексемы синестетических сочетаний, репрезентирующих тактильное и зрительное восприятие; 3) установить особенности расположения фреймовых слотов, в которые входят данные лексемы.

Рассмотрение процессов восприятия с позиции фреймов позволяет установить особенности языковой репрезентации ментальной деятельности человека, что объясняет актуальность исследования ввиду интереса ученых к проблеме изучения процессов, связанных с памятью, вниманием, мышлением и восприятием.

Взаимодействие человека с объектами действительности становится возможным благодаря органам чувств, которые определяют способы его мировосприятия (зрительное, слуховое, обонятельное/ ольфакторное, вкусовое, тактильное). Помимо данных способов восприятия (перцепции) существуют такие, когда при получении перцептивной информации об объекте или явлении задействуются нетипичные органы чувств, например, при восприятии цвета задействуется слуховое восприятие («кричащий цвет») или при восприятии звука – тактильное («мягкий звук»). Такой феномен совмещенного восприятия именуется синестезией.

Согласно точке зрения Г. Мартино и Л. Маркса, следует разграничивать сильную и слабую (лингвистическую) синестезию [9]. Сильная синестезия представляет собой «задействование одной перцептивной модальности при внешнем воздействии на другую перцептивную модальность» [9, с. 62-63]. Лингвистическая синестезия – это «кросс-сенсорное соответствие перцептивного сходства и перцептивного взаимодействия в процессе обработки информации, выраженное при помощи языковых средств» [99, с. 61].

Благодаря лингвистической синестезии возможно отражение многообразия мира в сжатой и лаконичной форме. Большие объемы данных об окружающей действительности хранятся в относительно небольших «контейнерах» – «слотах» благодаря их специальной организации [2]. Такие данные содержатся в структуре, которую М. Минский называет фреймом. Группы фреймов, семантически близкие друг к другу, имеющие в своем составе идентичные слоты, объединяются в систему фреймов. Для системы фреймов свойственна строгая организация: эта система состоит из иерархически упорядоченных элементов и помимо фреймов в нее входят субфреймы и суперфреймы (иерархия от меньшего к большему) [2, с. 7].

Рассматривая процессы восприятия как когнитивные процессы с фреймовой организацией, можно говорить о том, что перцепция соответствует суперфрейму, разновидности перцепции (слуховая, зрительная, ольфакторная, вкусовая, тактильная) – фреймам, а уточнение этих разновидностей – субфреймам (например, температура и консистенция представляют собой уточнение тактильной перцепции, свет и цвет – зрительной). Слоты фреймов и субфреймов перцепции заполнены перцептивными лексемами, репрезентирующими способы восприятия окружающего мира.

Номинации тактильно-зрительных синестетических сочетаний подвергаются анализу с точки зрения фреймовой организации явления синестезии в языке. Выбор материала обоснован известностью современного англоязычного писателя жанра фэнтези Н. Геймана, в текстах которого репрезентируются необычные перцептивные процессы, характерные для нереального мира. Выбор тактильно-зрительной синестезии обоснован преобладанием зрительного способа мировосприятия: согласно данным медицинских, психофизиологических и психологических исследований, около 80% информации о своем окружении человек получает при помощи органов зрения [1].

При помощи приема сплошной выборки из текстов произведений Н. Геймана было отобрано 416 синестетических сочетаний, из которых 65 сочетаний относятся к тактильно-зрительной синестезии. В таких сочетаниях перенос значения осуществляется из фрейма, репрезентирующего осязательное восприятие во фрейм, отражающий визуальное восприятие. В 55 синестетических сочетаниях (85%) рядом со слотами температурного субфрейма концентрируются слоты зрительного фрейма. Данные слоты заполнены лексемами, связанными с температурным и зрительным восприятием. Приведем ряд примеров слотов температурного субфрейма при зрительном восприятии (тактильно-зрительная синестезия):

1) chill – “... *the light*. And then it was *dark*, and *chill*...” [7]; 2) cool – “a *cool green shade*” [6]; 3) flame – “*odd-colored eyes, green and blue and flame*” [7]; 4) frozen – “*frozen spears of light*” [3]; 5) warm – “*warm light*” [7].

Данные температурные характеристики тактильного фрейма экстраполируются на визуальные характеристики зрительного фрейма, репрезентированные лексемами зрительного восприятия. Приведем ряд примеров слотов зрительного фрейма при зрительном восприятии (тактильно-зрительная синестезия):

1) blackness – “*chill blackness*” [3]; 2) blue – “*blue with cold*” [Gaiman 2013]; 3) brown – “*warm brown*” [3]; 4) eye – “*cold eye*” [3]; 5) gaze – “*Her gaze went so icy*” [6]; 6) glare – “*icy glares*” [4]; 7) glint – “*icy glint*” [4]; 8) glow – “*cold glow*” [4]; 9) grey – “*frosted grey*” [5]; 10) light – “*cold light*” [4]; 11) look – “*looked cold*” [3]; 12) luminescence – “*cold green luminescence*” [4]; 13) stare – “*De Carabas stared at her, coldly*” [7]; 14) twinkling – “*chill twinkling of stars*” [4].

Высокая степень концентрации различных слотов зрительных фреймов около слотов температурных субфреймов позволяет говорить о центральном положении этих субфреймов. Они выступают «ядром» синестетического тактильно-зрительного фрейма, отражающего осязательные и визуальные характеристики окружающей действительности. Центральное положение температурного субфрейма и периферийное положение зрительного фрейма накладывает ограничение на число и тип потенциально возможных перцептивных лексем в их слотах. Подобное регламентирование структуры и способов организации совокупности объектов свидетельствует о категориальной природе синестезии, отражая структурированность и иерархичность процессов восприятия.

Наиболее значимые признаки категории, выделяющиеся на фоне остальных признаков, сосредоточены в центре фреймов, поэтому рассмотрение центральных и периферийных элементов категории, дает возможность определить границы категории и более подробно охарактеризовать саму категорию, в нашем случае – категорию зрительной синестезии.

Таким образом, существует самостоятельная категория лингвистической синестезии с фреймовой организацией, которая репрезентируется синестетическими сочетаниями. Тактильный и зрительный синестетические фреймы (как и слуховой, ольфакторный и вкусовой) не эквивалентны соответствующим перцептивным фреймам, поскольку первые содержат больший объем перцептивных характеристик: помимо первичной номинации перцептивных качеств в них отмечается вторичная перцептивная номинация. Из этого следует, что лингвистическая синестезия – это отдельная самостоятельная категория, связанная с категорией восприятия на наиболее общем уровне и имеющая свои специфические особенности. Для тактильно-зрительной синестезии такой особенностью является преобладание температурных лексем в синестетических сочетаниях, отражающих визуальный способ мировосприятия.

Список литературы

1. Барабанщиков В.А. Субъект и объект восприятия / В.А. Барабанщиков // *Epistemology & Philosophy of Science*. – 2006. – №1. – Т.7. – С. 57-58.
2. Минский М. Фреймы для представления знаний / М. Минский / пер. с англ. / под ред. Ф.М. Кулакова. – М.: Энергия, 1979. – 152 с.
3. Gaiman N. American Goods [Электронный ресурс]. – URL: <https://clck.ru/DaasX> (дата обращения 13.05.2018).
4. Gaiman N. Anansi Boys [Электронный ресурс]. – URL: <https://clck.ru/DaatL> (дата обращения 13.05.2018).
5. Gaiman N. Coraline [Электронный ресурс]. – URL: <https://clck.ru/DaavA> (дата обращения 13.05.2018).
6. Gaiman N. M is for Magic [Электронный ресурс]. – URL: <https://clck.ru/DaavN> (дата обращения 13.05.2018).
7. Gaiman N. Nowhere [Электронный ресурс]. – URL: <https://clck.ru/Daaw3> (дата обращения 13.05.2018).
8. Gaiman N. The Ocean at the End of the Lane [Электронный ресурс]. – URL: <https://clck.ru/DaawM> (дата обращения 13.05.2018).
9. Martino G. 'Synaesthesia: Strong and weak' / G. Martino, L.E. Marks // *Current Directions in Psychological Science*. – 2001. – №10 (2). – pp. 61-65.

10.02.19

Ж.Ю. Шацкая

Омский Государственный Университет им. Ф.М. Достоевского,
факультет иностранных языков, кафедра иностранных языков,
Омск, zhanna-shats@yandex.ru

ОБРАЗНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ КОНЦЕПТА «МОДА»

В данной работе представлены результаты исследования концепта «Мода» на примере образной составляющей. Полученные результаты указывают на то, что одним из основных образов в образной составляющей концепта «Мода» является образ заполненного предметами пространства.

Ключевые слова: образ, образная составляющая, концепт, метафорическое моделирование.

Существует большое количество толкований слова «образ». Мы придерживаемся мнения А.Д. Арутюновой. Она считает, что «образ – это категория сознания, а не действительного мира. Образы погружаются в сознании в принципиально иную сеть отношений и связей. Сознание создает для них контекст, в котором первостепенную роль приобретают организующие картину мира ассоциативные отношения» [Арутюнова, 1988, с. 120].

В формировании образа задействованы восприятие, память и воображение. Это механизмы исследования мира, которые носят стихийный, произвольный характер. Образ существует самостоятельно. Зрительные впечатления порождают образы. А.Д. Арутюнова учитывает, что «зрительное восприятие комплексно, оно фиксирует форму, цвет, свет, объем, положение в пространстве, пропорции и т.д.» [Арутюнова, 1988, с. 122].

В когнитивной лингвистике образ рассматривается через категорию концепта.

В научной литературе можно встретить различные подходы к определению концепта. Мы придерживаемся позиции С. Г. Воркачева. Согласно его трактовке, под концептом понимают «единицу коллективного знания/сознания (отправляющую к высшим духовным ценностям), имеющую языковое выражение и отмеченную этнокультурной спецификой» [Воркачев, 2001, с.70].

Среди исследователей не наблюдается единого мнения в отношении структурирования концепта. При описании структуры концепта как области знания, как правило, определяют те участки, которые нашли свое выражение в языке, а также способы, помогающие осуществлять связь концепта с его языковой репрезентацией.

При моделировании концепта применяют разные методики. Одной из таких называют трехчастную методику, предложенную С.Г. Воркачевым. В ней выделяют три составляющие: понятийную, для исследования которой опираются на данные лингвистических словарей, образную и ценностную.

Описание образной составляющей позволяет выявить универсальные и специфические черты исследуемого феномена.

Образная составляющая, по С.Г. Воркачеву, фиксирует когнитивные метафоры: «Образная составляющая признается определяющей в семантике культурного концепта. Данная составляющая объединяет метафорические коннотации, прецедентные связи» [Воркачев, 2004, с.48].

В целом, методика С.Г. Воркачева достаточно активно используется при исследовании концептов. Особый интерес представляет образная составляющая, поскольку образная репрезентация наиболее точно передает особенности восприятия определенных явлений, зафиксированных в сознании носителей языка и отраженных в языке.

Отметим некоторые работы, в которых содержится описание образной составляющей. Так, диссертационное исследование С.А. Тихоновой посвящено изучению концептов «Зло» и «Evil», функционирующих в политической картине мира русских и американцев. Используя

вышеупомянутую методику, автор дает описание образной составляющей по материалам публицистических текстов.

Образная составляющая также была выделена при исследовании худо-жественной картины мира. Например, работа С.М. Богатовой посвящена описанию концепта «Дом» в художественной картине мира В. Вульф. Все зафиксированные образы имеют антропоцентрическую направленность. «Дом» концептуализируется как живое существо, оболочка человека.

Поскольку современные лингвистические исследования в большей степени акцентированы на реконструкцию концептов посредством анализа определенных способов и средств репрезентации концептов в языке, можно обнаружить разнообразные подходы. Одним из них является метафорическое моделирование. Теория метафорического моделирования считается достаточно новой и перспективной, поэтому вызывает много дискуссий.

А.П. Чудинов акцентирует внимание на том, что система метафорических моделей является «важной частью национальной языковой картины мира, национальной ментальности, она тесно связана с историей соответствующего народа» [Чудинов, 2003, с. 64].

Согласно Чудинову, базовые признаки метафорической модели характеризуются наличием «исходной понятийной области, новой понятийной области, семантического компонента, связывающего значение первичной и вторичной семантических сфер и дающего основания для метафоризации» [Чудинов, 2001, с. 44–45].

Современная лингвистика активно использует антропологический подход к изучению языка. Языковые явления рассматриваются в тесной связи с самим человеком, его культурой, историей, мышлением.

Основу мировидения человека составляет картина мира, исследование которой позволяет получить представление о существовании в языке и сознании людей «сгустков смыслов», или концептов. Анализ концептов выявляет национальную специфику.

Метафорические модели формируют базу образной составляющей. Они раскрывают характерные черты той или иной картины мира. Это помогает понять особенности концептуализации определенных явлений как в сопоставительном аспекте, так и в отдельной лингвокультуре.

В данной статье мы рассмотрим ф р е й м “Внутреннее пространство”, который входит в состав доминантной метафорической модели «Мода – это пространственный континуум». В качестве материала для изучения были проанализированы тексты электронных модных журналов, эфира программ «Модный приговор» (1 канал), «Снимите это немедленно» (канал СТС).

Ф р е й м “Внутреннее пространство”.

Слот ‘Заполненность внутреннего пространства’.

Фрейм “Внутреннее пространство” создает образ внутреннего пространства «моды», о котором сложно составить представление, оно не поддается пониманию: «Женя умудрилась доказать свою состоятельность даже ничего не понимая особо в моде, ибо раньше она ею не занималась» («Модный приговор», 1 канал, 16.11.09). Это происходит, потому что у «моды» свой мир, со своим особым хронотопом и своими законами организации. Маркером фрейма является конструкция с предлогом *в* и предложным падежом существительного с локальной семантикой.

Во внутреннем пространстве «моды» легко перемещаться, так как есть указатели движения (ориентиры в моде, направления в моде): «Выбор огромный, если иметь нормальный ориентир в моде, хорошие глаза и элементарные понятия о вкусе» («Модный приговор», 1 канал, 02.10.09).

При описании внутреннего пространства, как правило, проводится параллель с внешним, что позволяет говорить о «моде» как о мире, организованном по законам вселенной: «Как известно, в мире моды тревогу начинают бить тогда, когда спрос на роскошную продукцию падает у обеспеченных, или, как их называют, элитных потребителей» (<http://www.moda-online.ru>), «Вот видите, Надежда, таковы парадигмы мира моды» («Модный приговор», 1 канал, 02.09.11).

Пространство «моды» заполнено разнообразными предметами одежды и обуви, составляющими базовый гардероб: «Обратите внимание, что среди моделей одежды можно сказать, что модно абсолютно все. Сегодня в моде строгие юбки-карандаши, длинные юбки, юбки-тюльпаны. Узкие брюки, укороченные, расклешенные, широкие, комбинезоны тоже сегодня в моде» (<http://worldgirl.biz>), предметы определенных цветов: «Сегодня в моде платья однотонных ярких расцветок: малиновые, васильковые, белые, светло-бирюзовые и черные» (<http://aula.ru>).

Помимо этого упоминается одежда разного стиля: «Вот это прекрасный пример того, каким образом использовать винтажную одежду в моде» («Модный приговор», 1 канал, 15.06.11), верхняя одежда: «Сейчас в моде короткие кожаные куртки черного и темно-коричневого цветов» (<http://www.women.club>), сезонная одежда: «Вы не поверите, но этой осенью в моде такая летняя вещь, как шорты. И, представьте себе, тоже вязаные» (<http://aula.ru>).

Наличие вещей позволяет использовать их в личных интересах: «Длинные юбки в этом сезоне в моде. Так пользуйтесь этим!» («Модный приговор», 1 канал, 20.01.11), некоторые предметы получают эстетическую оценку: «Такой кардиган сегодня в моде. Он очень красивый. Создается ощущение, что вы сидите у камина» («Модный приговор», 1 канал, 20.01.11).

Обувь тоже разнообразна: «Этим летом в моде ботинки, туфли и бо-тильоны, выполненные в строгом мужском стиле» (<http://www.beautynet.ru>). Может подчеркиваться определенная деталь обуви: «Острые носы и маленькие “хитрые” каблочки, которые называются “кошачьи” каблочки, сегодня в моде. Они действительно очень активны в нынешнем сезоне, потому что доминируют 50-е» («Модный приговор», 1 канал, 30.11.10).

Также внутреннее пространство «моды» заполнено аксессуарами. Аксессуары представляют собой украшения: «Да, в моде кольцо очень большого размера. Кстати, там есть одно» («Снимите это немедленно», канал СТС, 24.01.10), в данном случае подчеркивается размер: «Безусловно, крупные яркие клипсы сейчас в моде. Например, в тон твоего платья, будут стильным дополнением к летнему наряду» («Лиза», №26, 2007г).

Кроме того, аксессуары могут быть дополнением к одежде: «Если в моде тонкие ремешки, то это не значит, что дизайнеры обошли стороной широкие ремни, ни в коем случае» (<http://la-femme.net>), «Что касается этого прекрасного шарфа, я бы его порекомендовала использовать в качестве чалмы, потому что чалма, во-первых, в моде в этом сезоне, во-вторых, она бы прибавила ей сантиметров роста» («Модный приговор», 1 канал, 28.07.10), дополнением, выполняющим определенную функцию: «В моде сумки с короткими ручками (одной или двумя), также представлен более удобный вариант с длинным ремешком, позволяющим носить сумку на плече» (<http://adioni.ru>).

Таким образом, анализ показал, что в образной составляющей концепта «Мода» образ внутреннего пространства «моды» представляет собой заполненный предметами контейнер. В основном это предметы одежды и обуви, аксессуары, составляющие базовый гардероб.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Образ: опыт концептуального анализа // Логический анализ языка: референция и проблемы текстообразования М.: Наука, 1988. – С. 117-129.
2. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // ФН –2001, № 1. – С.64-72.
3. Воркачев С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт. – М.: Гнозис, 2004. – 236 с.
4. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000). – Екатеринбург: УрГПУ, 2001. – С. 328.
5. Чудинов А.П. Политическая лингвистика (общие проблемы, метафора). Екатеринбург, 2003. – С.194.

10.02.00

Д.Б. Шебзухова

Пятигорский государственный университет,
Институт иностранных языков и международного туризма,
кафедра экспериментальной лингвистики и межкультурной компетенции,
Пятигорск, disana.schebzuхова@yandex.ru

ВАЛЕНТНОСТЬ И СОЧЕТАЕМОСТЬ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ В МНОГОКОМПОНЕНТНЫХ АТРИБУТИВНЫХ КОМПЛЕКСАХ

В статье проанализированы валентностный потенциал и сочетаемость языковых единиц как лингвистических феноменов, реализующихся в составе многокомпонентных атрибутивных комплексов русского и английского языков, что определяет актуальность исследования. Целью настоящей статьи выступает представление результатов анализа валентности и сочетаемости языковых единиц с опорой на многочисленные лингвистические работы, указывающие на специфику каждого из явлений и их взаимообусловленность. В рамках статьи внимание уделено основным языковым типам валентности и сочетаемости, а также их связи со значением многокомпонентного атрибутивного комплекса.

Ключевые слова: валентность, дистрибуция, значение, многокомпонентный атрибутивный комплекс, сочетаемость.

Компоненты МАК обнаруживают свое подлинное значение и формируются исключительно благодаря взаимоотношениям с другими компонентами, в совокупности с которыми образуют единое целое. Языковое единство интегрированного МАК опирается на связи и отношения, среди которых сочетаемость и валентность языковых единиц играют ключевую роль.

На современном этапе развития языкознания в области изучения сочетаемости и валентности разноуровневых языковых единиц накоплен достаточный теоретико-экспериментальный опыт [4-6]. В рамках настоящей статьи остановимся на вопросе валентности и сочетаемости языковых единиц в рамках многокомпонентных атрибутивных комплексов (МАК). Валентность выступает в нем не только как способность языковой единицы вступить в определенную комбинацию с другими словами, характеризуя саму языковую единицу, но предоставляет информацию о других членах потенциальных языковых комплексов, в которые данная единица может входить [7, с. 380]. Сочетаемость как реализация этой способности привлекает не меньшее внимание в МАК, поскольку не всегда следует универсальным и конкретно-языковым законам и тенденциям, привнося вариативность и изменчивость в закрепленные языковые модели.

Валентность (синтаксическую и семантическую) как потенциальную сочетаемость, имеющую количественное определение, приписывают пространству языка, обеспечивая возможность соединения языковых единиц [7, с. 387]. МАК выступает для сочетающихся единиц контекстом, где используемые единицы реализуют закрепленные синтагматические связи и обуславливают его семантическую структуру [8, с. 46]. Оставаясь в языке вне комплекса, отдельные языковые единицы не реализуют своего значения, а лишь пребывают в одной или нескольких парадигмах, нередко иерархично включающих друг друга (что особенно характерно для многозначных слов). Их индивидуальная семантика раскрывается в полной мере лишь через противопоставление другим единицам парадигм. Интегрированные в определенное образование, языковые единицы конкретно проявляют синтагматические и парадигматические отношения. Единство выбора и объединения языковых единиц приводит к конструированию МАК как результата этих двух процессов, например: *короткий осенний*

день, некоторая интегральная линия, простые мужские желания, большой противоположный характер, раннее Норино детство, любая незначительная деталь, *thick yellow fog, a cold raw misty London afternoon, an idle thoughtless happiness, soft sweet mechanical senseless music, that lanky 'rangy' loose-jointed graceful close-cropped formidably clean American look* (англоязычные примеры см. [10]). При этом языковая валентность компонентов МАК не всегда соответствует речевой валентности и даже нередко нарушает традиционные закономерности соединения.

Активной валентностью обладает опорный компонент МАК, притягивающий зависимые компоненты в комплексную языковую структуру, пассивной валентностью наделены зависимые компоненты-атрибуты, например: *российские ценные бумаги, крупные частные компании, отечественное сельское хозяйство; little political choice; calm pleasant manner; rich spoiled people* (активная валентность отмечена у компонентов *бумаги, компании, хозяйство, choice, manner, people*, пассивная – у всех остальных). Валентность сама по себе еще не структура, но потенция, прообраз будущей языковой модели. Сочетаемость (синтаксическую, семантическую, лексическую) как реализацию валентности языковых единиц относят к области речи. В зависимости от уровня анализа сочетаемость многокомпонентных атрибутивных комплексов делится на *формальную (грамматическую и лексическую)*, отражающую связь с другими знаками языка по грамматическому или лексическому значению соответственно, и *семантическую или понятийную*, объединяющую языковые значения [9] и отображающую связь с внеязыковой действительностью [8, с. 71]. Первая ассоциируется с частеречной принадлежностью единиц и избирательности лексем, входящих в МАК. Вторая определяется семантическим и стилистическим согласованием компонентов МАК, отсутствием внутри них противоречащих сем. В зависимости от влияющих факторов сочетаемость определяется как *произвольная* (определяется закрепленной языковой моделью) и *обусловленная* (определяется различительными чертами контактирующих языковых единиц). Позиционно внутри многокомпонентных атрибутивных комплексов существуют такие виды сочетаемости, как *контактная* (при соположении языковых единиц внутри комплекса, например, в МАК *мировой экономический партнер* контактная валентность отмечена у компонентов *экономический* и *партнер*) и *дистантная* (при отдаленном положении языковых единиц на определенном расстоянии, например, в МАК *масштабный позитивный долгосрочный эффект* дистантная валентность отмечена у компонентов *масштабный* и *эффект*) [3].

Валентность, сочетаемость и значение слова – величины взаимозависимые и взаимообусловленные свойствами любой языковой единицы [2]. Модификация одной из величин неизменно ведет к изменению другой. Например, расширение узуального спектра синтагматического ряда МАК влечет трансформацию его целостного значения, напротив, перенос прямого значения компонента МАК в переносную сферу ведет к утрате ряда комбинаторных способностей внутри языкового образования и к изменению валентностного потенциала. Таким образом, МАК как контекст дифференцирует, актуализирует и идентифицирует значения компонентов в своем составе, а с другой стороны, целостные категориально-семантический, лексико-семантический и синтаксический аспекты МАК ограничивают сочетаемость на каждом этапе его конструирования.

Как видим, в любом словосочетании как варианте языкового образования единицы языка организуются не спонтанно, а по синтагматическим законам или закономерностям языковой структуры, в соответствии с сочетательными возможностями [1]. С другой стороны, законы синтагматики (лексико-семантические, морфологические, синтаксические, интонационные) не носят жесткого характера, имеют вероятностную природу. Так, в морфологии языка валентность обозначает потенциальные синтагматические свойства слова, а сочетаемость отражает реализацию этих свойств и возможностей в потоке речи. Обладая знанием о валентности языковой единицы, можно прогнозировать ее сочетаемость и «правильность» конструируемых речевых структур. И наоборот, имея данные о сочетаемости, можно определить рекуррентные тенденции и вывести закономерности валентности конкретной языковой единицы.

Список литературы

1. Березин Ф.М., Головин Б.Н. Общее языкознание: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.». – М.: Просвещение, 1979. – С. 209-210.
2. Васильев Л.М. Современная лингвистическая семантика: учеб. пособие для вузов. – М.: Высшая школа, 1990. – С.54.
3. Гак В.Г. Сочетаемость // Лингвистический энциклопедический словарь. Под ред. В.Н. Ярцевой. – М.: Издательство «Советская энциклопедия», 1990. – С. 483.
4. Дубовский Ю.А. Эстетический потенциал в фонетической компетенции северокавказского билингва при чтении русского стиха // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2011. – №4. – С. 197-200.
5. Дубовский Ю.А., Будасов Ю.Л. Просодическая архитектура информационного радиодискурса: монография. – Пятигорск: ПГЛУ, 2009. – 133 с.
6. Заграевская Т.Б. Категория «оценка», ее статус и вербализация в современном английском языке: Автореф. дис. канд. фил. наук. – Пятигорск, 2006. – 19 с.
7. Лосев А.Ф. В поисках построения общего языкознания как диалектической системы // Психолингвистика в очерках и изречениях: хрестоматия: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – С. 376-404.
8. Медникова Э.М. Значение слова и методы его описания: учеб. пособие. – М.: Высшая школа, 1974. – 202 с.
9. Михальская А.К. Лингвопрагматика и риторика XX века // Психолингвистика в очерках и извлечениях: хрестоматия. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – С. 445.
10. Тер-Минасова С.Г. Словосочетание в научно-лингвистическом и дидактическом аспектах. Изд. 2-е, стереот. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – С. 34.

АННОТАЦИИ
ABSTRACTS

Н.С. Найденова, Л.С. Сорокина

ФИГУРЫ ПОВТОРА В ТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ
ПРОПОВЕДИ И ОСОБЕННОСТИ ИХ ПЕРЕДАЧИ ПРИ
ПЕРЕВОДЕ НА АНГЛИЙСКИЙ И ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫКИ

Ключевые слова: проповедь, эпимона, пролепсис, анадиплосис.
Статья посвящена изучению фигур повтора, которые являются важной составляющей современной религиозной проповеди. Материалом исследования послужили книги Святейшего Патриарха Кирилла «Тайна покаяния. Великопостные проповеди» (во французском переводе *La Conversion au Royaume de Dieu*) и «Мысли на каждый день года» (в английском переводе *Patriarch Kirill in His Own Words*). В статье анализируются риторические приемы, задействованные при переводе текстов проповедей Святейшего Патриарха Кирилла.

Р.А. Айнутдинов, З.З. Гилазев

ЛИТЕРАТУРНЫЕ МУЗЕИ ЧИСТОПОЛЬСКОГО МУЗЕЯ-
ЗАПОВЕДНИКА

Ключевые слова: Чистопольский государственный историко-архитектурный и литературный музей-заповедник, литературный музей, Б.Пастернак, Г.Исхаки, Л.Леонов, Чистополь.

Статья посвящена литературным музеям Чистопольского историко-архитектурного и литературного музея-заповедника. Выявлены история их становления и материалы, которые в них хранятся. Подчеркнуты особенности, которые позволяют дополнить историю русской и татарской литературы Татарстана.

А.А. Гильманова, И.А. Маклаков, Н.В. Маклакова
ДЖ.ТОЛКИЕН: ОТ ВОЛШЕБНЫХ ИСТОРИЙ К ЖАНРУ
ФЭНТЕЗИ

Ключевые слова: жанр фэнтези, жанровые особенности, мифологические корни, традиции эпоса, мотивы рыцарского романа.

Работа посвящена творчеству одного из самых известных сегодня писателей, Дж.Толкина, который не только создал целый ряд чрезвычайно популярных произведений, но и заложил в них основы жанра фэнтези, которые и исследуют авторы данной статьи. На основе тщательного анализа теоретических работ и художественных текстов писателя, раскрываются те базовые характеристики, структурные компоненты фэнтезийного жанра, которые разработал и реализовал Толкиен в своем творчестве и которые так или иначе проявляются в произведениях его последователей.

Р.З. Дарзаманова

ОСОБЕННОСТИ ПОЗНАНИЯ ИНЫХ КУЛЬТУР НА ПРИМЕРЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ ШВЕЙЦАРСКОГО ПИСАТЕЛЯ И
ПУБЛИЦИСТА ХУГО ЛЁЧЕРА

Ключевые слова: швейцарская немецкоязычная журналистика, швейцарская немецкоязычная литература, межкультурные связи, мультикультурализм, транскультура.

В данной статье рассматривается литературное и публицистическое наследие швейцарского немецкоязычного автора Х. Лёчера с точки зрения познания иных культур. Установлено, что творчество Х. Лёчера претерпело изменения: от обращения к отдельно взятой культуре в начале творческого пути до идей мультикультурализма и транскультурной картины мира в поздних произведениях автора.

N.S. Naydenova, L.S. Sorokina

FIGURES OF REPETITION AND THEIR TRANSLATION
INTO ENGLISH AND FRENCH

Keywords: sermon, epimone, prolepsis, anadiplosis.
The article deals with the study of figures of repetition, which constitute an important component of the modern religious sermon. The study is based on the books by His Holiness Patriarch Kirill «*La Conversion au Royaume de Dieu*» (in French translation) and «*Patriarch Kirill in His Own Words*» (in English translation). The article analyzes the rhetorical techniques involved in translating the texts of the Patriarch's sermons.

R.A. Aynutdinov, Z.Z. Gilazev

LITERARY MUSEUMS OF THE CHISTOPOLSK MUSEUM
OF THE RESERVE

Keywords: Chistopol State Historical, Architectural and Literary Museum-Reserve, literary museum, Boris Pasternak, G. Ishaky, L. Leonov, Chistopol.

The article is devoted to the literary museums of the Chistopol Historical, Architectural and Literary Museum-Reserve. The history of their formation and materials, which are stored in them, are revealed. Features that allow to supplement the history of Russian and Tatar literature of Tatarstan.

А.А. Gilmanova, I.A. Maklakov, N.V. Maklakova
J. TOLKIEN: FROM FAIRY-TALES TO THE GENDER OF
FANTASY

Keywords: fantasy gender, gender peculiarities, mythological roots, epic traditions, motifs of chivalric romance

This paper analyzes the basic components of the fantasy as presented in the works of J. Tolkien, the founder of this literary gender. The writer's fairy-tale is an epic story rooted in mythological traditions and based on the "quest" motif typical for the chivalric romance.

R.Z. Darzamanova

THE PERCEPTION OF DIFFERENT CULTURES IN THE
CONTEXT OF THE WORK OF SWISS AUTHOR HUGO
LOETSCHER

Keywords: Swiss German journalism, Swiss German literature, intercultural contacts, multiculturalism, transculture.

In the following article you can see the analysis of literary and publicistic work of Swiss author Hugo Loetscher from the perspective of the different cultures' perception. It is shown, that we can see a change from address to one separate culture in the early oeuvre to the ideas of multiculturalism and transcultural vision of the world in the late writings of the author.

Р.В. Даутова

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ:
КИНОПРОИЗВОДСТВО НА КАЗАНСКОЙ СТУДИИ
ТЕЛЕВИДЕНИЯ (1960-1970-Е ГГ.)

Ключевые слова: информационная деятельность, республиканское телевидение, телефильм, документальный фильм, всесоюзное тиражирование.

В статье анализируется роль кинопроизводства в обеспечении и управлении информационной деятельностью в Казанской студии телевидения в 1960-1970-е гг. Автор приводит примеры крупных документальных телефильмов, созданных на Государственном телевидении ТАССР, а затем получивших всесоюзное признание в процессе тиражирования. Выявлены особенности кинотворчества на региональном телевидении в советский период.

Н.В. Захарова

«ПРОБЛЕМНАЯ ПРОЗА» КАК НОВЫЙ ЖАНР В
КИТАЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 20-Х ГГ. XX В.

Ключевые слова: литература Китая, «проблемная проза», литературные течения, реализм, символизм.

В статье дан анализ новому для китайской литературы жанру «проблемной прозы», к которому обратились молодые литераторы, воодушевленные движением «4-го мая» 1919 года - движением за новую культуру и литературу. Основными авторами «проблемной прозы» стали Бин Синь, Юй Дафу, Ван Тунчжао.

А.У. Киньябулатов, Ф.Р. Байтеряков, Р.З. Нуриманов,
А.Д. Лифанова, Р.Р. Ибрагимова, Р.В. Исхаков, Р.Н. Зигитбаев,
Б. Батсайхан, Д.А. Рахматуллина

СОЗДАНИЕ ПЕРВОЙ В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН
КРАТКОЙ ПЕРСОНАЛЬНОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ О
ЗАСЛУЖЕННОМ ВРАЧЕ РСФСР Н.Н. БАЙТЕРЯКОВЕ

Ключевые слова: энциклопедии, справочники, персональная энциклопедия, врач, хирургия, организатор здравоохранения. Биография Н.Н. Байтерякова — заслуженного врача РСФСР, полковника медицинской службы, участника четырёх войн, кавалера четырёх орденов, организатора здравоохранения, кардиохирургии и нейрохирургии в Республике Башкортостан стала основой для создания первой биографической энциклопедии о враче.

О.В. Лескова

ОБРАЗ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ГИМНАЗИИ В МЕМУАРАХ
П.В. ЗАСОДИМСКОГО (НА ПРИМЕРЕ ВОЛОГОДСКОЙ
ГИМНАЗИИ 1856 – 1863 ГГ.)

Ключевые слова: мемуары, образ.

В работе представлены результаты исследования образа провинциальной гимназии в мемуарах вологодского писателя и публициста П.В. Засодимского. В своих воспоминаниях Засодимский посвящает отдельную главу описанию учебного процесса и знакомству читателя с персонами преподавателей губернской гимназии 1856-1863 гг. Мемуары Засодимского являются «опосредованными мемуарами», созданными на основе аналитического взгляда в прошлое через призму настоящего.

О.С. Туманова

ОБРАЗЫ «СТАРШЕЙ ЭДДЫ» В ПОЭМАХ А.Н. МАЙКОВА
«БАЛДУР» И «БРИНГИЛЬДА»

Ключевые слова: мифологические образы; скандинавская мифология; мифотворчество; культурные контексты; женские образы.

Исследование посвящено рецепции русской поэзией 1870-1880 гг. образов архаической скандинавской культуры, их последующей адаптации и функционированию в качестве героев ролевой лирики, носителей «чуждого слова». В работе рассматривается художественный диалог поэм А.Н. Майкова, условно объединяемых в «скандинавский диптих», с их литературным первоисточником – Старшей Эддой, поэтическим сборником древнеисландских песен о богах и героях.

R.V. Dautova

PROVIDING INFORMATION ACTIVITIES: FILM
PRODUCTION AT KAZAN STUDIO OF TELEVISION
(1960-1970)

Keywords: information activity, republican television, television film, documentary film, all-Union replication.

The article analyzes the role of film production in providing and managing information activities at the Kazan Television Studio in the 1960s-1970s. The author gives examples of large documentary television films created on the State TV of the Tatarstan Republic, and then received all-Union recognition in the process of replication. The features of filmmaking on regional television during the Soviet period are revealed.

N.V. Zakharova

"PROBLEMATIC PROSE" AS A NEW GENRE IN CHINESE
LITERATURE IN THE EARLY TWENTIETH CENTURY

Keywords: Chinese literature, "Problematic prose", literary trends, realism, symbolism.

The article analyzes the genre of "problem prose", new to the Chinese literature, to which young writers turned, encouraged by the "May 4" movement of 1919 - the movement for a new culture and literature. The main authors of "problematic prose" were Bin Xin, Yu Dafu, Wang Tungzhao.

A.U. Kinyabulatov, F.R. Bayteriakov, R.Z. Nurimanov,
A.D. Lifanova, R.R. Ibragimova, R.V. Iskhakov, R.N. Zigitbaev,
B. Batsaikhan, D.A. Rakhmatullina

CREATION OF THE FIRST IN THE REPUBLIC OF
BASHKORTOSTAN BY BRIEF PERSONAL
ENCYCLOPEDIA ABOUT THE HONORABLE DOCTOR OF
THE RSFSR N.N. BYTERYAKOV

Keywords: encyclopedias, reference books, personal encyclopedia, doctor, surgery, organizer of public health. Biography of N.N. Bayteriakov, a distinguished doctor of the RSFSR, a colonel in the medical service, a participant in four wars, a chevalier of four orders, organizer of public health, cardiac surgery and neurosurgery in the Republic of Bashkortostan became the basis for the creation of the first biographical encyclopaedia of a doctor.

O.V. Leskova

THE IMAGE OF PROVINCIAL COLLEGE IN MEMOIRS P.V.
ZASODIMSKY (ON THE EXAMPLE OF VOLOGDA
COLLEGE, 1856 – 1863)

Keywords: memoirs, image.

The paper presents the results of studying of the main image in the memoirs of the Vologda writer and publicist P.V. Zasodimsky. It's the image of a provincial grammar school. Zasodimsky devotes the separate chapter in his memoirs to the description of the educational process and to the acquaintance of the reader with the personalities of the teachers of the provincial grammar school of 1856-1863. Zasodimsky's memoirs are "mediated memoirs", created on the basis of an analytical view of the past through the prism of the present.

O.S. Tumanova

IMAGES OF POETIC EDDA IN POEMS "BALDUR" AND
"BRUNHILDA" BY A.N. MAYKOV

Keywords: Norse mythology; myth-making; mythological images; cultural contexts; female images.

This article is devoted to artistic dialogue of poems (also known as "Norse diptich") by A.N. Maykov with their literature original source – Poetic Edda, anthology of the Old-Icelandic songs about gods and heroes. Furthermore, Poetic Edda is the greatest and the most famous collection of the notions about Norse mythology.

Лю Янькунь

**«ДУМЫ ЦВЕТКА И МЕЧТЫ БАБОЧКИ»: ИСТОРИЯ ОДНОГО
ЗАГЛАВИЯ (ПЕРВЫЙ ПЕРЕВОД ПОВЕСТИ
«КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА» В КИТАЕ)**

*Ключевые слова: русская литература, перевод, символика,
Пушкин, китайская культура, Цзи Ихуэй, межкультурные
контакты.*

В статье рассматриваются некоторые особенности первого перевода на китайский язык повести А.С. Пушкина «Капитанской дочки», выполненного в 1903 г. Цзи Ихуэй. Анализ символического значения заглавия позволяет понять, в каком контексте воспринималось произведение китайскими интеллектуалами начала XX в., интерпретировавшими сюжетные ситуации и образы персонажей повести в соответствии с существовавшими в Китае художественными стереотипами.

А.А. Бекетова, Е.Е. Сафронова

**ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ
ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА КАК СПОСОБ ПОВЫШЕНИЯ
МОТИВАЦИИ**

*Ключевые слова: лингвострановедение, лингвокультурология,
мотивация, иностранный язык.*

В статье рассматривается лингвострановедческий аспект изучения иностранного языка как способ повышения мотивации, а также применение лингвострановедческого материала в качестве средства повышения мотивации студентов при изучении языка, что способствует подготовке высококвалифицированных специалистов, готовых к иноязычной коммуникации в любых формах.

**О.А. Бирюкова, Е.А. Давыдова, И.И. Каштанова
РОЛЬ ФОНОВЫХ ЗНАНИЙ В ВОСПРИЯТИИ И
ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ОНИМОВ В
ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ**

*Ключевые слова: фоновые знания, художественный текст,
прецедентные онимы, восприятие текста, интерпретация
текста, английский язык.*

В статье рассматривается значение фоновых знаний читателя в процессе интерпретации художественного текста. Прецедентные онимы определяются как знак присутствия в текстовом пространстве невербальной информации, требующей определенной мыслительной обработки. Результатом такой обработки можно считать извлечение смысла, заложенного в текст автором.

А.М. Галимова, Ф.Д. Рассказов

**СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ РАЗВИТИЯ МЕТОДИЧЕСКОЙ
ГОТОВНОСТИ ПЕДАГОГА-ЛИНГВИСТА**

*Ключевые слова: методологические подходы, подходы,
исследование, сфера образования, систематический подход,
компетентностный подход.*

Статья посвящена современному этапу модернизации системы образования особое значение приобретает проблема развития и повышения профессиональной компетентности педагогов в системе дипломного и послевузовского образования, подготовки нового поколения педагогов, повышения их профессионализма и общекультурного уровня. Среди приоритетов дипломного и послевузовского образования преподавателей-филологов ведущее место занимает развитие научно-методической компетентности.

М.М. Гераськова, Е.В. Голован

**ЯЗЫКОВАЯ ГИБРИДИЗАЦИЯ В ТЕКСТАХ МУЗЫКАЛЬНЫХ
СУБКУЛЬТУР ПОЛЬШИ**

*Ключевые слова: языковая гибридизация, англоязычные
заимствования, вкрапления, понглиши.*

В статье описываются особенности функционирования англо-польского языкового гибрида «понглиши» в текстах, репрезентирующих различные музыкальные субкультуры современной Польши. Характеризуются хронологически обусловленные изменения в составе гибридных элементов, форм и способов их образования, а также выполняемых ими прагматических целевых установок.

Liu Yankun

**FLOWER'S THOUGHTS AND BUTTERFLY'S DREAM: THE
HISTORY OF ONE TITLE (THE FIRST TRANSLATION OF
THE STORY "THE CAPTAIN'S DAUGHTER" IN CHINA)**

*Keywords: Russian literature, translation, symbols, Pushkin,
Chinese culture, Ji Yihui, intercultural contacts.*

The article reveals the features of the first translation of "The Captain's Daughter" by Alexander Pushkin, which contributed to the perception of the story by Chinese intellectuals at the beginning of the 20th century. It adjusted the plot situations and characters of the story to cultural stereotypes of Chinese readers.

A.A. Beketova, E.E. Safronova

**THE ASPECT OF THE CULTURE-ORIENTED LINGUISTICS
IN STUDYING A FOREIGN LANGUAGE AS A WAY TO
INCREASE THE MOTIVATION LEVEL**

*Keywords: culture-oriented linguistics, culturological linguistics,
motivation, foreign language*

The article deals with the aspect of the culture-oriented linguistics in studying a foreign language as a way to increase the motivation level. Besides the application of the cultural-oriented linguistic materials as a method of increasing motivation among student during learning a foreign language is analyzed. It helps to provide well trained high-skill specialists at any form of a foreign communication.

O.A. Biryukova, E.A. Davydova, I.I. Kashtanova

**THE ROLE OF BACKGROUND KNOWLEDGE IN
PERCEPTION AND INTERPRETATION OF PRECEDENT
ONYMS IN A FICTIONAL TEXT**

*Keywords: background knowledge, fictional text, precedent
onyms, text perception, text interpretation, the English language.
This paper touches upon the importance of the reader's background knowledge for interpreting a fictional text. Precedent onyms are defined as a sign of the presence of non-verbal information in the text space. Such information demands the reader's certain mental work, which results in comprehending the author's ideas.*

A.M. Galimova, F.D. Rasskazov

**THE CURRENT STATE OF DEVELOPMENT OF
METHODOLOGICAL READINESS OF
THE TEACHER-LINGUIST**

*Keywords: methodological approaches, approaches, research,
education, systematic approach, competence approach.*

This article is devoted to the present stage of modernization of the education system, the problem of development and improvement of professional competence of teachers in the system of diploma and post-graduate education, training of a new generation of teachers, improving their professionalism and cultural level. Among the priorities of the diploma and postgraduate education of teachers-philologists the leading place takes the development of scientific and methodological competence.

M.M. Geras'kova, E.V. Golovan

**LANGUAGE HYBRIDIZATION IN TEXTS OF MUSICAL
SUBCULTURES OF POLAND**

*Keywords: language hybridization, loan words, inclusions,
ponglisch.*

The paper focuses on the features of the Anglo-Polish language hybrid "ponglisch" representing in the texts of various musical subcultures of modern Poland. Chronologically determined changes in the structure of hybrid elements, forms and ways of their coinage and the pragmatic purposes which are carried out by them are characterized.

Ф.Ф. Гилемшин

ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ ЛЕКСИКА В ТАТАРСКОМ ПЕРЕВОДЕ
СКАЗОК «ТЫСЯЧА И ОДНА НОЧЬ»

Ключевые слова: психологическое состояние, эмоции, бояться, удивляться, ревновать, злиться, стыдиться, быть довольным, прощать, раздражительность, невнимательность.

Данная статья посвящена анализу глаголов, выражающих внутреннее эмоциональное и психологическое состояние героев сказок в татарском переводе сборника «Тысяча и одна ночь». Рассматриваются такие явления, как боязнь, переживание, сострадание, обида, растерянность, стыд, раскаяние, радость, удивление, сострадание и т.д. При помощи определенных глаголов и глагольных конструкций читатель «подключается» к эмоциональному состоянию персонажа. Обилие в тексте перевода глаголов данной категории указывает на активность использования такого художественного приема как прямой психологизм. Причиной этого является назидательный характер сказок «Тысяча и одна ночь».

О.В. Гончарова

СОЦИОФОНЕТИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ С ПОЗИЦИЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Ключевые слова: социофонетика, социолингвистика, социолект, региолект, русский язык, произносительный вариант, социальные факторы.

Фонетические вопросы играют центральную роль в изучении языковой вариативности и изменений с момента зарождения социолингвистики, а именно, в какой степени социальная история индивида и сообщества отражается в производстве языка и в какой степени наш социальный опыт влияет на наше восприятие языка. Последние достижения в области телекоммуникаций, записи и анализа технологий облегчили изучение взаимодействия и интерференции между широким спектром различных фонетических систем, но современные исследования были бы неполными без обращения к истории становления социофонетики как науки. Поэтому представляется актуальным рассмотреть по концепциям ведущих ученых основные подходы к определению понятия и предмета социофонетики, проследив в историческом плане формирование круга проблем, изучаемых этой наукой, с целью обозначения языковых форм и социальных фактов, проблематики и соответствующих понятий.

Е.В. Григорьева, И.М. Солодкова
КОНЦЕПЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ И
ПАРЕМИИ: ИЗОБРАЖЕНИЕ ЯЗЫКА

Ключевые слова: понятие, значение, лингвистическая культура, пересечение культурных исследований, фразеологическая единица, основа паремиологического языка.

Понятие языковой культуры как науки возникло вследствие того, что язык взаимосвязан с культурой, и, следовательно, наука находится на пересечении культурных исследований и лингвистики. Лингвокультурология, наряду с когнитивной лингвистикой, является одним из основных направлений современной лингвистики, сформированной в рамках антропоцентрической парадигмы. В антропоцентрической парадигме основное внимание уделяется анализу языка и человека. Что касается представленных исследований, концепции являются одним из основных понятий лингвокультурологии, и большое внимание уделяется ее изучению. Однако чем активнее изучается концепция, тем более спорные вопросы возникают в связи с фразеологической концепцией.

F.F. Gilemshin

THE EMOTIONAL LEXIS IN THE TATAR TRANSLATION
OF THE FAIRY TALES
«ONE THOUSAND AND ONE NIGHTS»

Keywords: psychological state, emotions, fear, wonder, jealousy, anger, shame, be pleased, forgive, irritability, inattention.

This article is devoted to the analysis of verbs expressing the inner emotional and psychological state of the heroes of fairy tales in the Tatar translation of the collection "One Thousand and One Nights". Such phenomena as fear, experience, compassion, resentment, confusion, shame, remorse, joy, surprise, compassion, etc. are considered. With the help of certain verbs and verbal constructions, the reader "connects" to the emotional state of the character. The abundance in the text of the translation the verbs of this category indicates the activity of using such an artistic device as direct psychologism. The reason for this is the edifying nature of the fairy tales "One Thousand and One Nights".

O.V. Goncharova

SOCIOPHONETICS IN RUSSIAN LINGUISTICS

Keywords: sociophonetics, sociolinguistics, sociolect, regiolect, Russian language, pronunciation variant, social factors

Phonetic questions play a Central role in the study of linguistic variability and change since the inception of sociolinguistics, namely, to what extent the social history of the individual and the community is reflected in the production of language and to what extent our social experience affects our perception of the language. Recent advances in the field of telecommunications, recording and analysis technologies have facilitated the study of interactions and interferences between a wide range of different phonetic systems, but modern research would be incomplete without reference to the history of the formation of sociophonetic as a science. Therefore, it is important to consider the main approaches to the definition of the concept and the subject of sociophonetics according to the concepts of leading scientists, historically, the formation of a range of problems studied by this science, in order to identify language forms and social facts, problems and relevant concepts.

Е.В. Григорьева, И.М. Солодкова
THE CONCEPT OF A PHRASEOLOGICAL UNIT AND
PAREMIA: LANGUAGE IMAGE

Keywords: concept, notion, the linguistic culture, the intersection of cultural studies, phraseological unit, the paremiological language foundation.

The concept of linguistic culture as a science arose on the basis that the language is very closely related to culture, and thus this science is at the intersection of cultural studies and linguistics. Linguoculturology, along with cognitive linguistics, is one of the main directions in modern linguistics, formed within the anthropocentric paradigm framework. In the anthropocentric paradigm, the main attention is paid to the analysis of human in language and vice versa. Regarding the presented research, the concept is one of the basic linguoculturology notions, and much attention is paid to its study. However, the more actively the concept is studied.

К.П. Джирова, А.К. Карданова, Ю.В. Пасынкова, В.С. Петросян
СОМАТИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ ИДИОМЫ КАК ЭЛЕМЕНТ
ФОРМИРОВАНИЯ ЕЕ ОСНОВНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК
(НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКИХ И РУССКИХ
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ, ВКЛЮЧАЮЩИХ
СОМАТИЗМЫ «ЛИЦО», «РЫЛО», «DAS GESICHT»,
«DIE FRESSE»)

Ключевые слова: идиомы, фразеологические единицы,
соматический компонент.

Статья посвящена выявлению взаимообусловленной связи между ФЕ-идиомой и одной из её составляющих. Эта связь может быть выявлена в большинстве идиоматических конструкций практически любого языка, в особенности в ходе сравнительного исследования групп ФЕ, максимально отображающих основные универсалии, свойственные фразеологической системе в целом, то есть достоверно показывающих, как развивается последняя.

Ю.Н. Драчева, Н.С. Дьякова
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЯЗЫКОВОГО ОПЫТА СТУДЕНТОВ-
ИНОСТРАНЦЕВ ПРИ ОБУЧЕНИИ РКИ

Ключевые слова: лингводидактика, РКИ, межъязыковое
сопоставление, языковой опыт.

Статья посвящена анализу языкового опыта студентов из Таджикистана, которые проходят обучение в российских вузах, и способам использования их языковых компетенций при обучении русскому языку как иностранному. Одним из ключевых методических приемов признается межъязыковое сопоставление таджикского, русского и английского языков, при этом последний может выступать в качестве языка-посредника.

Е.Н. Ильина, Л.В. Сабурова
"МИР НАСЕКОМЫХ" ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ДИАЛЕКТНОГО
СЛОВООБРАЗОВАНИЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ ВОЛОГОДСКИХ ГОВОРОВ)

Ключевые слова: диалектная языковая картина мира,
вологодские говоры.

В статье анализируется внутренняя форма производных существительных – названий насекомых на материале «Словаря вологодских говоров» и записей устной речи жителей Вологодского края. Доказываются специфические черты диалектной языковой картины мира: парцеллированность, обусловленность геоклиматическими и социально-экономическими особенностями региона, прагматичность, традиционность, экспрессивность.

О.Б. Карасик, О.В. Шалагина
ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ
ПЕРСОНАЖЕЙ ПРОИЗВЕДЕНИЯ М. БОНДА
«МЕДВЕЖОНОК ПО ИМЕНИ ПАДДИНГТОН»

Ключевые слова: перевод, детская литература, речевое
поведение.

Статья посвящена сравнительному анализу переводов произведения М. Бонда «Медвежонок по имени Паддингтон», выполненных Т. Карелиной и А. Глебовской. В работе рассматриваются особенности репрезентации элементов речевого поведения персонажей при переводе в рамках детской художественной литературы. На примере данного произведения демонстрируются лексические различия «детской» и «взрослой» речи литературных героев.

K.P. Djirova, A.K. Kardanova, Yu.V. Pasinkova, V.S. Petrosyan
SOMATIC COMPONENTS OF IDIOMS AS THE ELEMENT
OF FORMING ITS BASIC CHARACTERISTICS
(BASED ON GERMAN AND RUSSIAN PHRASEOLOGICAL
UNITS THAT INCLUDE COMPONENTS «ЛИЦО», «РЫЛО»,
«DAS GESICHT», «DIE FRESSE»)

Keywords: idioms, phraseological units, the somatic component
The article is devoted to defining the interdependent connection between a phraseological unit idiom and one of its components. This connection is revealed in most idioms of any language, particularly in comparative analysis of groups reflecting basic universal features typical; for phraseology in general and showing the way it develops.

Yu.N. Dracheva, N.S. Dyakova
THE USE OF FOREIGN STUDENTS' LANGUAGE
EXPERIENCE IN THE TRAINING OF RUSSIAN AS
A FOREIGN LANGUAGE

*Keywords: linguodidactics, Russian as a foreign language,
interlingual correspondences, language experience.*

The article deals with the analysis of the language experience of Tajikistan students studying in Russia, as well as the ways of using their language skills in the teaching of Russian as a foreign language. The key method is interlingual correspondences of Tajik, Russian and English, while the latter can be also used as a bridge language.

E.N. Ilyina, L.V. Saburova
"WORLD OF INSECTS" THROUGH THE PRISM OF
DIALECT WORD FORMATION
(ON MATERIAL OF THE VOLOGDA DIALECTS)

*Keywords: dialectal language picture of the world, Vologda
dialects.*

Article is devoted to analysis of internal form of derivative nouns – names of insects on material of "The dictionary of the Vologda dialects" and records of live conversations of people of the Vologda region. As a result specific features of a dialect language picture of the world, such as parceling, pragmatism, conditionality climatic and social and economic features of the region, traditional character and expressivity are proved.

O.B. Karasik, O.V. Shalagina
TRANSLATION PECULIARITIES OF CHARACTERS'
SPEECH BEHAVIOR IN M. BOND'S "A BEAR CALLED
PADDINGTON"

Keywords: translation, children's literature, speech behavior.

The article deals with a comparative analysis of T. Karelin and A. Glebovskaya's translations of the work "A Bear Called Paddington" by M. Bond. The paper considers peculiarities of representation of the elements of characters' speech behavior in translation of children's fiction literature. We demonstrate lexical differences between "children" and "adult" speech of characters on the example of this literary work.

М.А. Кузина

ОККАЗИОНАЛЬНЫЕ МНОГОКОМПОНЕНТНЫЕ
КОМПОЗИТЫ КАК ОСОБЕННОСТЬ ИДИОСТИЛИЯ
АНГЛОЯЗЫЧНОГО ПИСАТЕЛЯ-МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИСТА

Ключевые слова: мультикультурная литература, экзотизм,
«свой» v. «чужой», словосложение, окказиональный
многокомпонентный композит.

Настоящая статья представляет собой попытку показать, как писатели - мультикультуралисты используют окказиональные многокомпонентные композиты в художественных произведениях на английском языке для достижения понятийной компрессии, эмоциональной точности и(ли) интенсивности, комического и иронического подтекста. Общая выборка примеров составила 86 окказиональных многокомпонентных композитов из 25 художественных произведений.

Б.А. Мхитарян

РАЗНОВИДНОСТИ МЕТАФОРЫ КАК СРЕДСТВО
СОЗДАНИЯ ИРОНИЧЕСКОГО ЭФФЕКТА В
ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ РОМАНА
Д. ГОЛСУОРСИ «САГА О ФОРСАЙТАХ»

Ключевые слова: олицетворение, деперсонализация, ирония,
перифраз.

Статья посвящена одной из наиболее актуальных проблем современной лингвистики – изучению разновидности метафоры как средство создания иронического эффекта. Функционирование данного типа иронии иллюстрируется примерами речи персонажей Джона Голсуорси. Проводится лингвистический анализ текстового материала, который позволяет рассмотреть разновидности метафоры.

С.В. Николаева, К.И. Федорова

ИНТОНАЦИОННЫЙ АНАЛИЗ КАТЕГОРИИ
ДЕСТРУКТИВНОСТИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Ключевые слова: деструктивность, речевые стратегии,
тактики, интонация, диктема.

В данной статье представлен интонационный анализ публичного выступления президента США Д. Трампа, выражающий феномен деструктивности. Выступление представляет собой определенный набор диктем, связанных между собой единством замысла, характеризующихся несколькими интонационными моделями.

О.О. Петрова

СЕМАНТИКА, ГРАММАТИКА И ПРАГМАТИКА
«ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ»

Ключевые слова: отрицательные местоимения, лексикализация
местоимений, семантика, прагматика, грамматика
местоимений.

Статья посвящена рассмотрению функционирования отрицательных местоимений в русском языке, анализу их лексико-семантических, морфологических и синтаксических особенностей. У некоторых отрицательных местоимений автор выделяет частные значения, не зафиксированные в толковых словарях.

Д.А. Романов

ОШИБКИ ПЕРЕВОДА С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА
РУССКИЙ ЯЗЫК ИМЕННЫХ ГРУПП
"PREMODIFIER(S) + HEAD NOUN"

Ключевые слова: английский язык, именная группа, группа
существительного, левое определение, перевод.

При переводе английских именных групп "premodifier(s) + head noun" на русский язык студентами магистратуры технического профиля возможны следующие основные ошибки: прямой порядок перевода (слева направо) и ложные смысловые связи между словами. Причинами данных ошибок являются недостаточная языковая подготовка в области перевода и недостаток знаний по тематике исходного текста.

M.A. Kuzina

LSI UNITS AS A TYPICAL FEATURE OF
MULTICULTURAL LITERATURE

Keywords: multicultural literature, exoticism, «self» v. «other»,
syntactic compound/LSI unit, compounding/composition.

The article undertakes to reveal the aims of using LSI units in the English language multicultural literature. 86 phrase-based coinages of syntactic origin are irregular, laconic, expressive and manipulative.

B.A. Mkhitarian

METAPHOR VARIETIES AS A MEANS OF CREATING
AN IRONIC EFFECT IN TEXTS OF THE NOVEL BY
J. GALSWORTHY "THE FORSYTES SAGA"

Keywords: irony, metaphor, personification, depersonalization.

The article deals with the study of the metaphor varieties as a means of creating an ironic effect. The functioning of this type of irony is illustrated by the speech examples of characters by J. Galsworthy. The linguistic analysis of the text material enables to examine the variety of metaphor.

S.V. Nickolayeva, K.I. Fedorova

INTONATION ANALYSIS OF THE DESTRUCTIVE
CATEGORY IN POLITICAL DISCOURSE

Keywords: category of destructiveness, speech strategies and
tactics, intonation, dictema.

The article deals with the analysis of the intonation patterns in public statement by US President D. Trump, which expresses the phenomenon of destructiveness. The statement is a specific set of dictemas, connected by intention and characterized by several intonation patterns.

O.O. Petrova

SEMANTICS, GRAMMAR AND PRAGMATICS
«NEGATIVE PRONOUNS»

Keywords: negative pronouns, lexicalization of pronouns,
semantics, pragmatics, grammar of pronouns.

The article considers the functioning of negative pronouns in the Russian language, the analysis of their lexical-semantic, morphological and syntactic features. In some negative pronouns, the author identifies particular values that are not recorded in explanatory dictionaries.

D.A. Romanov

CASES OF INCORRECT TRANSLATION OF NOMINAL
PHRASES "PREMODIFIER(S) + HEAD NOUN" FROM
ENGLISH INTO RUSSIAN

Keywords: English, nominal phrase, noun group, premodifier,
translation

In case of translating English nominal phrases "premodifier(s) + head noun" into Russian by Master's degree students majoring in engineering, the following basic errors are made: direct translation order (from left to right), and false semantic relationships between the words. These errors may be due to both insufficient translation training and a lack of knowledge on translation theme.

Н.С. Синицына
ИЗМЕНЕНИЕ СТЕПЕНИ КАТЕГОРИЧНОСТИ
ВЫСКАЗЫВАНИЯ

Ключевые слова: категоричность, императивность, предикация, бином, полином.

Статья посвящена исследованию изменения степени категоричности высказывания в английском языке. Анализ языковой фактологии подтверждает значимость предикатного полинома для передачи значения императивности, что позволяет продемонстрировать его ведущую роль в ряду иных разноразрядных языковых форм передачи категоричности. Анализируется семантика глаголов в составе полиномной конструкции, позволяющая с прагматической точки зрения обозначить отношение говорящего к ситуации, раскрыть его намерения, дать оценку происходящему.

А.Е. Фалилеев
МЕТОДИЧЕСКАЯ РАЗРАБОТКА УПРАЖНЕНИЙ ПО
ДОМАШНЕМУ ЧТЕНИЮ ПО ПРОФИЛЮ
«ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК» ДЛЯ СТУДЕНТОВ-БАКАЛАВРОВ

Ключевые слова: методика, методическая разработка, система упражнений, домашнее чтение, иностранный язык.

В данной статье доказывается мысль о том, что в методике преподавания иностранного языка важна работа над чтением. Студент, овладевший в достаточной степени чтением как одним из видов речевой деятельности, сможет не только беспрепятственно знакомиться с произведениями зарубежной литературы, но и повысить уровень своей иноязычной культуры. В статье приводится методическая разработка упражнений по домашнему чтению на иностранном языке.

А.А. Фомин
ФРЕЙМОВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ТАКТИЛЬНО-ЗРИТЕЛЬНОЙ
СИНЕСТЕЗИИ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНОВ Н. ГЕЙМАНА)

Ключевые слова: синестезия, синестетические сочетания, субфрейм, фрейм.

В статье рассматриваются вербализованные синестетические ощущения, которые сочетают в себе обычное зрительное ощущение совместно с другим, дополнительным тактильным ощущением. Явление синестезии исследуется с точки зрения теории фреймов. Анализу подвергаются репрезентации тактильно-зрительного восприятия.

Ж.Ю. Шацкая
ОБРАЗНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ КОНЦЕПТА «МОДА»

Ключевые слова: образ, образная составляющая, концепт, метафорическое моделирование.

В данной работе представлены результаты исследования концепта «Мода» на примере образной составляющей. Полученные результаты указывают на то, что одним из основных образов в образной составляющей концепта «Мода» является образ заполненного предметами пространства.

Д.Б. Шебзухова
ВАЛЕНТНОСТЬ И СОЧЕТАЕМОСТЬ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ В
МНОГОКОМПОНЕНТНЫХ АТРИБУТИВНЫХ
КОМПЛЕКСАХ

Ключевые слова: валентность, дистрибуция, значение,

многокомпонентный атрибутивный комплекс, сочетаемость. В статье проанализированы валентностный потенциал и сочетаемость языковых единиц как лингвистических феноменов, реализующихся в составе многокомпонентных атрибутивных комплексов русского и английского языков, что определяет актуальность исследования. Целью настоящей статьи выступает представление результатов анализа валентности и сочетаемости языковых единиц с опорой на многочисленные лингвистические работы, указывающие на специфику каждого из явлений и их взаимообусловленность. В рамках статьи внимание уделено основным языковым типам валентности и сочетаемости, а также их связи со значением многокомпонентного атрибутивного комплекса.

N.S. Sinitsyna
MODIFICATION OF A STATEMENT'S CATEGORY
DEGREE

Keywords: categoricity, imperativeness, predication, binominal structure, polynomial structure.

The paper deals with the problem of variations the categoricity of the utterance in the English language. Analysis of the language factology confirms the importance of the polynomial predicate for conveying the meaning of imperativity, which helps to demonstrate its leading role in a number of other different-level linguistic forms of categoricity. The semantics of the verbs in the polynomial construction is analyzed, which allows from a pragmatic point of view to indicate the speaker's attitude to the situation, reveal author's intention and estimate his position.

A.E. Falileev
THE METHODICAL DEVELOPMENT OF EXERCISES ON
HOME-READING ON THE FOREIGN LANGUAGE PROFILE
FOR STUDENTS-BACHELORS

Keywords: methodology, methodological development, the system of exercises, home reading, foreign language.

This article proves the idea that the work on reading is important in the teaching of a foreign language. The student who has mastered enough reading as one of the types of speech activity will be able not only to get acquainted with the works of foreign literature, but also to improve the level of the foreign language culture. The methodical development of exercises on home reading in a foreign language is given in this article.

A.A. Fomin
FRAME ORGANIZATION OF TACTILE-VISUAL
SYNAESTHESIA (BASED ON NOVELS BY N. GAIMAN)

Keywords: synaesthesia, synaesthetic combinations, frame, subframe.

The paper presents verbalized synaesthetic sensations which are represented by combination of visual sensation and tactile sensation. The phenomenon of synaesthesia is explored through the prism of cognitive linguistics, from the point of view of the theory of frames. The analysis is subjected to the representation of tactile-visual perception.

Zh.Yu. Shatskaya
SOCIAL MARKER OF CONCEPT «MODA»

Keywords: image, image component, concept, metaphorical modeling.

This paper presents the results of the study of the concept «Moda» based on image component. The obtained results indicate that one of the main images is the image of space filled with different things.

D.B. Shebzuhova
VALENCE AND COMBINABILITY OF LANGUAGE UNITS
IN MULTICOMPONENT ATTRIBUTIVE COMPLEXES

Keywords: combinability, distribution, meaning, multicomponent attribute complex, valence.

The article analyzes valence potential and compatibility of language units as a linguistic phenomenon, which is realized in the composition of multi-component attributive complexes of Russian and English languages, and this approach determines the relevance of the study. The purpose of this article is to present the results of the analysis of language units valence and compatibility based on numerous linguistic works, which state specific features of each of the phenomena and their interdependence. The article focuses on the main linguistic types of valence and combinability, as well as their relationship with the meaning of a multicomponent attributive complex.

Публичный лицензионный договор-оферта

Редакция журнала «Казанская наука» предлагает Вам присылать свои статьи для публикации на страницах журнала, а также на сайте Научной электронной библиотеки (НЭБ). Предоставление Автором своего произведения является полным и безоговорочным акцептом, т.е. данный договор считается заключенным с соблюдением письменной формы. Присылая для публикации произведение, Автор также предоставляет Редакции журнала права на использование произведения и гарантирует, что он обладает достаточным объемом прав на передаваемое произведение. Также Автор предоставляет редакции журнала право переуступить на договорных условиях частично или полностью полученные по настоящему Договору права третьим лицам без выплаты Автору вознаграждения. Все авторские права регулируются в соответствии с действующим законодательством России.

Договор публичной оферты по обработке персональных данных

В процессе осуществления выпуска журнала «Казанская наука» ООО «Казанская наука» и ООО «Казанский Издательский Дом» осуществляется обработка персональных данных, предоставленных авторами статей в рамках сообщения своих регистрационных данных для осуществления публикации в журнале (имя, фамилия, отчество, адрес автора, контактный телефон и e-mail приводятся в регистрационной форме, заполняемой авторами при отправке статьи в журнал). Обработка осуществляется редакцией журнала для целей надлежащей отправки журнала автору и возможности связи с автором лиц, заинтересованных в результатах труда автора статьи. Под обработкой персональных данных в контексте настоящего согласия понимаются действия редакции по сбору, систематизации, накоплению, хранению, использованию, распространению, уничтожению персональных данных, а также действия по их дальнейшей обработке с помощью автоматизированных систем управления базами данных, и иных программных средств, используемых редакцией журнала. Настоящее согласие автора на обработку персональных данных является бессрочным и может быть отозвано в любой момент путем отказа автора от получения журнала и дальнейшей обработки его персональных данных.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

КАЗАНСКАЯ НАУКА

№6 2018

www.kazanscience.ru

Лицензия ПИ № ФС77-59615

Подписано в печать 30.06.2018

Формат 60 x 84 1/8. Печать цифровая.

8,2 усл.печ.л. 9,4 уч.изд.л. Тираж 900 экз. Заказ 2148.

Учредитель: ООО «Казанская наука»:

420021, г. Казань, ул. З.Султана, д.17а.

Адрес издательства, типографии – ООО «Казанский Издательский Дом»:

420102, г. Казань, ул.2-ая Юго-Западная, 3

Цена - договорная

© Казанский Издательский Дом

тел.(843) 290-60-15

Отпечатано с готового оригинал-макета

ООО «Казанский Издательский Дом»